

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

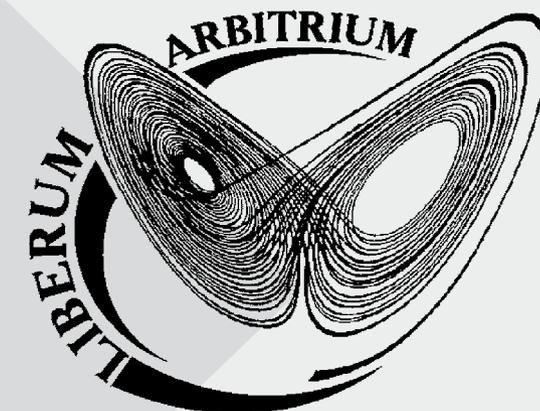
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ / 2020

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Том 18. Номер 4 (63). ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ / 2020
Volume 18. No. 4 (63). OCTOBER-DECEMBER / 2020

**ДИЛЕММЫ
МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМА
В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ**

МЕГАТРЕНДЫ

- Марк
Энтин**
- Екатерина
Энтина** ► Европейская интеграция против
пандемии
- Вадим
Войников**
- Артём
Мальцев** ► Эволюция военно-технологических
альянсов
- Валерий
Юнгблюд** ► Вызовы коалиционной дипломатии

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международников
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

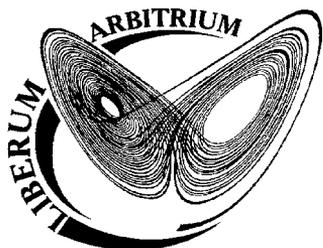
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 18. Номер 4 (63)
ОКТАБРЬ-ДЕКАБРЬ **2020**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Mikhail Troitskiy, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

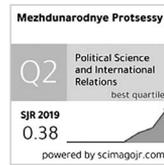
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«*International Trends*» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский, Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский, Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США), Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков, Михаил Троицкий, Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич, Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор

первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь

заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Вадим Беленков, Елена Бочкова, Анна Гожина,
Наталья Меден, Ирина Николаева

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728-2756 (печатная версия)

ISSN 1811-2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221-89-80

© Журнал «Международные процессы», 2020

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2020

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

CHALLENGES OF MULTILATERALISM

Volume 18. No 4 (63). October–December 2020

CONTENTS

REALITY AND THEORY

Mark Entin Ekaterina Entina Vadim Voynikov Artem Maltsev	The EU Choice towards Integration in the Midst of COVID-19 Pandemics	6
	Network Dynamics of Technology Diffusion in International Arms Transfers	36
Maksim Suchkov Olga Rebro Andrey Sushentsov Andrey Baykov	Leadership and Foreign Policy Decision-Making in the Next Innovation Wave	62

CHRONICALS

People and events

Valery Yungblyud Denis Sadakov	US Coalition Diplomacy on the Korean Issue: Record of the Geneva Conference of 1954	81
-----------------------------------	--	----

CATCHING A TREND

Boris Martynov Alla Borzova Boris Nekrasov Ivan Danilin	Amazon Cooperation Treaty Organization in the Context of Sustainable Development Goals	108
	Innovative Transformation of Superplatforms	127

CONTINUING THE DISCUSSION

Alexander Lukin Oksana Pugacheva	Korea in the Early 21 st Century and Russia's Interests	143
-------------------------------------	--	-----

SCRIPTA MANENT

Book Reviews

Mikhail Bukharin	Global Uncertainty as a Factor in IR Evolution	158
Gulnur Sufiyanova Ekaterina Muslimova	Digital Toolbox of Diplomatic Service	162

	<i>Our authors</i>	167
--	------------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Марк Энтин Екатерина Энтина Вадим Войников	Углубление интеграции и институциональная трансформация: дилеммы стран Евросоюза	6
Артём Мальцев	Сетевая динамика «диффузии технологий» в системе международных трансферов вооружений	36
Максим Сучков Ольга Ребро Андрей Сушенцов Андрей Байков	Лидерство и принятие внешнеполитических решений в эпоху нового технологического уклада	62

ЛЕТОПИСЬ

События и люди

Валерий Юнгблюд Денис Садаков	«Усложняющий фактор»? Коалиционная дипломатия США в корейском вопросе	81
----------------------------------	---	----

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Борис Мартынов Алла Борзова Борис Некрасов Иван Данилин	Амазонский пакт в контексте целей устойчивого развития	108
	Инновационная трансформация крупнейших интернет-платформ	127

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

Александр Лукин Оксана Пугачёва	Корея в начале XXI века и интересы России	143
------------------------------------	---	-----

SCRIPTA MANENT

Рукописи не горят. Рецензии

Михаил Бухарин	Глобальная неопределённость как фактор развития международных процессов	158
Гульнур Суфиянова Екатерина Муслимова	Цифровой инструментарий в деятельности внешнеполитических ведомств	162

Наши авторы

Our authors

УГЛУБЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИЛЕММЫ СТРАН ЕВРОСОЮЗА

МАРК ЭНТИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

ЕКАТЕРИНА ЭНТИНА

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия

Институт Европы РАН, Москва, Россия

ВАДИМ ВОЙНИКОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Резюме

Пандемия COVID-19 стала катализатором системного кризиса ЕС и одновременно дала Союзу толчок навстречу качественно новому развитию в пользу большего углубления интеграции, выраженному в изменении финансово-экономического пространства объединения. Осознавая риски внутренней дестабилизации, страны ядра Евросоюза согласились на обобществление долгов, спасая самых пострадавших от пандемии государств-членов ради сохранения интеграционного объединения и, в целом, самой европейской идеи. Цели данной статьи заключаются в объяснении трудностей принятия данного решения и его компромиссного характера, а также в разъяснении вероятных последствий и оценке вариантов дальнейшего развития ситуации. Сначала авторы сравнивают аргументы «за» и «против» обобществления долгов. Затем проводится сопоставление испанского предложения, франко-германской инициативы и переговорной платформы «ЕС следующего поколения» с принципиальными положениями компромиссного решения Европейского Совета. Представлены данные об объёмах, условиях, механизме и контроле расходования выдаваемой финансовой помощи. Авторы анализируют прорывные шаги, предпринятые государствами-членами на пути поиска оптимального решения. Результатом исследования является вывод о неоднозначном характере принятого ЕС решения, однако определённо имеющего историческое значение и открывающего перспективы дальнейшего углубления интеграционных процессов. Этому способствует достижение согласия о необходимости сближения ядра ЕС с периферией через обобществление долгов, а также о важности проведения структурных реформ, которые обеспечили бы построение гармоничной экономики будущего, базирующейся на новой технологической платформе и сформулированной в прорывном плане

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.09.2020

Дата принятия к публикации: 17.02.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: entinmark@gmail.com

e.entina@hse.ru

voinicov@yandex.ru

«ЕС следующего поколения». Успех не гарантирован, так как зависит от поведения всех государств-членов, однако реален.

Ключевые слова:

Европейский Союз; пандемия; европейская интеграция; интеграционное право; обобществление долгов.

Пандемия COVID-19, разрозненный и не всегда адекватный ответ на неё государств-членов, безынициативность наднациональных институтов управления на первых этапах её распространения поставили Европейский Союз в затруднительное положение. Обострились присущие ему слабости и противоречия: неповоротливость; дефицит доверия между государствами-членами и отсутствие единства целей; неоднородность в уровнях развития, эффективности национальных экономик и государственных структур; несопоставимость возможностей, которыми они располагают.

Глубокий системный кризис, усиленный пандемией, бросил угрозу стабильности ЕС. Выход из опасной ситуации с минимальными издержками был проложен через применение радикальных финансово-экономических мер, предпринятых Европейским центральным банком (ЕЦБ), а затем и политическими институтами ЕС – Европейским Советом, Советом ЕС и Европейской комиссией (ЕК). Тем не менее даже этого оказалось недостаточно: почти мгновенно стали «нарывать» раны, нанесённые индивидуалистической реакцией государств-членов, когда они вводили без оглядки на остальных серьёзные ограничительные меры, бьющие по интересам друг друга, забыв о взаимопомощи и общих подходах. Лидеры Италии и Франции поспешили заявить, что, если так пойдёт и дальше, страны ЕС начнут относиться к европейскому интеграционному проекту всё более пренебрежительно.

В этих условиях Европейскому Союзу и его опорным государствам-членам требовалось продемонстрировать солидарность,

перераспределив ресурсы интеграционного объединения в пользу стран, особенно сильно пострадавших от пандемии – например, предоставить им финансовую помощь в форме субсидий, грантов, ассигнований, бюджетных вливаний и обобществить долги в рамках ЕС.

Однако до самого последнего момента предположение о том, что Брюссель решится на столь революционное реформирование европейского экономического пространства, выглядело призрачным. Против него выступали благополучные государства-члены во главе с Германией из опасений перед вероятной последующей дестабилизацией с риском утраты ЕС тех черт, которые делали его финансово-экономическую систему надёжной и привлекательной для инвесторов.

Тем не менее по итогам крайне острых переговоров, продолжавшихся с 17 по 21 июля 2020 года, Европейский Совет принял судьбоносное решение. Он поручил ЕК осуществить в ближайшие годы от имени всего ЕС заимствование на свободном финансовом рынке колоссальной суммы 750 млрд евро и распределить её в первую очередь среди государств-членов, особенно пострадавших от коронавирусной пандемии¹.

Это решение меняет природу ЕС: переводит объединение на качественно более высокий уровень интеграции, по мере того как финансово-экономическое пространство ЕС приобретает большую цельность. Разница между ядром и периферией ЕС микшируется за счёт сильнейших государств в пользу менее успешных.

Решение, принятое Европейским Советом – лишь первый шаг. Теперь всё будет

¹ Conclusions of the Special meeting of the European Council (17, 18, 19, 20 and 21 July 2020). Brussels, 21 July 2020 (OR. en) EUCO 10/20 CO EUR 8 CONCL 4. 68 p. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/45109/210720-euco-final-conclusions-en.pdf> (accessed: 15.12.2020).

зависеть от того, на каких условиях между государствами-членами будут распределены сообща заимствуемые средства, во что они будут вложены и как будет осуществляться совместный контроль над их использованием. Смысл второй части сделки состоит в том, чтобы не допустить расточения средств и обеспечить их рациональное расходование на построение новой экономики в масштабах интеграционного объединения и укрепление её национальных сегментов в соответствии с согласованными ЕС критериями.

Обсуждение предложений, приведших к этому волевому решению Европейского Совета, было напряжённым и бескомпромиссным. На пике пандемии Германия и ориентирующиеся на неё страны ядра ЕС отвергли тщательно проработанные предложения по механизму обобществления долгов, выдвинутые Мадридом от лица девяти государств-членов. Тем не менее уже вскоре под давлением обстоятельств Берлин завуалированно дал понять, что при соблюдении определённых условий готов пересмотреть и скорректировать свою позицию². Затем последовала франко-германская инициатива³, радикально меняющая расстановку сил и политический ландшафт в ЕС.

Оттолкнувшись от неё, председатель ЕК незамедлительно выступила с предложениями, послужившими переговорной платформой для глав государств и правительств стран ЕС⁴. Представляя её Евро-

парламенту, Урсула фон дер Ляйен вслед за Парижем и Берлином высказалась за то, чтобы наряду с бюджетными ориентирами на 2021–2027 годы, незначительно превышающими 1 трлн евро, политические институты ЕС поддержали создание Фонда восстановления в размере 750 млрд евро, средства которого пошли бы на строительство «ЕС следующего поколения»⁵. Источником поступлений послужили бы заимствования, которые, получив на это соответствующий мандат, ЕК осуществила бы на свободном финансовом рынке от имени Европейского Союза. 500 млрд евро пошли бы на гранты, которые должны быть распределены в первую очередь среди государств-членов, особенно пострадавших от коронавирусной пандемии. Кроме того, Брюссель предоставит этим странам 250 млрд евро в форме кредитов на гораздо более выгодных условиях, нежели те, на которые страны могли бы рассчитывать при осуществлении заимствований в индивидуальном качестве.

К тому моменту в ЕС уже сложились мини-коалиции государств-членов, которые имели свои запросные позиции на саммите Европейского Совета. Блоку из 9 государств, требовавших разработки «общего долгового инструмента»⁶, противостояла «прижимистая четвёрка» (Австрия, Нидерланды, Германия, Швеция), вместе с Финляндией ранее сопротивлявшаяся введению коронабондов. Эти страны настаивали на меньшем объёме гран-

² Germany relaxes stance on EU joint debt. EU Observer. 21.04.2020. URL: https://euobserver.com/tickers/148128?utm_source=euobs&utm_medium=email (accessed: 15.08.2020).

³ European Union – French-German initiative for the European recovery from the coronavirus crisis (Paris, 18 May 20). France Diplomacy. 18.05.2020. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/coming-to-france/coronavirus-advice-for-foreign-nationals-in-france/coronavirus-statements/article/european-union-french-german-initiative-for-the-european-recovery-from-the> (accessed: 15.08.2020).

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Europe’s moment: Repair and Prepare for the Next Generation. COM(2020) 456 final. {SWD(2020) 98 final}. Brussels. 27.05.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1590732521013&uri=COM:2020:456:FIN> (accessed: 15.08.2020).

⁵ Europe’s moment: Repair and prepare for the next generation. European Commission Press release. Brussels. 27.05.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_940 (accessed: 15.08.2020).

⁶ Joint letter of 9 European leaders to Charles Michel. 25.03.2020. Independent Balkan News Agency. [Электронный ресурс]. URL: <https://balkan.eu.com/eu-joint-letter-of-9-european-leaders-to-charles-michel/> (accessed: 15.08.2020).

тов, жёстких политических условиях, тщательном контроле за расходами государств-членов и бюджетных скидках [Genschel, Jachtenfuchs 2021: 20]. В итоге Европейский Совет установил, что 390 млрд евро пойдут на гранты, остальная сумма будет предоставлена в форме кредитов⁷.

Последующее сравнение аргументов «за» и «против» обобществления долгов государств-членов объяснит, почему принятое решение тяжело далось ЕС, в чём заключается его компромиссный характер, к чему оно приведёт и как будет развиваться ситуация внутри интеграционной группировки. Не менее важно сопоставить ключевые слагаемые испанского предложения, франко-германской инициативы и переговорной платформы о «ЕС следующего поколения» Урсулы фон дер Ляйен с принципиальными моментами компромиссного решения Европейского Совета.

1

К числу важнейших аргументов «против» обобществления долгов относятся: (1) нарастающая угроза глобального долгового кризиса и неподъёмный характер долговых обременений; (2) опасность утраты сильными экономикками своих базовых характеристик; (3) фактическое поощрение «нахлебничества» и «безответственности» экономически относительно более отсталых государств-членов; (4) дальнейшее снижение управляемости ЕС из-за строптивости получателей помощи; (5) неприемлемость обобществления долгов для большинства налогоплательщиков. Схематично они сводятся к следующему.

Во-первых, в Германии и поддерживающем её в этом отношении мини-блоке преуспевающих государств Западной, Северной и Центральной Европы традиционно придерживались следующей логики рассу-

ждений: если заботиться о долговых обязательствах партнёров по европейскому интеграционному проекту и допустить солидарную ответственность по долгам, это серьёзно ослабит экономику более успешных в экономическом отношении государств. Идти по столь опрочечивому пути нельзя, особенно в условиях нарастающей угрозы глобального долгового кризиса.

Задолго до повсеместного локдауна ведущие экономисты планеты, исследовательские центры и консалтинговые агентства предупреждали о грядущей дестабилизации мировой экономики, а с началом пандемии эти прогнозы стали ещё мрачнее. В частности, эксперты МВФ предсказали глубочайший после Великой депрессии спад в мировой экономике⁸. Эпоха экстенсивного расширения рынков сбыта товаров и услуг закончилась. Стагнация спроса – тенденция долговременная. В среднесрочной перспективе искусственное стимулирование спроса лишь ухудшит положение. Перепроизводство товаров и услуг в любой момент может послужить спусковым крючком нового глобального экономического кризиса. Первоначальный толчок вызовет эффект домино, противостоять которому, даже после всех предпринятых мер секьюритизации, банковские и финансовые институты не смогут.

Новый глобальный экономический кризис будет иметь особенно разрушительный характер, обусловленный тем, что лопнет очередной долговой пузырь. Денежная масса и производные финансовые инструменты оторвались от их материального обеспечения, акции и другие ценные бумаги переоценены вследствие господства в экономике спекулятивного капитала настолько, что санировать ситуацию без колоссальных непредсказуемых потерь не получится.

⁷ Conclusions of the Special meeting of the European Council (17, 18, 19, 20 and 21 July 2020). Brussels, 21 July 2020 (OR. en) EUCO 10/20 CO EUR 8 CONCL 4. 68 p. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/45109/210720-euco-final-conclusions-en.pdf> (accessed: 15.12.2020).

⁸ Gopinath G. The Great Lockdown: Worst Economic Downturn Since the Great Depression. IMFBlog. 14.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.imf.org/2020/04/14/the-great-lockdown-worst-economic-downturn-since-the-great-depression/> (accessed: 17.11.2020).

Иллюстрацией к подобным опасениям служит критическое положение в Соединённых Штатах, остающихся краеугольным камнем мировой политики и экономики. Суверенная задолженность превысила ВВП страны и продолжает стремительно нарастать⁹. К ним можно добавить корпоративные долги и долги домохозяйств примерно такого же объёма, долги студенчества, с 2006 г. выросшие почти в 3 раза и превысившие в 2018 г. 1,6 трлн долларов¹⁰, развал пенсионной системы, неблагоприятную динамику в системе здравоохранения. В случае удорожания обслуживания долга высока вероятность шока в американской экономике.

Из-за их зависимого положения в гораздо более плачевном положении находится экономика Греции, Италии и других периферийных стран ЕС, не говоря уже о целой группе развивающихся стран, как минимум 28 из которых, по оценкам Всемирного банка и МВФ, находятся под высоким риском долгового кризиса¹¹.

Вашингтонский Институт международных финансов предупредил об угрозе «долгового цунами» и установил, что за 2020 г.

совокупный долг государств, бизнеса, финансовых учреждений и домохозяйств вырос на 15 трлн долларов¹². Сотрудники института подсчитали, что в результате фискальных послаблений и массированных заимствований, к которым прибегнут все государства для спасения национальных экономик, совокупный долг превысит 342 трлн долларов¹³. В марте уровень госзаимствований оказался более чем вдвое выше среднемесячного за 2017–2019 годы (2,1 против 0,9 трлн долларов)¹⁴. К июлю 2020 года, по подсчётам МВФ, одни лишь налоговые послабления, к которым прибегли государства, составили 11 трлн долларов¹⁵. По прогнозам того же МВФ, в 2020 г. суверенный долг всех стран планеты превысит 101,5% глобального ВВП – это больше, чем когда-либо в истории человечества¹⁶. Причём суверенный долг развитых стран, державшийся в январе 2020 г. на уровне в 104,7% ВВП, к апрелю достиг 122,4% ВВП, а к концу полугодия – 131,2%, то есть вырос на 26,5%¹⁷. Например, если в 2019 г. суверенный долг Франции составлял 100,1% ВВП, то к концу 2020 года, как предполагается, он подскочил до более чем 120% ВВП¹⁸.

⁹ Federal Debt: Total Public Debts Percent of Gross Domestic Product. FRED Economic Data. 22.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/GFDEGDQ188S> (accessed: 03.01.2021).

¹⁰ Leukhina O. Rising Student Debt and the Great Recession. St. Louis Fed on the Economy Blog. 14.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stlouisfed.org/on-the-economy/2020/january/rising-student-debt-great-recession#:~:text=Outstanding%20student%20debt%20in%20the,8%25%20of%20GDP%20in%202016> (accessed: 14.12.2020).

¹¹ List of Low-Income Countries Debt Sustainability Analysis for PRGT-Eligible Countries as of January 31, 2021. IMF. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/dsa/dsalist.pdf> (accessed: 05.02.2021)

¹² Carver R. As Pandemic Rages, Debt Burden on Developing Nations Grows. Voanews. 20.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.voanews.com/covid-19-pandemic/pandemic-rages-debt-burden-developing-nations-grows> (accessed: 07.01.2021).

¹³ Едовина Т. Три с половиной ВВП. Мировой долг стремится к новым рекордам // Коммерсантъ. № 64. 09.04.2020. С. 2. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4317300?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter

¹⁴ Там же.

¹⁵ Gaspar V., Gopinath G. Fiscal Policies for a Transformed World // International Monetary Fund Blog. 10.07.2020. URL: https://blogs.imf.org/2020/07/10/fiscal-policies-for-a-transformed-world/?utm_medium=email&utm_source=govdelivery (accessed: 07.01.2021).

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Sicard C. Où va donc la France avec son endettement indéfiniment croissant? La France ne pourra pas cesser d'augmenter chaque année sa dette si elle ne réduit pas ses dépenses de vieillesse et de santé // Contrepoints. 12.08.2020. URL: https://www.contrepoints.org/2020/08/12/377900-ou-va-donc-la-france-avec-son-endettement-indefinement-croissant?utm_source=Newsletter+Contrepoint

Суверенный долг Великобритании в августе превысил 2 трлн фунтов стерлингов и продолжил увеличиваться¹⁹.

МВФ предупреждает, что мировой ВВП снизился в 2020 г. в лучшем случае на 3–4%²⁰, а в ведущих странах ЕС сильнее – примерно на 7–8%²¹. Есть основания не доверять столь оптимистичным прогнозам: согласно подсчётам британского Офиса по бюджетной ответственности, во втором квартале 2020 г. ВВП Соединённого Королевства должен был сократиться на 35%, а текущий бюджетный дефицит резко вырасти, до 14% ВВП²². По официальным данным, в отношении бюджетного дефицита так и случилось, и хотя ВВП снизился немногим более чем на 20%, это всё равно было расценено специалистами как катастрофа²³. В других странах ситуация сопоставима. Например, в Японии за второй квартал ВВП в пересчёте на год упал

на 27,8%²⁴. Кроме того, повсюду в мире в тяжёлом положении из-за просрочки платежей и несостоятельности заёмщиков окажутся все финансовые учреждения и кредиторы²⁵. Ожидается тяжелейший кризис мировой банковской системы²⁶. В дополнение ко всему МВФ не исключает, что в 2021 г. по мировой экономике может ударить следующая волна пандемии²⁷.

Таким образом, в Германии и в других благополучных странах ЕС между обобществлением долгов в рамках интеграционного объединения и разоружением перед лицом грядущих, причём неотвратимых, катаклизмов планетарного масштаба вполне резонно ставится знак равенства.

Во-вторых, растущие риски могут рассматриваться лишь в качестве усугубляющего фактора. Для социумов ядра ЕС очевидно обобществление долгов станет гандикапом: они, скорее всего, потеряют

ts&utm_campaign=d41f0f3d8a-Newsletter_auto_Mailchimp&utm_medium=email&utm_term=0_865f2d37b0-d41f0f3d8a-114203765&mc_cid=d41f0f3d8a&mc_eid=2995c5b755 (accessed: 15.12.2020).

¹⁹ End the debt madness – we can't go on like this, says JOHN REDWOOD // Express UK. 22.08.2020. URL: https://www.express.co.uk/comment/expresscomment/1326041/UK-debt-latest-warning-john-redwood-coronavirus-bill?utm_source=express_newsletter&utm_medium=Email&utm_content=DailyExpress11&utm_campaign=politics_newsletter (accessed: 15.12.2020).

²⁰ Islam F. IMF head: Dire economic forecasts may be too optimistic // BBC News. 17.04.2020. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/business-52326853> (accessed: 15.12.2020).

²¹ Transcript of April 2020 European Department Press Briefing // International Monetary Fund. 15.04.2020. URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/15/tr041520-transcript-of-april-2020-european-department-press-briefing?utm_medium=email&utm_source=govdelivery (accessed: 15.12.2020).

²² Coronavirus reference scenario: The OBR's coronavirus analysis // Office for Budget Responsibility. 14.04.2020. URL: <https://obr.uk/coronavirus-reference-scenario/> (accessed: 15.12.2020).

²³ Russell R. FTSE 100 LIVE: UK falls into deepest recession in history – 'Never seen anything like it'. The UK has officially gone into recession for the first time since the financial crisis as new figures show the coronavirus pandemic sent the economy plunging by a record 20.4 percent between April and June // Express-Home of the Daily and Sunday Express. 12.08.2020. URL: <https://www.express.co.uk/finance/city/1321722/FTSE-100-live-index-futures-share-price-dow-jones-Wall-Street-stock-market-recession-ONS> (accessed: 15.12.2020).

²⁴ Mit Suru Obe. Japan GDP contracts annualized 27.8% in April-June. Coronavirus pandemic causes biggest quarterly fall in postwar period // Nikkei Asian Review. 17.08.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-GDP-contracts-annualized-27.8-in-April-June> (accessed: 15.12.2020).

²⁵ Kauffman J., Gara A. Exclusive: The Coming Default Crisis with online loans // Forbes. 16.04.2020. URL: https://www.forbes.com/sites/jeffkauffman/2020/04/16/exclusive-early-data-shows-12-of-online-loans-in-trouble-double-just-weeks-ago/?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=dailydozen&cdclid=5d2f3021953109375efe933a#6b77eaae18c1 (accessed: 15.12.2020).

²⁶ Global Financial Stability Report: Chapter 1. Global Financial Stability Overview: Markets in Time of COVID-19 // International Monetary Fund. April 2020. URL: https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2020/04/14/global-financial-stability-report-april-2020?utm_medium=email&utm_source=govdelivery (accessed: 15.12.2020).

²⁷ Islam F. IMF head: Dire economic forecasts may be too optimistic // BBC News. 17.04.2020. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/business-52326853> (accessed: 15.12.2020).

в финансовом плане, и совершенно неясно, что получают взамен.

Страны ядра ЕС живут по средствам: имеют сбалансированный бюджет, уверенно развиваются, конкурентоспособны, имеют профицит торгового баланса, обеспечивают своим гражданам высокое качество жизни, во всех рейтингах успешности занимают лидирующие позиции. В результате они наиболее привлекательны для жизни и ведения бизнеса, включая выгодные условия доступа к «длинным деньгам». Многие уводят в них свои капиталы, готовы поселиться, работать и/или начинать своё дело.

Объединяя долги с менее благополучными, устойчивыми и кредитоспособными странами, в которых всё значительно хуже, успешные экономики заведомо ставят под сомнение все перечисленные выше характеристики и преимущества. Их рейтинги и другие показатели могут ухудшиться, снизится привлекательность. Такая угроза вполне реальна.

В-третьих, политические элиты, промышленники и население Германии и солидаризирующихся с ней государств убеждены, что проблемы периферии ЕС связаны с тем, что входящие в неё страны не провели нужные социально-экономические реформы и не проявляют должного рвения к их запуску. Как отмечают исследователи, ещё десятилетие назад в Европе сложился преобладающий дискурс «моральной сказки», в которой северные добродетели «усердия, разумных сбережений, умеренности в потреблении» противопоставлялись «южным порокам низкой конкурентоспособности, скудных сбережений, неоправданного потребления, финансовой расточительности» [Matthijs, McNamara 2015; Fourcade et al. 2013]. Для северных кредиторов бедственное положение южных стран – результат плохой национальной политики, а не следствие международной взаимозависимости [Genschel, Jachtenfuchs 2021: 20].

Реформы должны привести к снижению и ликвидации административных барьеров, мешающих эффективному функцио-

нированию экономики и переливу капитала; упрощению и цифровизации процедур и, в целом, государственного управления; сокращению государственного аппарата; либерализации рынка труда; адаптации пенсионной системы и системы здравоохранения к современным потребностям. Наряду с этим целью реформ следовало бы сделать облегчение условий ведения бизнеса; поддержку стартапов, малых и средних предприятий; поощрение мобильности; оптимизацию контроля за добросовестной конкуренцией; привлечение инвестиций и их более эффективное использование.

Ещё одно ожидаемое от проблемных государств направление реформ должно состоять в осуществлении комплекса мероприятий, гарантирующих, что соотношение между зарабатываемыми средствами и расходами будет носить сбалансированный характер, предписания пересмотренного Пакта стабильности (после возобновления его действия) будут строго соблюдаться, что позволит снизить накопившуюся задолженность. Последнее необходимо для придания их экономике большей устойчивости и появления эндогенных драйверов развития.

Наконец, не менее важны жёсткая, последовательная борьба с коррупцией и организованной преступностью в любых формах и проявлениях; оптимизация структур поддержания правопорядка; придание каждому отдельному судебному органу и всей системе судебных и квазисудебных учреждений такого характера, при котором их можно было бы безболезненно вписать в общий рынок обеспечения качественного правосудия, добиться единообразия судебной практики и общей приверженности господству права в масштабах всего интеграционного объединения.

Других вариантов нет: периферия ЕС обязана как можно быстрее осуществить реформы. Поблажки в виде обобществления долгов только создадут для проблемных стран иллюзию того, что они смогут извлечь для себя выгоды за счёт других, и демотивируют их в проведении реформ.

В результате оказанная им помощь станет бессмысленной.

В-четвёртых, донорская помощь может не только оказаться напрасной, но и негативно сказаться на странах-реципиентах. Принудительный курс социально-экономических реформ может восприниматься некоторыми группами населения как диктат, давление сверху и, соответственно, вызывать негативную реакцию. Например, фронду правительств и руководства Польши и Венгрии, проводящих, как считают в ЕС, националистическую политику с нотками авторитаризма, Брюсселю не удаётся подавить уже несколько лет. Претензии к Варшаве и Будапешту касаются их отказа следовать общей политике объединения по перераспределению беженцев, частичного демонтажа системы сдержек и противовесов в функционировании политической системы и концентрации власти в руках правящей партии (партий) и их лидеров. Варшава, в свою очередь, не приемлет диктата в отношении традиционных семейных ценностей. Будапешт, несмотря на сопротивление иностранного капитала, взял его деятельность на своей территории под жёсткий налоговый контроль. Премьер-министр В. Орбан сумел вытеснить демократию в Венгрии гибридным режимом, именуемым «конкурентным авторитаризмом» [Levitsky, Way 2010: 517]. Исследователи отмечают, что фонды ЕС помогают поддерживать национальные автократии [Kelemen 2020], потому что авторитарные правительства используют европейские финансы для поддержки своих режимов; под «печатью одобрения» [Gray 2009], приходящей с членством в ЕС, привлекают иностранные инвестиции, которые в ином случае не проникли бы в экономику авторитарных государств в таком количестве. Более того, наличие в ЕС свободы перемещения истощает в таких режимах ряды внутренней оппозиции.

К тому же эти режимы научились эффективно лоббировать в Брюсселе свои интересы. Например, в случае с Орбаном самая крупная по численности правящая сила Европарламента Европей-

ская народная партия (ЕНП) защищает его режим, потому что членство депутатов венгерской партии Фидес в ней приносит дополнительные депутатские кресла, в то время как сама ЕНП ввиду «низкой осведомлённости общественности о европейских партиях несёт достаточно низкие издержки от аффилиации с Фидес» [Kelemen 2017; Kelemen 2020].

Противники обобществления долгов не исключают, что в случае принятия такого решения подобная эксплуатация преимуществ от участия в ЕС без соответствующих обязательств может стать нормой. Навязывать более слабым государствам членам общие подходы, принуждать их следовать общей линии и приносить ей в жертву национальные интересы, следуя догматам солидарности, станет сложнее. Даже частичная утрата управляемости ЕС – слишком дорогостоящий побочный эффект. Идя на обобществление долгов, благополучные страны рискуют оказаться в зависимости от неустойчивых периферийных государств, отдав им очень важные рычаги влияния. Тогда благополучие преуспевающих стран будет зависеть не только от них самих, но и от успешности или, наоборот, провала периферии ЕС. Сильным странам станет намного труднее обезопасить себя от деструктивных последствий ошибочных, неверных, непреднамеренных пагубных действий проблемных партнёров.

В-пятых, в последние годы популярность мейнстримных партий в странах ЕС падает. Растёт влияние политических сил, относящихся к постулатам европейской интеграции с изрядным скепсисом. В условиях усиливающейся поляризации электората мейнстримным партиям всё труднее справиться с евроскептическим и популистским вызовом [Schmidt 2019]. Поэтому правящим партиям необходимо особенно трепетно относиться к мнению электората, а его позиция в отношении обобществления долгов хорошо известна. Даже при проведении масштабной информационно-агитационной кампании он едва ли с энтузиазмом примет необходимость оплачивать долговые счета других стран.

В общественном сознании благополучных стран глубоко укоренился ряд ложных, но оттого не менее устойчивых клише. Насколько они незыблемы, продемонстрировала Великобритания, в известной степени под их влиянием покинувшая ЕС. В странах-донорах интеграционного объединения влиятельные группы населения верят в то, что они переплачивают в бюджет ЕС. Другой набор клише, как уже описывалось выше, связан с представлениями о том, что народы проблемных стран недоделывают, причём сильно. Не стоит недооценивать весомость приведённых стереотипов в информационном и политическом пространстве благополучных стран. В противном случае может последовать нечто такое, о чём предупреждает опыт Брексита.

2

Аргументы лагеря сторонников обобщения долгов выглядят не менее убедительно. К важнейшим из них относятся: (1) необходимость проявить подлинную солидарность со стороны сильных экономик; (2) объективная заинтересованность последних в союзе с экономически более слабыми государствами-членами; (3) выигрыш от микширования валют в еврозоне; (4) купирование негативных последствий возможной дестабилизации общего экономического и валютного пространства; (5) бесперспективность сохранения разрыва в уровнях развития государств-членов. В связи с большей конъюнктурностью и политизированностью перечисленных аргументов остановимся на них чуть более подробно.

Первое. Сверхзадача любого интеграционного проекта состоит в предоставлении более слабым в экономическом плане государствам возможности подтянуться до уровня более развитых. На решение в том числе этой задачи направлены все политики ЕС: созданы специальные фонды, реализуются программы. Альфой и омегой правовой культуры и правовой системы интеграционного объединения выступают представления о том, что перед вступлени-

ем в него любое государство, претендующее на участие в европейском проекте, должно при поддержке ЕС построить такую экономику, которая была бы конкурентоспособна и которую не раздавил бы общий рынок.

Практика, однако, показала, что созданный ЕС Экономический и валютный союз остался половинчатым, фрагментарным, недостроенным и асимметричным [Schild 2020; Verdun 1996]. Под половинчатостью и асимметричностью подразумевается как несоответствие между «экономической» (централизованное регулирование) и «валютной» составляющими ЭВС, так и диспропорции между ядром и периферией еврозоны [Howarth, Verdun 2020; De Grauwe 2006]. Из-за этих структурных изъянов ЭВС утрачивает эффективность, а при определённых обстоятельствах вообще начинает пробуксовывать. Эти утверждения ни у кого в ЕС давно уже не вызывают возражений.

Одним из центральных элементов, в отсутствие которых такой Союз никогда не заработает на полную мощность, оказывается обобщение долгов и общая ответственность за их обслуживание и выплату. В то же время внедрение этих механизмов – вопрос политического выбора между солидарностью участников интеграционного проекта и стремлением государств обезопасить себя от разобранных выше рисков. Залогом углубления интеграции, состоящего в завершении строительства экономического союза как одновременно валютного, бюджетного и фискального, является постановка во главу угла именно солидарности.

Действенная солидарность заключается в перераспределении доходов и расходов в пользу более слабых государств как необходимом инструменте нивелировки уровня экономического развития. Её предназначение видится в создании в рамках единого экономического пространства равных условий для ведения бизнеса и доступа к дешёвым «длинным» деньгам и формировании предпосылок для того, чтобы в ЕС экономическая деятельность могла осу-

шествяться с высокой эффективностью. Это солидарность более высокого порядка в сравнении с той, что уже достигнута в Евросоюзе. Это солидарность, которая полностью зависит и ассоциируется с обобществлением долговых обязательств.

Второе. Обобществление долгов как проявление солидарности — это лишь один из возможных подходов к обоснованию его необходимости. По мере усиления давления на Берлин, правящую коалицию в Германии и лично на Ангелу Меркель в условиях углубляющейся рецессии в Европе, вызванной пандемией и режимом самоизоляции, сторонники обобществления долгов всё чаще начали обращаться к несколько иной интерпретации.

Теперь уже ни о какой солидарности речь не идёт. Утверждается, что Германия и остальные успешные страны феноменально наживаются на существовании ЕС и его важнейшем завоевании — едином рынке. Поэтому обобществление становится лишь возвратом части денег, которые они заработали на других.

Во-первых, мощному промышленному сектору Германии, дающему более 24% ВВП страны, что на порядок выше, чем где бы то ни было в Европе, надо где-то реализовать производимые товары²⁸. Более слабые экономики других стран ЕС выступают прибыльными рынками сбыта для немецкой промышленности. Их прибыльность объясняется отсутствием пошлин, минимальными транспортными и сопутствующими расходами, наличием общих технических стандартов, которые к тому же разрабатываются при участии представителей Германии и немецкого бизнеса. К этому можно добавить дополнительную прибыль, получаемую благодаря увеличению масштабов массового производства.

Во-вторых, часть европейского населения, которая делает выбор в пользу сохранности средств, а не прибыльности более рискованных активов, кладёт деньги на счета

немецких банков, приобретает ценные бумаги немецких компаний или иначе вкладывает их в Германию. В результате миллиарды, которые другие страны теряют для развития, оседают в Германии, Швейцарии, Люксембурге и других подобных юрисдикциях.

В-третьих, очень часто предприниматели предпочитают вести бизнес и открывать своё дело в Германии и столь же преуспевающих странах, а не у себя дома. Причины те же плюс намного более благоприятные условия доступа к дешёвым «длинным» деньгам для фирм и индивидуальных предпринимателей в случае, если они ведут дела оттуда.

Наконец, ещё один выигрыш благополучные страны получают из-за «перетока мозгов» в пределах ЕС. Этот процесс отражает общую тенденцию аккумуляции человеческого капитала там, где он уже имеется в достатке [Hasselbalch 2019], что является результатом международной «конкуренции за таланты» [Weine et al. 2020]. В ЕС отток квалифицированных кадров в более благополучные страны усугубляется, будучи побочным эффектом свободы передвижения рабочей силы [Coman 2019].

Третье. Ещё более прибыльным проектом для Германии и иже с ней, утверждает растущее число политиков и экономистов, стала еврозона. Именно она обеспечивает промышленности и экономике Германии и остальных преуспевающих стран ЕС на порядок более высокую конкурентоспособность по сравнению с тем, на что они могли бы рассчитывать априори.

Как объяснял Янис Варуфакис, в прошлом министр финансов Греции, освобождённый со своей должности по настоянию международных кредиторов из-за левацких взглядов, «дело не в солидарности»: только если бедные и проблемные страны периферии ЕС, включая Италию и Испанию, останутся в еврозоне, немцы и голландцы, благодаря заниженному курсу евро, «со-

²⁸ Share of economic sectors in gross domestic product in Germany 2019. Statista. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/295519/germany-share-of-economic-sectors-in-gross-domestic-product/> (accessed:11.12.2020).

хранят свою конкурентоспособность» и «сбережения»²⁹. Действительно, в ходе долгового кризиса еврозоны девизом оказания помощи Греции было не столько «помочь Греции», сколько «спасти евро» [Van Middelaar 2019: 28]. Греческий дефолт мог бы поставить ребром вопрос выживания еврозоны [Howarth, Verdun 2020].

В еврозону входят государства с тяжёлыми валютами, как Германия, которая вроде бы ради общего блага пожертвовала дойчмаркой, и с лёгкими валютами – как Италия, Греция, Франция, Испания, Португалия и некоторые другие. В результате синтетический обменный курс евро, полученный искусственным путём, намного ниже, чем если бы он подсчитывался по дойчмарке или был привязан к ней, и намного выше, чем если бы он подсчитывался, скажем, по итальянской лире.

В результате немецкие товары повсюду в мире, в том числе и в Европе, существенно дешевле, чем если бы сохранялась дойчмарка. Их конкурентоспособность определяется не только высоким качеством, но и тем, что все этапы производства, транспортировки, продажи и обслуживания исчисляются в евро. С начала запуска ЭВС это валютное искажение давало промышленной индустрии Германии конкурентное преимущество в 6%, а с началом обесценивания евро по отношению к доллару и другим валютам в результате финансового кризиса ценовое преимущество немецкой продукции стало затрагивать и мировой рынок³⁰. Неудивительно, что из года в год, даже в кризисных условиях, Германия сводит торговый баланс с многомиллиардным профицитом³¹.

У этой ситуации есть и обратная сторона. Из-за того, что курс евро выше, нежели

курс их гипотетической национальной валюты, от которой они отказались в пользу общей, более слабые экономики очень много теряют. Всё, что они производят, оказывается дороже, а конкурентоспособность выбрасываемых на рынок товаров и предоставляемых услуг – ниже.

Когда под давлением Берлина ЕС перешёл к фронтальному недифференцированному осуществлению политики жёсткой экономии, возник сдерживающий в отношении менее удачливых стран ЕС фактор. Если бы Германия смягчила бюджетную политику, вовремя отпустила замороженную заработную плату, увеличила потребление, это облегчило бы им жизнь и позволило бы отвоевать свои ниши на её внутреннем рынке. То же самое касается и обобществления долгов. Без него все реальные выгоды от существования еврозоны получают только более благополучные страны. В случае обобществления выгоды будут распределяться.

Четвёртое. Если предыдущие аргументы затрагивают скорее вопросы отношений между участниками европейского проекта и перераспределения благ от его осуществления, то последующие два касаются в первую очередь экономической безопасности и устойчивости интеграционного объединения.

Недостроенность Экономического и валютного союза, его половинчатость, отсутствие в его конструкции крайне важных элементов оставляют более слабых его участников уязвимыми для внешних атак, спекуляций, экономической турбулентности. С учётом долговых обременений эта уязвимость носит перманентный характер. Она неизмеримо возрастает, когда они переживают экономический спад, втягиваются в

²⁹ Varoufakis Y. Solidarity is Not What Europe Needs // Project Syndicate. 20.04.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/eurobonds-must-be-based-on-self-interest-not-solidarity-by-yanis-varoufakis-2020-04> (accessed: 15.12.2020).

³⁰ Ezrati M. The German Swindle Built Into The Euro. 23.01.2018. Forbes. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/miltonezrati/2018/01/23/the-german-swindle-built-into-the-euro/?sh=5e7008f127da> (accessed: 15.12.2020).

³¹ Germany: Trade balance from 2009 to 2019 (in billion U.S. dollars). Statista. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/624284/trade-balance-of-germany/> (accessed: 12.12.2020).

полосу политической неразберихи. Через них уязвимыми оказываются все остальные, в том числе более крепкие и рачительные, участники и всё единое экономическое пространство, в которое они входят.

В прошлом из-за этого события уже не раз развивались по негативному для ЕС сценарию. Последствия первого глобального финансово-экономического кризиса были совершенно разными для государств-членов. Первый удар приняли на себя средиземноморские страны, Ирландия, страны Балтии и др. Центральная и Северная Европа оказались подготовленными к нему намного лучше, однако турбулентность распространилась на всё интеграционное объединение. Чуть позже общий для ЕС кризис евро, кризис суверенной задолженности были спровоцированы крахом экономики отдельно взятой страны – Греции, запоздалой и не слишком адекватной реакцией на него партнёров по ЕС. В результате перенесённые ЕС удары ощущались вплоть до 2020 года, что усложнило ответ государств-членов на коронавирусную пандемию.

Можно заключить, что достройка Экономического и валютного союза обобществлением долгов, усиливающая экономические позиции относительно более слабых государств-членов, делает ЕС более устойчивым и резистентным к любым шокам. Выиграют не только они, но все страны ЕС.

Как утверждается в публичном информационном пространстве, убедительные данные на этот счёт, полученные с использованием эконометрических моделей, обобщённые немецкими исследовательскими центрами, легли на стол непосредственно Ангелы Меркель и, возможно, сказались на коррекции позиции Берлина, приведшей к выдвигению анализируемой ниже франко-германской инициативы. Некоторые из этих центров напомнили даже руководству страны о прошённых Германии репарациях³². С цифрами в руках немецкие специалисты показали, что, если

другие ведущие страны ЕС скатятся в экономическую депрессию и долговую яму, они потянут за собой и Германию.

Пятое. Аналогичным предыдущему можно считать тезис о том, что наличие в составе ЕС экономически менее развитых и хуже организованных государств и неспособность Брюсселя решить проблему их ускоренного развития ослабляют интеграционное объединение. Данный тезис кажется вполне очевидным и не требует дополнительных пояснений. По касательной он упоминался в контексте общих рассуждений об императивах солидарности.

С позиций обеспечения экономической безопасности можно указать ещё на несколько заслуживающих внимания моментов. *Во-первых*, нерешённость этой проблемы и отсутствие перспективы её решения расшатывают Европейский Союз. Сама конструкция интеграционного объединения делается недостаточно устойчивой, что порождает дополнительные риски.

Во-вторых, усугубляется и без того острая проблема противостояния центра и периферии ЕС и формирования внутри интеграционного объединения мини-коалиций, имеющих разную повестку и продвигающих несовпадающие интересы, что делает переговоры ещё более вязкими и затрудняет достижение консенсуса.

В-третьих, ЕС сильно теряет в привлекательности. Для объединения, которое после стольких провалов должно изобретать себя заново, это недопустимо.

В-четвёртых, постоянно подпитывается сомнение в том, что ЕС способен развиваться как во всех отношениях цельное интеграционное объединение. Отсюда теории и предположения о желательности и перспективности многоскоростного развития, развития с разной геометрией и дифференцированного развития. Какими опасностями чреватые все эти варианты, наглядно продемонстрировала коронавирусная пандемия.

³² Berretta E. Corona bonds: l'effacement de la dette de guerre allemande resurgit // Le point. 07.04.2020. URL: https://www.lepoint.fr/politique/emmanuel-berretta/coronabonds-l-effacement-de-la-dette-de-guerre-allemande-resurgit-06-04-2020-2370242_1897.php (accessed: 15.12.2020).

В-пятых, практика доказала: уповать на способность рыночных сил преодолеть глубокий разрыв контрпродуктивно. Нужны адекватные специальные политики и программы. Необходимо, как стало популярным говорить в разгар пандемии, своего рода новый план Маршалла, но только Европы для Европы.

Обобществление долгов представляет собой предпосылку и обязательное условие решения всех упомянутых проблем и осуществления такого плана, в какие бы формы его ни облекли государства-члены. В этой связи в Сообщении ЕК о плане восстановления экономики «ЕС следующего поколения» столь обстоятельно разъяснено, почему тяжелейшие социально-экономические последствия коронавирусной пандемии будут для государств-членов разными и, если не сыграть на упреждение, приведут к углублению системного неравенства между ними по всему азимуту³³ (ещё подробнее в приложении к Плану³⁴). Громко заявлено, что Брюссель будет делать всё возможное, чтобы «достижение равенства стало краеугольным камнем подъёма и оздоровления экономики»³⁵.

Система аргументов как «против», так и в пользу обобществления долгов очень весома. Любому аргументу «за» можно противопоставить аргумент «против», и наоборот. Авторы постарались показать это максимально рельефно. Для того чтобы был сделан политический выбор в пользу обоб-

ществления, лидеры отдельных стран ЕС, главным образом президент Франции Эмманюэль Макрон и бывший премьер-министр Италии Джузеппе Конте, проявили настойчивость. После того как министры финансов еврозоны в очередной раз не смогли выйти на договорённость, Джузеппе Конте в интервью Британской вещательной корпорации предупредил своих коллег о высокой цене, которую всем придётся заплатить за несговорчивость. В ультимативной форме он посоветовал им задуматься над распределением финансового бремени для преодоления кризиса, которое придётся нести всем³⁶. «Не только итальянцы, но и все граждане Европы будут глубоко разочарованы, — подчеркнул он, — если Европе так и не удастся выработать монетарную и финансовую политику, адекватную крупнейшему со времён Второй мировой войны вызову»³⁷. Для того чтобы не осталось никаких сомнений в том, что он имеет в виду, премьер-министр уточнил: «Если мы не воспользуемся возможностью вдохнуть новую жизнь в европейский проект, риск его провала делается реальным»³⁸.

В середине апреля 2020 г. Эмманюэль Макрон вполне определённо заявил об этом же в интервью «Файнэншл таймс». Вслед за премьер-министром Италии он предупредил, что «не видит будущего» у еврозоны, да и вообще европейской идеи, без обобществления долгов³⁹.

³³ Communication from the Commission...

³⁴ Commission Staff Working Document. Identifying Europe's recovery needs. Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "Europe's moment: Repair and Prepare for the Next Generation". {COM(2020) 456 final}. SWD(2020) 98 final. Brussels. 27.05.2020. 54 p. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/assessment_of_economic_and_investment_needs.pdf (accessed: 15.12.2020).

³⁵ Communication from the Commission...

³⁶ *Togoh I.* 'Risk of Failure Is Real': Italy's PM Warns That The Coronavirus Pandemic Could Break The European Union // Forbes. 09.04.2020. URL: https://www.forbes.com/sites/isabeltogoh/2020/04/09/risk-of-failure-is-real-italys-pm-warns-that-the-coronavirus-pandemic-could-break-the-european-union/?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=daily-dozen&cid=5d2f3021953109375efe933a#6742bf6b5029 (accessed: 15.12.2020).

³⁷ *Lowen M.* Coronavirus: EU could fail over outbreak, warns Italy's Giuseppe Conte // BBC News. 09.04.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-52224838> (accessed: 15.12.2020).

³⁸ Ibidem.

³⁹ *Macron:* No joint bonds could mean no EU // EU Observer. 17.04.2020. URL: <https://euobserver.com/tickers/148100> (accessed: 15.12.2020).

В ответ Германия и поддерживающие её государства-члены продолжали настаивать на том, что с задачей выхода из коронавирной депрессии не справится никто, кроме самих стран, лоббирующих обобществление. Любые денежные вливания в национальную экономику, подчёркивали они, дадут эффект только в том случае, если полученные средства будут использованы оптимальным образом, что возможно лишь при системной модернизации и реформировании.

Первый раунд схватки за обобществление долгов, состоявшийся на пике пандемии, проблемные страны ЕС проиграли. Вопреки их ожиданиям многомиллиардный стабилизационный механизм ЕС был использован таким образом, что деньги из него, как и во всех других случаях, стали выделяться в форме кредитов в случае принятия на себя обязательств.

Тем не менее ко второму раунду, когда пришлось согласовывать бюджетные ориентиры на 2021–2027 годы, Берлин осознал, что действует чересчур жёстко и чрезвычайная ситуация коронавирусной депрессии, в которой все оказались, требует новых подходов.

Предметом торга за то, как будет выглядеть межпромышленное решение по обобществлению долгов, стал не сам выбор в пользу обобществления, который уже был сделан. Торг шёл относительно выбора механизмов обобществления и о его сумме. Следующая группа вопросов — на каких условиях общие средства будут распределяться; под какие обязательства выдаваться; на что тратиться; кому доверить контроль за расходом средств и соблюдением оговорённых условий.

Этому посвящены разбираемые ниже испанское предложение, франко-германская инициатива, переговорная платформа Урсулы фон дер Ляйен и собственно решение Европейского Совета от 21 июля 2020 года.

Э

Перед тем как выдвинуть своё предложение, Испания заручилась поддержкой восьми стран. Таким образом, Мадрид выступил от лица представительной группы государств-членов. Для того чтобы придать предложению дополнительный импульс и запустить его обсуждение на всех уровнях, он воспользовался сразу несколькими треками. Предложение в упрощённом виде было внесено на рассмотрение сначала Европарламента, затем — институтов межправительственного сотрудничества. Мадрид хотел получить резонанс ещё в преддверии заседания Европейского Совета, состоявшегося в конце апреля 2020 г. в удалённом режиме, и добиться реакции Ангелы Меркель. Предложение Испании сыграло важную роль в лоббировании идеи обобществления долгов. В какой-то степени оно подвигло далее Францию и Германию заменить предмет обсуждения, переформатировать затронутые в испанском предложении сюжеты и перехватить инициативу. В этой связи выделим в нём самые главные моменты.

Его суть состоит в создании специального фонда ЕС объёмом до 1,5 трлн евро, условно названного Фондом реконструкции/восстановления. Наиболее пострадавшие страны региона могли бы получать из него нечто вроде невозвратных («вечных») займов на преодоление последствий коронавирусной пандемии и вызванной ею экономической депрессии⁴⁰.

Такой своеобразный европейский план Маршалла позволил бы спасти экономики периферии интеграционного объединения и подтянуть их до уровня преуспевающих, не разгоняя суверенную задолженность, в отличие от того, что случилось при выходе из глобального финансово-экономического кризиса конца 2000-х годов. Этот план не просто давал бы периферийным странам втрое больше средств, нежели по-

⁴⁰ *Cué C.E., de Migue B.* España propone un fondo europeo de 1,5 billones con deuda perpetua. Sánchez lleva a la cumbre de la UE una posición ambiciosa pero negociable con Merkel // El País. 20.04.2020. URL: <https://elpais.com/espana/2020-04-19/espana-propone-un-fondo-europeo-de-15-billones-con-deuda-perpetua.html> (accessed: 15.12.2020).

обещали выделить участники еврозоны по каналам стабилизационного механизма. Его главная особенность – полученное деньги не нужно было бы возвращать⁴¹.

Они брались бы из семилетнего бюджета ЕС или под обеспечение семилетнего бюджета, который, по задумке Испании, нужно было бы увеличить с 1% до 2% совокупного ВВП региона, предусмотрев, в числе прочего, кардинальный рост прямых поступлений, то есть собственных средств объединения, – например, за счёт введения общеевропейского налога на эмиссию углекислого газа, который включался бы и в таможенные пошлины на импортируемые товары. Такой механизм экологическое движение и все сторонники «зелёных» должны были встретить с энтузиазмом.

С тем чтобы ослабить сопротивление со стороны ядра ЕС, в первую очередь Нидерландов, вето которых пришлось преодолевать на предыдущих этапах переговоров⁴², когда выдвигалась сама идея «фонда спасения», Мадрид предусмотрел возможность далекоидущей гармонизации налогообложения. На этом непримиримые противники обобществления долгов настаивали не один год.

Как будет показано ниже, в предложении Испании уже просматривались определённые, хотя и далеко не все, ингредиенты, вошедшие затем в итоговое решение Европейского Совета, и его общий абрис.

Прорывной характер франко-германской инициативы заключался в том, что он должен был обеспечить «устойчивое восстановление» европейской экономики⁴³. Франция и Германия в качестве лиде-

ров региона несут за достижение этой цели особую ответственность. При этом, чтобы добиться поставленной задачи, всем государствам-членам необходимо действовать сообща. Вместе с тем, в отличие от прежних времен, по мнению Берлина и Парижа, им необходимо было опробовать принципиально новые «способы объединения усилий, к которым они ранее не прибегали»⁴⁴.

В практическом плане франко-германский тандем поддержал создание Фонда восстановления в дополнение и в рамках увеличиваемых таким образом семилетних бюджетных ориентиров на первые годы исполнения бюджета ЕС. Фонд призван был отвечать следующим основным характеристикам: он должен быть достаточно крупным, чтобы профинансировать возрождение экономики региона; использоваться сугубо по назначению; просуществовать ровно столько, сколько нужно для решения поставленных задач. Как вытекает из текста инициативы, предельно короткого и конденсированного, Берлин дал согласие на обобществление долгов в рамках ЕС не вообще, а только (а) в чрезвычайном порядке, оправдываемом чрезвычайными обстоятельствами; (б) в качестве сугубо временной меры; (в) на заранее оговорённую сумму; и (г) с ясно очерченным функционалом использования.

Все параметры Фонда в соответствии с природой документа даны без какой-либо детализации, но очерчены предельно конкретно. Для его наполнения ЕК получила бы мандат на осуществление заим-

⁴¹ *Cué C.E., de Migue B.* España propone un fondo europeo de 1,5 billones con deuda perpetua. Sánchez lleva a la cumbre de la UE una posición ambiciosa pero negociable con Merkel // *El País*. 20.04.2020. URL: <https://elpais.com/espana/2020-04-19/espana-propone-un-fondo-europeo-de-15-billones-con-deuda-perpetua.html> (accessed: 15.12.2020).

⁴² France says EU coronavirus recovery fund to be financed by joint debt // *Reuters*. 10.04.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-eu-france/france-says-eu-recovery-fund-to-be-financed-by-joint-debt-idUSKCN21R3G8> (accessed: 15.12.2020).

⁴³ Франко-германская инициатива по восстановлению Европы в условиях коронавирусного кризиса (18 мая 2020 г.) // Дипломатия Франции. 18.05.2020. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/venir-en-france/coronavirus-advice-for-visitors-to-france/coronavirus-declarations-officielles/article/initiative-franco-allemande-pour-la-relance-europeenne-face-a-la-crise-du> (дата обращения: 15.12.2020).

⁴⁴ European Union – French-German initiative for the European recovery from the coronavirus crisis.

ствований на свободном финансовом рынке от имени ЕС при том понимании, что сроки погашения долга будут отодвинуты, по крайней мере, за пределы текущего бюджетного планирования. Необходимые полномочия предоставлялись бы ей на основе и согласно предписаниям учредительных договоров ЕС без внесения изменений в порядок определения бюджетных ориентиров и при полном уважении прерогатив национальных парламентов.

Размеры Фонда должны были составить 500 млрд евро⁴⁵. Эти деньги призваны были способствовать оздоровлению «наиболее пострадавших отраслей экономики и территорий» в соответствии с приоритетами ЕС⁴⁶. Такими приоритетами были объявлены «прогресс в конвергенции национальных экономик при одновременном придании им необходимой устойчивости и конкурентоспособности», равно как и наращивание инвестиций, в первую очередь в формирование полностью самодостаточной системы здравоохранения, диверсификацию производственных цепочек, цифровизацию и переход к зелёной экономике, а также стимулирование исследований и инноваций⁴⁷. При этом зелёный транзит, включая меры по завершению процесса декарбонизации, излагался подробнее других направлений.

Принципиально новый момент, отражающий позицию Германии, – введение в формулу выделения средств из Фонда восстановления требования обусловленности. Согласно тексту инициативы, они должны предоставляться в подкрепление «национальных усилий и пакета, согласованного еврогруппой» и под условие «явно выраженного обязательства соответствующего государства-члена проводить выверенную экономическую политику и

придерживаться далекоидущей повестки реформ»⁴⁸.

Не забыты были элементы испанского предложения, касающиеся продвижения к общей политике ЕС в области налогообложения. Упоминалась идея ввести единый для всех государств-членов минимальный корпоративный налог. Вместе с тем акцент был сделан в основном на установлении справедливого налогообложения предпринимательской деятельности в сфере цифровой экономики. Среди первоочередных мер по декарбонизации хозяйственного механизма Берлин и Париж назвали введение налога на выбросы в атмосферу и товары с карбоновым следом, ввозимые на таможенную территорию ЕС.

Любопытно, что в число инструментов, призванных обслуживать приоритеты ЕС, наряду с финансированием из Фонда восстановления были включены свобода международной торговли, адаптация правового регулирования добросовестной конкуренции к работе в посткоронавирусных условиях, ужесточение контроля над иностранными инвестициями, модернизация индустриальной политики ЕС и формирование «полностью интегрированных рынков». Сама же инициатива органически вплелась и являлась продолжением предыдущей франко-германской инициативы о скорейшем запуске и максимально интенсивном проведении конвента о будущем интеграционном объединении.

Таким образом, во франко-германской инициативе чётко прослеживается искусственный симбиоз ранее разнонаправленных требований, что стало для ЕС и государств-членов самым настоящим прорывом:

– обобществления долгов, на котором настаивали средиземноморские страны и государства периферии ЕС;

⁴⁵ Франко-германская инициатива по восстановлению Европы в условиях коронавирусного кризиса (18 мая 2020 г.) // Дипломатия Франции. 18.05.2020. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/venir-en-france/coronavirus-advice-for-visitors-to-france/coronavirus-declarations-officielles/article/initiative-franco-allemande-pour-la-relance-europeenne-face-a-la-crise-du> (дата обращения: 15.12.2020).

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

– реформирования национальной экономики, воспринимаемого Германией и группирующимися вокруг неё странами в качестве обязательного условия предоставления помощи;

– построения более эффективной инновационной экономики на новой технологической платформе как главной цели, на достижение которой должны расходоваться выделяемые средства.

В этом плане вполне можно согласиться с оценками франко-германской инициативы, которые она получила со стороны как евроэнтузиастов, так и объективно настроенных представителей экспертного сообщества двух стран. Как они подчёркивают, «Париж и Берлин сделали исторический шаг на пути к большей европейской солидарности», означающий в действительности, что «шаг в сторону большей бюджетной солидарности» сделала Германия⁴⁹. Он может обеспечить синергетический эффект совместным усилиям, предпринимаемым странами ЕС. В индивидуальном порядке они выделили на возрождение экономики примерно 3% своего совокупного ВВП, 100 млрд евро по линии ЕК на решение проблем оставшихся без работы, 200 млрд на кредитование предпринимательских структур по линии Европейского инвестиционного банка и 240 млрд из средств стабилизационного механизма в форме займов государствам-членам. Если приплюсовать к ним ещё 500 млрд по алгоритму, согласованному Парижем и Берли-

ном, получится в районе «10 пунктов ВВП ЕС»⁵⁰. Подобные финансовые вливания «беспрецедентны»⁵¹ и, похоже, действительно могут преобразовать экономику региона.

4

Франко-германская инициатива задала общий абрис последующего решения ЕС. Её конкретизации и детализации послужил план восстановления экономики ЕС, которую вскоре представила ЕК⁵². Без инициативы двух ведущих экономик объединения такой план был бы невозможен⁵³. Она дала Еврокомиссии возможность действовать. Документ под названием «ЕС следующего поколения», адресованный ЕК другим европейским институтам, содержит послыл – «план восстановления превратит огромный вызов, перед которым мы оказались, в шанс. Он не только поддержит восстановление, но и будет инвестицией в будущее»⁵⁴.

Цели плана состоят в том, чтобы (1) ослабить негативные последствия пандемии; (2) в кратчайшие сроки запустить восстановление экономики и (3) перестроить её самым серьёзным образом под требования завтрашнего дня⁵⁵. Средствами реализации выступили «инвестиции в то, чтобы экономика ЕС стала зелёной, цифровизированной, устойчивой и самостоятельной»⁵⁶.

Достаточно подробное описание каждого из названных свойств сопровождается

⁴⁹ Legendre R. Relance: Macron et Merkel proposent un électrochoc européen // L'Opinion. 19.05.2020. URL: <https://www.lopinion.fr/edition/economie/relance-macron-merkel-proposent-electrochoc-europeen-217541> (дата обращения: 15.12.2020).

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Франко-германская инициатива. . .

⁵² Communication from the Commission. . .

⁵³ Schulz F., Grull P. EU recovery deal: the summit that will cement Merkel's legacy // Euractiv. 23.07.2020/ URL: <https://www.euractiv.com/section/future-eu/news/angela-merkel-der-gipfel-ihrer-karriere/> (accessed: 15.12.2020).

⁵⁴ Еврокомиссия представила план восстановления ЕС после пандемии // DW. 27.05.2020. URL: [dw.com/ru/еврокомиссия-представила-план-восстановления-ЕС-после-пандемии/a-53587606](https://www.dw.com/ru/еврокомиссия-представила-план-восстановления-ЕС-после-пандемии/a-53587606) (дата обращения: 15.12.2020).

⁵⁵ The EU budget powering the recovery plan for Europe // European Commission Factsheet. 27.05.2020. 5 p. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/factsheet_1_en.pdf (accessed: 15.12.2020).

⁵⁶ Ibidem.

перечнем конкретных шагов законодательного и стратегического характера, которые ЕК планировала предпринять в ближайшее время. Европейская комиссия подчёркивала, что это нужно, чтобы у государственного аппарата и частного бизнеса было предельно чёткое представление о том, какой политики, какой логики действий будет придерживаться Брюссель. Чтобы ни у кого не было и тени сомнения в том, что они очень выиграют, подстраиваясь под его действия. Тогда колоссальные средства, которыми располагает частный бизнес, вкладывались бы целенаправленно и в соответствии с приоритетами ЕС. В результате возросли бы темпы роста ВВП, и этот рост приобрёл бы здоровый характер. Были бы созданы сотни тысяч новых рабочих мест. Произошёл бы технологический рывок. ЕС по праву выдвинулся бы в лидеры преобразования мировой экономики и обрёл бы на порядок более высокую конкурентоспособность.

С презентацией плана председатель Еврокомиссии выступила 27 мая⁵⁷. Скорость, с которой он был подготовлен, свидетельствует о том, что руководство ЕК, по всей видимости, было в курсе переговоров Парижа с Берлином или даже координировало с ними работу своего аппарата (в связи с чем отдельные эксперты заговорили о возникновении оси Париж–Берлин–Брюссель⁵⁸).

Презентацию плана Урсула фон дер Ляйен провела в Европарламенте (ЕП). Выступление на заседании этого органа одновременно решало несколько задач: оно придавало плану дополнительный политический вес и усилило резонанс в политическом и медийном пространстве; позволяло заручиться поддержкой, как минимум, части его депутатов, поднимая престиж ЕП. Последний момент имеет немаловажное процессуальное значение, поскольку утверждение как собственно

бюджета ЕС, так и потолка его расходной части, в том числе решений об упреждающем выделении средств, относится к прямым прерогативам ЕП, и только с санкции этого института договорённости между государствами-членами и заключения Европейского Совета могут обрести нормативную силу.

План ЕК шёл в развитие франко-германской инициативы. Как и хотел Берлин, ему был придан чрезвычайный характер, и он был ограничен по срокам реализации. Вместе с тем, дорабатывая содержательную часть инициативы, ЕК внесла в неё серьёзные изменения и дополнения. В частности, она в полтора раза увеличила объём заимствований, который государства-члены должны поручить ей осуществить от лица объединения на свободном финансовом рынке (в форме выпуска бондов) – до 750 млрд евро. Из них 500 млрд, как хотели Париж и Берлин, предлагалось распределить между государствами-членами в качестве грантов, а прибавку в 250 млрд предоставить странам в форме кредитов.

Обслуживать и погашать кредиты, как и всегда в таких случаях, должны были получающие их страны, гранты, с учётом того, что для получателей они являлись безвозмездными, – ЕС в целом. Платить по процентам за суммы, привлечённые ЕК, интеграционному объединению пришлось бы из своего бюджета сразу же начиная с 2021 года. Возвращать обобществлённые долги – с 2028 по 2058 год.

Заложить в бюджет деньги на эти цели государства-члены могли бы: за счёт увеличения своих взносов, что не вызвало ни малейшего энтузиазма у стран-чистых доноров в бюджет; либо через сокращение других расходов, что также наталкивалось на сопротивление; либо путём увеличения объёма собственных ресурсов ЕС, складывавшихся ранее из таможенных сборов и

⁵⁷ Europe's moment: Repair and prepare for the next generation.

⁵⁸ Legendre R. Relance: Macron et Merkel proposent un électrochoc européen // L'Opinion. 19.05.2020. URL: <https://www.lopinion.fr/edition/economie/relance-macron-merkel-proposent-electrochoc-europeen-217541> (дата обращения: 15.12.2020).

НДС, часть которых напрямую шла в бюджет интеграционного объединения.

В плане восстановления, как и во франко-германской инициативе, акцент был сделан на установлении единого для всех налога на выбросы в атмосферу, который пришлось бы платить и компаниям, ввозящим на рынок ЕС товары, производство которых сопряжено с использованием углеводородов. Как подсчитали ведущие консалтинговые фирмы и независимые экономисты, с удивлением следящие за пассивностью Москвы, потери российских экспортёров от «углеродного налога» могли бы составить 3–4,8 млрд евро в год⁵⁹.

Другим источником поступлений был назван цифровой налог. О желательности его введения многие государства-члены заговорили ещё до пандемии. Первоначально он лёг бы в первую очередь на плечи крупнейших американских компаний, контролирующих рынок интернет-услуг. Попытки стран ЕС договориться с потенциальными плательщиками вызвали жёсткое сопротивление со стороны как самих компаний, заподозривших Париж, Берлин и Брюссель в попытках прибегнуть к недобросовестной конкуренции, так и руководства США. По этой же причине пока затонула работа над цифровым налогом в рамках ОЭСР и «группы двадцати». В Сообщении ЕК была выражена готовность в случае необходимости действовать в одностороннем порядке⁶⁰.

Предложения ЕК об увеличении собственных ресурсов ЕС этим не ограничивались. Предполагалось упростить формулу подсчёта НДС (что, по оценкам Еврокомиссии, может принести ЕС до 30 млрд евро в год⁶¹), заставить крупные компании

пополнять собственные ресурсы интеграционного объединения и ввести налог на загрязнение окружающей среды изделиями из неразлагающегося пластика, не поддающегося утилизации. Введение такого налога заставило бы государства-члены отказаться от их производства, ввоза на таможенную территорию ЕС и использования. Вместе с тем на такую адаптацию уйдёт время. В ближайшей перспективе такие страны, как, например, Франция, были бы вынуждены платить в казну ЕС по несколько миллиардов евро в год.

Одновременно с планом восстановления экономики Урсула фон дер Ляйен представила и новый вариант бюджетных ориентиров ЕС на 2021–2027 годы в размере 1100 млрд евро, поскольку план может быть реализован только в бюджетных рамках. К тому же бюджетные деньги и заимствования на свободном финансовом рынке должны преследовать общие цели и дополнять друг друга. Это было учтено в новом варианте ориентиров⁶². Его расходная часть была переписана ЕК так, чтобы придать им и плану восстановления экономики «ЕС следующего поколения» синергетический эффект. В результате они сложились в единый пакет предстоящих расходов интеграционного объединения, о котором договаривались государства-члены и институты ЕС. Между тем показывать, что финансовый пакет скорейшего возрождения экономики интеграционного объединения на новой технологической платформе составляет сумму 1850 млрд евро, очень выигрышно. В результате в Сообщении ЕК эта сумма всеми способами подчёркивается⁶³.

⁵⁹ Шаповалов А. В Россию приходит внешнее углеродное регулирование. Эксперты считают потери экспортёров от «карбонового» налога в ЕС // Коммерсантъ. 28.07.2020. URL: www.kommersant.ru/doc/4433491 (дата обращения: 17.12.2020).

⁶⁰ Communication from the Commission. . .

⁶¹ Da Silva I.M. Для подъёма экономики после пандемии Евросоюз введёт налоги // Euronews. 04.06.2020. URL: www.euronews.com/2020/06/03/eu-recovery-taxes (accessed: 15.12.2020).

⁶² "The EU budget powering the recovery plan for Europe". Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 27.5.2020 COM(2020) 442. 21 p. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/about_the_european_commission/eu_budget/1_en_act_part1_v9.pdf (accessed: 15.12.2020).

⁶³ Communication from the Commission. . .

Принципиальный вопрос – на что пошли бы средства, которые ЕК привлекла бы на свободном финансовом рынке. Согласно плану восстановления, основную часть денег (80%), то есть 672,5 млрд евро, напрямую получили бы страны ЕС в рамках программы «Восстановление и устойчивость»⁶⁴. Использовать эти средства для реализации национальных программ и проектов восстановления, оздоровления и модернизации экономики страны смогли бы только после согласования на наднациональном уровне. Они должны были доказать, что намечаемые меры позволят осуществить те структурные реформы, которых ждут остальные государства-члены и институты ЕС и которые соответствуют общим приоритетам интеграционного объединения. Другие цели – выравнивание уровней развития и финансирование самых отсталых территорий ЕС, а также сельской местности, особенно пострадавших от пандемии и кризиса. Важнейший приоритет – одновременно решать задачи декарбонизации экономики. На поддержку населения, рынка труда, малого и среднего бизнеса затронутых районов и секторов экономики пошло бы в случае принятия плана 55 млрд евро.

Второе направление расходования средств – привлечение инвестиций, в том числе с помощью механизма поддержки финансовой стабильности предприятий, прежде всего в ключевые отрасли и технологии, а равно в важнейшие цепочки добавленной стоимости. Третьим направлением «Извлечь урок из кризиса» охватывались дополнительные расходы на укрепление системы здравоохранения, усиление способности ЕС действовать в чрезвычайных ситуациях, финансирование исследований и науки и увеличение помощи третьим странам.

Каждое из направлений и все их слагаемые предполагалось обслуживать специ-

альными механизмами/инструментами реализации, то есть они полностью, без изъятий, должны были быть включены в программы ЕС. В частности, финансирование проектов по преобразованию сельскохозяйственного производства планировалось осуществлять через Европейский сельскохозяйственный банк развития сельских районов. Для сильных компаний, которые не могут самостоятельно справиться с ущербом, нанесённым коронавирусной пандемией, требовалось создать новый механизм по оказанию этим компаниям помощи с ликвидностью и восстановлением кредитоспособности, чтобы они пережили тяжёлые времена, а затем стали частью зелёной цифровой экономики. Такой механизм предполагалось создать как можно быстрее; Брюссель готов был вложить в него 31 млрд евро бюджетных средств. Ожидалось, что в 10 раз большее финансирование будет привлечено из частных источников.

Для мобилизации инвестиций в устойчивую инфраструктуру нового поколения и цифровизацию ЕС должен был прибегать к уже действующей крупнейшей инвестиционной программе «ИнвестЕС». Её планировалось расширить в два раза, с тем чтобы привлечь средства также на формирование и модернизацию цепочек добавленной стоимости, способных обеспечить не только «устойчивость», но и «стратегическую самостоятельность» экономики ЕС. В плане восстановления предусматривалось создание линии по инвестированию в достижение стратегических целей. Согласно ЕК, отводимые под неё 15 млрд смогут аккумулировать 150 млрд евро частных капиталовложений.

Специальную программу ЕС объёмом 9,4 млрд евро планировалось запустить в области здравоохранения. Решаемые с её помощью задачи – укрепление национальных систем здравоохранения, предоставление им всего необходимого для борьбы

⁶⁴ The Recovery and Resilience Facility. European Commission. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/recovery-coronavirus/recovery-and-resilience-facility_en (accessed: 14.01.2021).

с коронавирусной пандемией и помощь ЕС в противодействии последующим эпидемиологическим кризисам. Для обеспечения скорейшего и действенного реагирования ЕС на возникновение чрезвычайных ситуаций предполагалось использовать нынешний Механизм гражданской защиты, которому были бы приданы принципиально новые возможности.

С тем чтобы уменьшить инерционность, неповоротливость и закостенелость ЕС, проистекающую из излишней жёсткости финансирования уже одобренных программ, план восстановления предлагал придать расходованию средств, выделяемых Брюсселем, большую гибкость. Под ней понималась возможность переброски средств на решение срочных проблем сразу по их идентификации. В этих целях предполагалось использовать Резерв солидарности и помощь в чрезвычайных ситуациях объёмом до 3 млрд евро с возможностью перераспределения средств между программами, если и когда будет возникать такая потребность; Фонд солидарности, из которого на оказание срочной помощи государства-члены смогли бы получить до миллиарда евро в год; и Европейский фонд приспособления к глобализации для оказания помощи в возвращении на рынок труда людей, потерявших работу в результате структурных изменений, вызванных финансовым или экономическим кризисом. Кроме того, серьёзная превентивная переброска средств на финансирование приоритетов, идентичных тем, что указаны в плане восстановления, как подчёркивалось выше, уже была проведена Еврокомиссией в представленном новом варианте бюджетных ориентиров ЕС на 2021–2027 годы⁶⁵.

Таким образом, план восстановления экономики «ЕС следующего поколения», подготовленный ЕК, несмотря на его вторичный характер по сравнению с франко-

германской инициативой, стал не менее, а, может быть, даже более важным шагом к итоговому компромиссу. С одной стороны, он закрепил договорённости, достигнутые Парижем и Берлином, которые разменяли частичное, но достаточно весомое обобществление долгов на обусловленность расходования средств. Он полностью воспринял идеологию возрождения экономики ЕС, согласованную тандемом. С другой стороны, план развернул наметки Парижа и Берлина в рабочую программу действий, чрезвычайно детальную, обстоятельную, последовательную и доказательную; придал двусторонним договорённостям иной масштаб и весомость. Кроме того, благодаря включению в основательно переработанный под него вариант семилетних бюджетных ориентиров план стал частью колоссального, беспрецедентного, цельного пакета возможного успешного спасения экономики ЕС и государств-членов и выхода из коронавирусной депрессии, а также глубокой трансформации региона.

Вместе с тем у документа, представленного ЕК, есть ряд уязвимых мест. Первоначально практически все государства-члены заявили, что их не удовлетворяет предложенный компромисс либо в целом, либо в частностях. Многие столицы требовали перераспределить обещанные финансовые вливания в свою пользу. Отдельные национальные лидеры возразили против включения в параметры обусловленности прямо затрагивающие их положения о произвольно толкуемой приверженности верховенству права, пригрозив при этом заблокировать утверждение бюджетных ориентиров на 2021–2027 годы а также плана восстановления экономики⁶⁶. К декабрю 2020 г. государствам-членам ЕС удалось достичь соглашения по вопросу механизма обусловленности, которое было подтверждено на заседании Европейского

⁶⁵ "The EU budget powering the recovery plan for Europe".

⁶⁶ *Strupczewski Jan*. Poland threatens to veto EU 2021–2027 budget over rule of law condition // Reuters. 12.11.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-eu-budget-poland-idUKKBN27S2SM> (accessed: 29.03.2021).

Совета 10–11 декабря 2020 года⁶⁷. Однако спустя несколько месяцев Польша и Венгрия вполне предсказуемо обратились в Суд ЕС, обосновывая свою жалобу тем, что подобная обусловленность противоречит учредительным договорам ЕС⁶⁸. Влиятельные политические силы и связанные с ними экспертные круги постарались привлечь внимание к тому, что, вопреки объявленным высоким целям, бюджетные предложения плохо сбалансированы и сохраняют устаревшую структуру расходов, от которой давно пора отказаться. В частности, они критиковали откровенно неэффективное распределение средств между различными программами ЕС в пользу преимущественной поддержки сельскохозяйственной политики, делающей интеграционное объединение и государства-члены заложниками прошлого⁶⁹. К тому же, как злорадно добавили британские таблоиды, в очередной раз демонстрируя своё отношение к ЕС – переполненного скандалами по поводу растрат, злоупотреблений и ненадлежащего управления⁷⁰.

5

По сравнению с франко-германской инициативой и детально проработанным планом, подготовленным ЕК, решению Европейского Совета о системе мер по финансовому обеспечению восстановления и трансформации экономики региона

на ближайшие семь лет, принятому в июле 2020 года, был придан ещё более компромиссный характер⁷¹. Противники обобществления долгов (такие как Нидерланды, Австрия), ряды которых ранее сплачивала Германия, использовали хорошо известный в дипломатии приём. Они взяли компромиссные предложения, согласованные в основных чертах двумя противоположными лагерями внутри ЕС, всего лишь за точку отсчёта и заявили, что поддержат их только тогда, когда в них будут внесены удовлетворяющие их изменения, ослабляющие и ужесточающие формулу обобществления.

В результате пропорции между невозвратными грантами и кредитами, которые представлялись государствам-членам, особенно сильно пострадавшим от коронавирусной пандемии, были существенно скорректированы. Объём грантов урезан с 500 до 390 млрд евро. Обусловленность выделения любых средств из тех, которые ЕК должна будет заимствовать от лица ЕС на свободном финансовом рынке, и контроль за их расходованием усилены. Акценты внутри бюджетных ориентиров на 2021 – 2027 годы чуть твёрже переставлены в поддержку тех направлений деятельности ЕС, от которых зависит не просто выход из кризиса, а реальное построение новой экономики. Было указано, что в дальнейшем будет проведена корректировка общей суммы взносов

⁶⁷ European Council meeting (10 and 11 December 2020) – Conclusions. EUCO 22/20 CO EUR 17 CONCL 8. Brussels, 11 December 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/47296/1011-12-20-euco-conclusions-en.pdf> (accessed: 29.03.2021)

⁶⁸ Poland and Hungary file complaint over EU budget mechanism. The move to challenge the EU's rule of law compliance initiative, which ties its budget to basic democratic standards, will slow down its adoption by the bloc // DW. 11.03.2021. URL: <https://www.dw.com/en/poland-and-hungary-file-complaint-over-eu-budget-mechanism/a-56835979> (accessed: 29.03.2021)

⁶⁹ Open Letter on EU Budget 2021-2027 // 4Liberty.eu. 14.07.2020. URL: <http://4liberty.eu/an-open-letter-on-eu-budget-2021-2027/> (accessed: 05.12.2020).

⁷⁰ *Waghorn M.* EU wastes £20bn on farm subsidies for richer urban regions, research finds. Brussels is wasting more than £20billion a year on farming subsidies, research has found // Express UK. 22.08.2020. URL: https://www.express.co.uk/news/politics/1326073/EU-farm-subsidies-cost-urban-areas?utm_source=express_newsletter&utm_medium=Email&utm_content=DailyExpress14&utm_campaign=politics_newsletter (accessed: 05.12.2020).

⁷¹ *Schulz F., Grüll P.* EU recovery deal: the summit that will cement Merkel's legacy // Euractiv. 23.07.2020/ URL: <https://www.euractiv.com/section/future-eu/news/angela-merkel-der-gipfel-ihrer-karriere/> (accessed: 15.12.2020).

в бюджет ЕС за семь последующих лет Австрии, Германии, Дании, Нидерландов и Швеции в сторону уменьшения. Для Дании – на 0,377 млрд, Германии – 3,671, Нидерландов – 1,921, Австрии – 0,565 и Швеции на 1,069 млрд евро⁷². Это снижение компенсируют остальные государства-члены.

Вместе с тем, подводя итоги марафонскому заседанию Европейского Совета 17–21 июля, Эмманюэль Макрон, моментально окрестил состоявшиеся переговоры «историческими». Ему вторил Джузеппе Конте, заявивший: «Это исторический момент для Европы и Италии. Мы удовлетворены, потому что одобрили амбициозный и соответствующий масштабу кризиса план восстановления»⁷³.

Юридическое закрепление механизма обобществления долгов было осуществлено Советом ЕС путём принятия регламента № 2020/2094⁷⁴, устанавливающего Инструмент ЕС для поддержки восстановления после кризиса COVID-19, одновременно с регламентом № 2020/2093⁷⁵ об утверждении многолетнего финансового рамочного плана на 2021–2027 годы. Таким образом, в новый финансовый 2021 г. ЕС вступил с утверждённым планом восстановления экономики.

Достигнутые договорённости получили очень высокую оценку. В России экспертное сообщество сошло во мнении, что

у европейских стран после длительного перерыва появились мощная программа совместных действий и финансовые возможности добиться её осуществления, что «ЕС следующего поколения» – это серьёзная заявка на обновление, и с ней придётся считаться⁷⁶.

За океаном, несмотря на всегдшний скепсис или даже пренебрежение тем, что и как делается в ЕС, акцентирование прошлых просчётов и неудач, восприняли принятое интеграционным объединением решение как возможный водораздел между его прошлым и будущим. Более того, в комментариях прослеживалась зависть по поводу того, что кому-то удаётся проявлять мудрость, следовать заповедям солидарности, искать и находить общий интерес и, таким образом, двигаться вперёд, вопреки преградам и трудностям⁷⁷.

В политических и экспертных кругах ЕС этапный характер достигнутых компромиссов, даже, скорее, то, что с их помощью интеграционное объединение переходит своего рода Рубикон, практически ни у кого не вызвало сомнений. Подчёркивалось: Германия позволила ЕС сделать колоссальный шаг вперёд. Она в полной мере взвалила на свои плечи тяжёлую ношу экономического возрождения региона, проявила ту самую ответственность, которой от неё ждали, на которую так рассчитывали. Ангела Меркель в этом деле сыграла реша-

⁷² Rebates: correction mechanisms. European Commission. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/long-term-eu-budget/2021-2027/revenue/rebates_en (accessed: 17.12.2020).

⁷³ Италия получит из фонда восстановления экономики ЕС почти €209 млрд. Премьер-министр страны Джузеппе Конте назвал достижение соглашения по Фонду восстановления экономики стран ЕС после пандемии коронавируса историческим моментом для Европы // ТАСС. 21.07.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9012237> (дата обращения: 05.12.2020).

⁷⁴ Council Regulation (EU) 2020/2094 of 14 December 2020 establishing a European Union Recovery Instrument to support the recovery in the aftermath of the COVID-19 crisis. OJ L 433I, 22.12.2020, p. 23–27 URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32020R2094> (accessed 29.03.2021).

⁷⁵ Council Regulation (EU, Euratom) 2020/2093 of 17 December 2020 laying down the multiannual financial framework for the years 2021 to 2027. OJ L 433I, 22.12.2020, p. 11–22. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2020/2093/oj> (accessed 29.03.2021).

⁷⁶ Примаковские чтения: ЕС нового поколения // Интерфакс. 19.06.2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/713768> (дата обращения: 05.12.2020).

⁷⁷ Tooze A. It's a New Europe – if You Can Keep It. The continent has managed to take a great leap forward – but there still might be a crash landing // Foreign Policy. 07.08.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/08/07/merkel-macron-eu-its-a-new-europe-if-you-can-keep-it/> (accessed: 05.12.2020).

ющую роль⁷⁸. Даже частичное и временное обществление долгов всё меняет⁷⁹.

Брюссель и Берлин решились двинуться по пути фискальной интеграции, от которой зависит эффективность Экономического и валютного союза. Это «поворотный пункт для финансовых активов региона, годами страдающих от долговых кризисов и разногласий Севера и Юга». Для инвесторов экономика ЕС станет привлекательнее, чем когда-либо⁸⁰. Под действием «инновационного подхода» и «беспрецедентных усилий», которые от них потребуются, должно возникнуть радикально обновлённое интеграционное объединение, отвечающее критериям конвергенции, устойчивости и трансформации.

В условиях сложившейся в мире чрезвычайной обстановки данный инновационный подход состоит в том, что государства-члены резко, более чем вдвое, увеличивают доходную и расходную части бюджета ЕС. Эта мера единовременная; она направлена исключительно на решение конкретной задачи, которая носит триединый характер: (1) спасение региона от коронавирусной пандемии и наделение интеграционного объединения способностью эффективно противостоять подобным явлениям в будущем; (2) быстрый и системный вывод экономики региона из кризиса, вызванного пандемией, и преодоление его последствий; (3) построение экономики будущего и качественно обновлённого объединения.

Увеличение доходной и расходной частей бюджета Европейского Союза

ождается произвести благодаря осуществлению в 2021–2024 годах плана «ЕС следующего поколения», на который дополнительно к ординарному бюджету в 1074,3 млрд, рассчитанному на семь лет, выделены ещё 750 млрд евро в ценах 2018 года⁸¹. Эти 750 млрд ЕК займёт от имени Европейского союза, то есть совокупности входящих в него стран, на свободном финансовом рынке. Соответствующие полномочия ЕК определит специальное решение. Его действие истечёт не позже чем до конца 2026 года. Средства будут распределены между государствами-членами на определённых условиях: 390 млрд в форме грантов, которые будут обслуживаться сообща и по окончании отлагательного периода в те же семь лет опять-таки сообща выплачиваться вплоть до (самое позднее) 2058 года; 360 млрд в виде стандартных кредитов⁸². 70% от общей суммы грантов должны быть выделены уже в 2021–2022 годах, оставшиеся 30% — до конца 2023 года.

В случае, если и когда за счёт новых собственных источников дохода у ЕС появятся дополнительные финансовые ресурсы, он воспользуется ими для досрочного погашения долга. Соответственно, наращивание собственных ресурсов станет одним из магистральных направлений развития интеграционного объединения. В Заключениях Европейского Совета было предусмотрено проведение реформы действующего механизма формирования собственных ресурсов и наделение ЕС собственными источниками доходов нового

⁷⁸ Schulz F., Grull P. EU recovery deal: the summit that will cement Merkel's legacy // Euractiv. 23.07.2020/ URL: <https://www.euractiv.com/section/future-eu/news/angela-merkel-der-gipfel-ihrer-karriere/> (accessed: 15.12.2020).

⁷⁹ Suty P. Bourlanges J.-L. «Cet accord européen est bien historique». Figarovox/Entretien — Le député se félicite de l'accord européen sur un plan de relance, qui réalise enfin la solidarité budgétaire nécessaire pour rééquilibrer les divergences Nord-Sud // Le Figaro. 21.07.2020. URL: http://www.lefigaro.fr/vox/monde/jean-louis-bourlanges-cet-accord-europeen-est-bien-historique-20200721?utm_source=app&utm_medium=sms&utm_campaign=fr.playsoft.lefigarov3 (accessed: 15.12.2020).

⁸⁰ Фонд восстановления ЕС может стать поворотным пунктом для финансовых активов еврозоны // Reuters. 22.07.2020. URL: <https://ru.reuters.com/article/idRUKCN24N1FT-ORUBS> (дата обращения: 15.12.2020).

⁸¹ A recovery plan for Europe. European Council. Council of the European Union. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-recovery-plan/> (accessed: 14.01.2021).

⁸² Ibidem.

поколения. Одним из первых шагов стало введение с 1 января 2021 г. «пластикового налога» на неразлагающийся мусор, не поддающийся утилизации⁸³. Не позже начала 2023 г. будут введены таможенный сбор на углеродоёмкий импорт и цифровой налог⁸⁴. Модификации подвергнется также механизм торговли квотами на эмиссию парниковых газов: его предполагается распространить на авиа- и морские перевозки. Кроме того, государства-члены постараются наделить ЕС и другими новыми источниками доходов, в разряд которых, в частности, мог бы попасть налог на финансовые транзакции.

Ежегодные ординарные бюджеты, соответствующие бюджетным ориентирам на 2021–2027 года, и деньги на осуществление плана, суть две части единого целого. Они образуют финансовый пакет, органически дополняют друг друга, расходуются с использованием стандартных программ и процедур, что обеспечит их согласованность, и подчинены одним и тем же целям. Для достижения этих целей будут использованы и средства из ординарного бюджета, и средства, которые пойдут на осуществление плана. Благодаря этому ожидается получение синергетического эффекта.

750 млрд плана в форме грантов и кредитов распределяются по направлениям деятельности следующим образом. Все 360 млрд грантов и 312,5 млрд займов, составляющих в общей сложности 672,5 млрд, то есть львиная доля, будут канализованы через программу «Восстановление и устойчивость». Первые 10% от этой суммы должны поступить странам ЕС уже в 2021 году. На «РизктЕС» пойдут 47,5 млрд, «Горизонт

Европа» – 5 млрд, «ИнвестЕС» – 5,6 млрд; Развитие сельскохозяйственных территорий – 7,5 млрд, в Фонд справедливого перехода – 10 млрд и на гражданскую оборону – 1,9 млрд евро⁸⁵. Формула распределения между государствами-членами будет утверждена первоначально на основании ущерба, который пандемия и кризис нанесут рынку труда, в дальнейшем – в зависимости от того, насколько «просядут» национальные экономики.

Для получения финансирования государства-члены должны будут разработать национальные планы восстановления и устойчивости с обоснованием «повестки дня реформ и капиталовложений» на 2021–2023 годы. Их оценка доверена ЕК как институту, отстаивающему общий интерес. К ней подключается Экономический и социальный комитет. ЕК будет обязана провести такую оценку в течение двух месяцев со дня получения заявки на финансирование. Её критериями послужат «специфические рекомендации в адрес конкретной страны», а равно то, насколько представленные планы влияют на «потенциал роста, создание рабочих мест, экономическую и социальную устойчивость». Условием вынесения положительного заключения станет также то, вносят ли планы «весомый вклад в зелёный и цифровой транзит». В течение четырёх недель заключение должно быть одобрено Советом ЕС, принимающим решение квалифицированным большинством. Вместе с тем по требованию любого государства-члена или группы государств-членов выделение запрошенного финансирования может быть отложено до обсуждения вопроса на заседании Европейского Совета.

⁸³ EU Recovery Package – Plastic Tax. 15.09.2020. KPMG. [Электронный ресурс]. URL: (<https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/09/etf-434-eu-recovery-package-plastic-tax.html>) (accessed: 19.12.2020).

⁸⁴ Carbon Border Adjustment Mechanism as a Part of the European Green Deal. European Parliament. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-a-european-green-deal/file-carbon-border-adjustment-mechanism> (accessed: 11.01.2021); Fair Taxation: Member States agree on new tax transparency rules on digital platforms. European Commission. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2253 (accessed: 16.01.2021).

⁸⁵ Recovery Plan for Europe. European Commission. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en (accessed: 16.01.2021).

Достижение целей климатической нейтральности к 2050 г. и уточнённых промежуточных результатов к 2030 г. становятся безусловным приоритетом всех программ и планов действий, финансируемых из обычного бюджета и фонда восстановления. Им придаётся характер горизонтальной нормы права ЕС. Это означает, что все отраслевые политики интеграционного объединения в дальнейшем обязаны учитывать соответствующие требования.

Совместное заимствование на свободном финансовом рынке и распределение между государствами-членами 750 млрд евро в интересах возрождения экономики региона дало ЕС исключительную гибкость в управлении денежными потоками. Забота о гибкости и придании интеграционному объединению дополнительных способностей адаптироваться к меняющимся потребностям хорошо прослеживается, в отличие от прежних времен, и в утверждённом Европейским Советом проекте бюджетных ориентиров на 2021–2027 годы.

В частности, из общей заложенной в ориентирах суммы 1074,3 млрд евро на помощь государствам-членам, которые могут оказаться жертвами природных катастроф, выделялось 1,1 млрд. Ещё 5 млрд были отложены на помощь отраслям и территориям, которые особенно сильно страдают от последствий выхода Великобритании из интеграционного объединения. Широкие возможности перераспределения средств закладывались в статьях расходов, касающихся осуществления сельскохозяйственной политики ЕС, политики сплочения и работы Европейского фонда регионального развития.

Все основные разделы, на которые разбиты ориентиры (1 «Единый рынок, инновации и цифровизация»; 2 «Сплочённость, устойчивость и ценности»; 3 «Природные ресурсы и окружающая среда»; 4 «Миграция и управление границами»; 5 «Безопасность и оборона»; 6 «Соседство и мир»; 7 «Европейская публичная администрация»), были составлены таким образом, чтобы в случае необходимости, исходя из «текущих и буду-

щих вызовов», перебрасывать средства между программами. Кроме того, в целях получения синергетического эффекта предусматривалось агрегирование программ и учёт в бюджетных ассигнованиях расходов, которые осуществлялись через независимые фонды или иные структуры ЕС.

* * *

Всего лишь за несколько месяцев подгоняемые пандемией и коронавирусной депрессией страны ЕС проделали большой путь. Они по-новому взглянули на себя, на интеграционное объединение, на то, что такое солидарность, и в каком направлении следует двигаться. Разработанный ими план действий по восстановлению и качественной трансформации экономики региона и самого ЕС открывает перед интеграционным объединением радужные перспективы, на которые совсем недавно он даже не смел надеяться. На осуществление плана выделены гигантские средства, которые послужат гарантией ещё более масштабных инвестиций. В случае прагматичной и эффективной реализации плана ЕС выйдет на более высокий уровень интеграции, укрепит свой индустриальный и технологический потенциал, обретёт большую самостоятельность, станет более конкурентоспособным, получит больше оснований претендовать на мировое лидерство, по крайней мере, в ряде областей.

Тем не менее против ЕС продолжит играть широчайший набор факторов. Назовём только важнейшие из них. *Во-первых*, пандемия со страшной силой ударила по ЕС и государствам-членам, их производственному потенциалу и сфере услуг, по рынку труда, самооощущению, позициям в мире. *Во-вторых*, у интеграционного объединения сохраняется старая структура экономики и бюджетных расходов. Несмотря на многочисленные призывы к их перестройке, оно не может себе позволить оставить без поддержки все отрасли, которые обуславливают инерционность и отставание, а также занятое в них население. *В-третьих*, ЕС сделался

слишком большим и разрозненным. Насколько он разобшён, продемонстрировало пренебрежение государствами-членами интересов друг друга на первых этапах распространения коронавируса. Риск эскалации противоречий внутри ЕС сохраняется. *В-четвёртых*, на преодоление последствий первого глобального финансово-экономического кризиса и кризиса суверенной задолженности ЕС потратил колоссальные средства, значительная часть которых была использована непроизводительно и ушла в спекуляции. Ничто не гарантирует от повторения такого сценария. *В-пятых*, многие государства-члены затаили с проведением давно назревших социально-экономических, структурных и управленческих реформ в связи с их болезненностью, неоднозначностью и отсутствием политической воли. Ставка на то, что под обещания щедрого финансирования политическая воля появится, может сработать, а может и нет. В том, что необходимость согласовывать программы и приоритеты будет постоянно сталкивать национальные государства с институтами ЕС, сомневаться не приходится. *В-шестых*, сердцевиной плана возрождения европейской экономики провозглашены цифровизация и транзит к климатически нейтральной энергетике. Такая цель, как цифровизация, сомнений не вызывает. Насколько нужна климатическая нейтральность, не является ли постановка данной задачи политическим волюнтаризмом и не поведут ли усилия по её достижению к напрасному расходованию колоссальных средств, остаётся неясным. Многие авторитетные исследователи и экономисты, несмотря на угрозу подвергнуться остракизму, называют её несбы-

точной или бессмысленной⁸⁶. Тем не менее в плане ЕС акцент явно смещён в пользу зелёной экономики. На достижение климатической нейтральности ЕС обязуется направить до 30% всего пакета бюджетных средств. Для этого будут созданы Механизм и Фонд справедливого транзита. *В-седьмых*, с помощью чрезвычайно масштабных расходов ЕС и государства-члены надеются не только восстановить, но и структурно перестроить экономику региона. Тем не менее по поводу того, правильно ли в бюджетных ориентирах выдержаны пропорции между расходами на текущую деятельность интеграционного объединения и его технологическое обновление, высказываются очень серьёзные сомнения. Показательная реакция на проект, утверждённый главами государств и правительств стран ЕС, Манфреда Вебера – председателя фракции Европейской народной партии в ЕП. По его мнению, в проект не заложено достаточно средств на инновации, на новейшие информационно-коммуникационные технологии и на профилактику особо опасных заболеваний⁸⁷. *В-восьмых*, на этапе обсуждения общих параметров бюджетного пакета одновременно на ближайшие годы и семилетний период государствам-членам удалось договориться. Они вышли на хорошо сбалансированный многообещающий компромисс. Тем не менее самое сложное в реализации пакета впереди: предстоит длительное согласование национальных программ, на которые будут расходоваться занятые ЕК от имени ЕС на свободном финансовом рынке деньги, и принятие институтами ЕС решений о финансировании этих программ. На этом этапе расходования в подходах Германии, Бельгии,

⁸⁶ Шелленбергер М. Нет причин для паники. Эколог-активист Майкл Шелленбергер объясняет, почему ожидаемые последствия изменения климата преувеличены // IPG – Международная политика и общество. 06.08.2020. URL: https://www.ipg-journal.io/index.php?id=24&L=0&tx_news_pi1%5Bnews%5D=1117&tx_news_pi1%5Bcontroller%5D=News&tx_news_pi1%5Baction%5D=detail&utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=ru_196_20200812&cHash=15b4ec5f7303faf3d095b01ea8d027e8 (дата обращения: 15.02.2021).

⁸⁷ Пудовкин Е. В Европарламенте назвали антикризисный бюджет ЕС глотанием пилюль // РБК. 23.07.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2020/5f198e449a79476b48349fbb> <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2020/5f198e449a79476b48349fbb> (дата обращения: 15.12.2020).

Нидерландов, Дании и Швеции, с одной стороны, и всех остальных стран ЕС – с другой, наверняка проявятся с новой силой [Плевако 2020].

Главное: восторги по поводу того, что ЕС наконец-то сделал выбор в пользу обобществления долгов и придания Экономическому и валютному союзу большей цельности и устойчивости, явно преувеличены. Германия и ориентирующийся на неё блок благополучных стран ЕС сделали всё для того, чтобы гранты в размере 390 млрд евро и совместное заимствование на свободном финансовом рынке получили ста-

тус мер чрезвычайного характера и не стали прецедентом.

Таким образом, путь к построению «ЕС следующего поколения», на который встали государства-члены, предстоит долгий и тернистый. Успех отнюдь не гарантирован. Вместе с тем, если первый опыт окажется удачным и у них получится преодолеть многочисленные трудности и ограничения, расстановка сил внутри ЕС в пользу более радикальной перестройки интеграционного объединения, консолидации ЕС и углубления интеграции, станет совсем другой.

Список литературы

- Плевако Н. Швеция и проблемы восстановления экономики стран ЕС. Аналитическая записка Института Европы РАН. № 33 (216). Август 2020. С. 7. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an216.pdf> (дата обращения: 15.12.2020).
- Beine M., Docquier F., Rapoport H. Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries: Winners and Losers // *The Economic Journal*. 2008. Vol. 118. № 528. P. 631–652.
- Coman R. Values and Power Conflicts in Framing Borders and Borderlands: The 2013 Reform of EU Schengen Governance // *Journal of Borderlands Studies*. 2019. Vol. 34. No. 5. P. 685–698.
- De Grauwe P. Flaws in the Design of the Eurosystem // *International Finance*. 2006. Vol. 9. Issue 1. P. 137–144.
- Fourcade M., Steiner M., Streeck W., Woll C. Moral categories in the financial crisis // *Socio-Economic Review*. 2012. Vol. 11. No. 3. P. 601–627.
- Genschel P., Jachtenfuchs M. Postfunctionalism reversed: solidarity and rebordering during the COVID-19 pandemic // *Journal of European Public Policy*. 11.02.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13501763.2021.1881588> (accessed: 15.08.2020).
- Gray J. International Organization as a Seal of Approval: European Union Accession and Investor Risk // *American Journal of Political Science*. 2009. Vol. 53. No. 4. P. 931–949.
- Hasselbalch J.A. Framing brain drain: between solidarity and skills in European labor mobility // *Review of International Political Economy*. 2019. Vol. 26. No. 6. P. 1333–1360.
- Howarth D., Verdun A. Economic and Monetary Union at twenty: a stocktaking of a tumultuous second decade: introduction // *Journal of European Integration*. 2020. Vol. 42. No. 3. P. 287–293.
- Kelemen R.D. Europe's other democratic deficit: National authoritarianism in Europe's democratic union // *Government and Opposition*. 2017. Vol. 52. No. 2. P. 211–238.
- Kelemen R.D. The European Union's authoritarian equilibrium // *Journal of European Public Policy*. 2020. Vol. 26. No. 3. P. 481–499.
- Levitsky S., Way L.A. *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge University Press. 2010. 536 p.
- Matthijs M., McNamara K. The Euro Crisis' Theory Effect: Northern Saints, Southern Sinners, and the Demise of the Eurobond // *Journal of European Integration*. 2015. Vol. 37. No. 2. P. 229–245.
- Schild J. EMU's asymmetries and asymmetries in German and French influence on EMU governance reforms // *Journal of European Integration*. 2020. Vol. 42. No. 3. P. 449–464.
- Schmidt V.A. Politicization in the EU: between national politics and EU political dynamics // *Journal of European Public Policy*. 2019. Vol. 26. No. 7. P. 1018–1036.
- Van Middelaar L. *Alarums and Excursions: Improvising Politics on the European Stage*. Agenda Publishing: 2019. 320 p.
- Verdun A. An “asymmetrical” economic and monetary union in the eu: Perceptions of monetary authorities and social partners // *Journal of European Integration*. 1996. Vol. 20. No. 1. P. 59–81.

THE EU CHOICE TOWARDS INTEGRATION IN THE MIDST OF COVID-19 PANDEMICS

MARK ENTIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Boris Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, 620002, Russia

Russian Institute of Strategic Studies, Moscow, 119002, Russia

EKATERINA ENTINA

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Institute of Europe of the RAS, Moscow, 125009, Russia

VADIM VOYNIKOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, 236016, Russia

Abstract

The Covid-19 pandemic was a catalyst for the growing systemic crisis of the EU and at the same time gave the Union an impetus towards its qualitatively new development in favor of deeper integration, expressed in a change in the financial and economic space of the EU. Realizing the risks of their internal destabilization, the EU core countries decided to sacrifice the surplus from their economic successes through the socialization of debts in order to save the most affected peripheral Member States to preserve both the integration union and the European idea itself. The purpose of this article is to explain the difficulty of making this decision and its compromise nature, as well as to clarify the likely consequences and suggest options for the further development of the situation. The authors first compare the pros and cons of debt socialization. Then the variables are compared: the Spanish proposal, the Franco-German initiative and the negotiating platform on the "next generation EU" by Ursula von der Leyen with the fundamental points of the European Council compromise decision. It also provides answers to questions about the volume, conditions, mechanism, and control over the expenditure of the financial assistance provided. The breakthrough steps taken by the Member States towards finding an optimal solution are analyzed. The result of the study is a balanced conclusion about the ambiguous nature of the decision adopted by the EU but having a historical significance and opening prospects for the further deepening of integration processes. This is facilitated by reaching an agreement on the need to bring the core of the EU closer to the periphery through the socialization of debts, as well as the importance of structural reforms that would ensure the construction of a harmonious economy of the future based on a new technological platform and formulated in a breakthrough plan called the next generation EU. Success is not guaranteed, as it depends on the behavior of all Member States, but it is real.

Keywords:

EU; pandemic; European integration; supranational law; debt socialization.

References

- Beine M., Docquier F., Rapoport H. (2008). Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries: Winners and Losers. *The Economic Journal*. Vol. 118. No. 528. P. 631–652.
- Coman R. (2019). Values and Power Conflicts in Framing Borders and Borderlands: The 2013 Reform of EU Schengen Governance. *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 34. No. 5. P. 685–698.
- De Grauwe P. (2006). Flaws in the Design of the Eurosystem. *International Finance*. Vol. 9. Issue 1. P. 137–144.
- Fourcade M., Steiner M., Streeck W., Woll C. (2012). Moral categories in the financial crisis. *Socio-Economic Review*. Vol. 11. No. 3. P. 601–627.

- Genschel P., Jachtenfuchs M. (2021). Postfunctionalism reversed: solidarity and rebordering during the COVID-19 pandemic. *Journal of European Public Policy*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13501763.2021.1881588> (accessed: 15.08.2020).
- Gray J. (2009). International Organization as a Seal of Approval: European Union Accession and Investor Risk. *American Journal of Political Science*. Vol. 53. No. 4. P. 931–949.
- Hasselbalch J. A. (2019). Framing brain drain: between solidarity and skills in European labor mobility. *Review of International Political Economy*. Vol. 26. No. 6. P. 1333–1360.
- Howarth D., Verdun A. (2020). Economic and Monetary Union at twenty: a stocktaking of a tumultuous second decade: introduction. *Journal of European Integration*. Vol. 42. No. 3. P. 287–293.
- Kelemen R.D. (2017). Europe's other democratic deficit: National authoritarianism in Europe's democratic union. *Government and Opposition*. Vol. 52. No. 2. P. 211–238.
- Kelemen R.D. (2020). The European Union's authoritarian equilibrium. *Journal of European Public Policy*. Vol. 26. No. 3. P. 481–499.
- Levitsky S., Way L.A. (2010). *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 536 p.
- Matthijs M., McNamara K. (2015). The Euro Crisis' Theory Effect: Northern Saints, Southern Sinners, and the Demise of the Eurobond. *Journal of European Integration*. Vol. 37. No. 2. P. 229–245.
- Plevako N. (2020). *Shwetsiya i problem vosstanovleniya ekonomiki stran ES* [Sweden and the Problems of the Economic Recovery in the EU Countries]. *Analiticheskaya zapiska Instituta Evropy RAN*. No. 33 (216). URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an216.pdf> (дата обращения: 15.12.2020).
- Schild J. (2020). EMU's asymmetries and asymmetries in German and French influence on EMU governance reforms. *Journal of European Integration*. Vol. 42. No. 3. P. 449–464.
- Schmidt V. A. (2019). Politicization in the EU: between national politics and EU political dynamics. *Journal of European Public Policy*. Vol. 26. No. 7. P. 1018–1036.
- Van Middelaar L. (2019). *Alarums and Excursions: Improvising Politics on the European Stage*. Agenda Publishing: 2019. 320 p.
- Verdun A. (1996). An “asymmetrical” economic and monetary union in the eu: Perceptions of monetary authorities and social partners. *Journal of European Integration*. Vol. 20. No. 1. P. 59–81.

СЕТЕВАЯ ДИНАМИКА «ДИФфуЗИИ ТЕХНОЛОГИЙ» В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСФЕРОВ ВООРУЖЕНИЙ

АРТЁМ МАЛЬЦЕВ

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Представленное исследование рассматривает роль технологических факторов в мировой торговле оружием. В первой части статьи с опорой на краткий обзор ключевых научных работ по данной проблематике обосновывается системный характер межгосударственных трансферов вооружений, её тесная взаимосвязь с более общей политической структурой международных отношений. Поднимая вопрос относительно детерминантов динамики системы межгосударственных трансферов вооружения, обсуждается теоретический подход «диффузии технологий», предложенный Китом Краузе в начале 1990-х годов. Принимая во внимание отечественные и зарубежные исследования современных тенденций международного сотрудничества в области военно-промышленного комплекса, автор приходит к заключению, что хотя технический прогресс оказывает существенное влияние на степень иерархии в отношениях между поставщиками и покупателями вооружений, многие конкретные аспекты остаются не ясны. Приводят ли трансферы военных технологий между странами к их пролиферации в международной системе и таким образом сглаживанию иерархии международной торговли вооружениями? Или отношения между странами в данной сфере носят преимущественно неравный, асимметричный характер? Во второй части статьи в качестве пути к разрешению поставленной научной проблемы автор обращается к наработкам методологии сетевого анализа (SNA), кратко обсуждается опыт новейших исследований в данной области. В третьей части статьи обосновывается оригинальный подход к оценке и количественному измерению межгосударственных трансферов технологий производства вооружений с помощью информации о лицензионном производстве вооружения и военной техники в базе данных SIPRI Arms Transfer Database. С опорой на предложенный метод было выполнено моделирование процесса «диффузии технологий» методом построения сетевых графов международных трансферов военных технологий за период 1950–2018 годов. Сравнение сетевых сообществ, выделенных по методу оптимизации меры модулярности Блонделя демонстрирует принципиальные различия в структуре сетевых взаимодействий между сетями «прямых» поставок вооружений и трансферов через лицензионное производство – топология сетевых графов трансферов технологий показывает значительно большую связанность вторичных поставщиков, а также существование механизмов обратной связи между ними. Динамика сетевых «кластеров» и показатели центральностей ключевых поставщиков также свидетельствуют в пользу гипотезы Краузе о взаимосвязи между темпами диффузии технологий и динамикой структуры иерархических отношений между экспортёрами и импортёрами вооружения. Результаты также подтверждают выводы предыдущих эмпирических исследований относительно структуры подсетей трансферов вооружений США и СССР: асимметрия между подсетями проявляется гораздо сильнее в сегменте трансферов лицензий.

Ключевые слова:

международная торговля вооружениями; технологический трансфер; диффузия технологий; сетевой анализ; сетевые сообщества.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.01.2020

Дата принятия к публикации: 27.01.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: amalcev@hse.ru

Международная торговля вооружениями выступает предметом пристального внимания политологов и международных уже более века. Ещё в первых «дотеоретических»¹ работах авторов начала XX в. подчёркивался особый политический контекст деятельности «торговцев смертью» [Engelbrecht and Hanighen 1934]. После того как в конце 1960-х годов благодаря усилиям специалистов Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ)² [Blackaby 1971] и Массачусетского технологического института³ были созданы первые массивы количественных данных, описывающих известные в западной академической литературе поставки основных категорий вооружений, произошёл всплеск внимания научного сообщества к этой проблематике. Возникла обобщённая концепция *трансфера вооружений*, включающая в себя не только собственно поставки оружия на коммерческой основе, но и любые поставки продуктов, товаров, технических систем и их компонентов военного и двойного назначения, в том числе в рамках различных комплексов политической взаимозависимости⁴. С начала 1990-х годов схожая концептуализация была введена и в отечественной литературе в виде термина «военно-техническое сотрудничество» (ВТС) [Колесников 2004; Буневич 2008; Кушнир 2008]. В научных работах с 1970-х годов рассматриваются конкретные структуры политического влияния, возникающие в ходе трансферов вооружений различных видов, специфическая политическая динамика отдельных рынков вооружения, вопросы взаимодействия экономики и политики в динамике рынков, а также зависимость динамики

региональных конфликтов от объёмов поставленного оружия и многие другие темы⁵.

Важным направлением исследований остаётся *системный подход* к изучению международной торговли вооружениями [Gerner 1983; Laurance 1992; Anderton 1995], цель которого состоит в поиске *обобщённой логики* функционирования трансферов вооружений как подсистемы международных отношений. Теоретические подходы к объяснению динамики развития системы международных трансферов вооружения вплоть до конца 2000-х годов опирались в основном на генерализацию данных, полученных в результате изучения отдельных кейсов. Исследование, представленное в настоящей статье, посвящено *эмпирической проверке* теоретических наработок с акцентом на *научно-техническом прогрессе* как основном драйвере мировой торговли вооружениями. При этом оно объединяет перспективную для обозначенной проблематики методологию *сетевого анализа* с применением дезагрегированного статистического массива данных о межгосударственных трансферах военных технологий. В частности, с помощью количественных методов была осуществлена проверка концепции «диффузии технологий» К. Краузе [Krause 1992] на данных о трансферах лицензий по производству вооружений на всём периоде систематических наблюдений – с 1950 по 2018 год.

1

Начало исследования международных трансферов вооружения как системного явления положили первые наработки СИПРИ, опиравшиеся на впервые собранные регистры межгосударственных сделок

¹ См. обзор этих исследований в работе Д. Гернер [Gerner 1983] и Д. Кинселлы [Kinsella 2011].

² Стокгольмский институт исследования проблем мира (SIPRI) с начала 1960-х годов является одним из наиболее авторитетных в мире исследовательских центров по изучению международной торговли вооружением.

³ В частности, речь идёт о работе коллектива авторов во главе с А. Лейсс [Leiss et al. 1970].

⁴ Несмотря на наличие естественных расхождений в конкретной трактовке термина, именно к такой концептуализации термина “*arms transfer*” приходят наиболее влиятельные авторы 1980–1990-х годов [Catrina 1988: 13; Laurance 1992: 14; Kinsella 1998: 7].

⁵ Подробный обзор ключевых направлений см., например, в работах Д. Гернер [Gerner 1983], К. Катрины, Ч. Андертона и Д. Кинселлы [Catrina 1994; Anderton 1995; Kinsella 2011].

по поставке вооружения. Описывая структуру регистров, команда исследователей указала на существование *гегемонистского* паттерна в системе взаимоотношений между ключевыми поставщиками и приобретаемыми вооружениями в биполярном мире⁶. Другой важной вехой стала опубликованная в 1975 г. масштабная теоретическая работа американского учёного Роберта Харкави «*Торговля вооружениями и международная система*» [Harkavy 1974]. Он сравнил динамику международных трансферов вооружений в межвоенный (1920–1930 годы) и послевоенный периоды (1945–1970-е годы). Опираясь на свой историко-системный анализ, Р. Харкави сделал вывод, согласно которому международные трансферы вооружений с начала «холодной войны» стали *политической системой*, в которой доминировали технологические и политико-идеологические факторы [Harkavy 1974]. Хотя предложенный исследователем методологический подход, по мнению самого автора, «не получил должного теоретического спроса или оказался свёрнут в более обобщённую рамку структурного реализма» [Harkavy 1994: 12], большинство более поздних исследований конца 1980-х – начала 1990-х годов широко признавали и активно использовали введённые им концептуальные наработки [Catrina 1988; Laurance 1992; Krause 1992].

В 1992 г. канадский политолог Кит Краузе опубликовал работу «*Оружие и государство: паттерны военного производства и торговли*» [Krause 1992], где впервые была сформулирована единая логика волновой динамики системы международных трансферов вооружений под влиянием технического прогресса. Хотя понятия *технологий* и *технологического трансфера* уже использовались в работах предыдущих авторов

[Harkavy 1974; Catrina 1988; Laurance 1992], их концептуализация в целом ограничивалась общими заключениями о влиянии качественных тактико-технических характеристик (ТТХ) поставляемого вооружения на региональные военные балансы. Авторы подчёркивали важность поставок высокотехнологичного оружия, концентрируя внимание на специфическом политическом контексте различных трансферов [Harkavy 1974: 44–45; Laurance 1992: 50]. Таким образом, изучение влияния технологий сводилось к более узким вопросам, как, например, политический контроль над распространением отдельных систем вооружения и взаимосвязь технологий с высокой концентрацией производства [Harkavy 1975: 46–47; Laurance 1992: 50–51].

В отличие от своих предшественников и коллег К. Краузе впервые комплексно проработал понятия *технологии* и *технологического прогресса*, обобщив опыт исторических исследований политических трансформаций в Европе в ходе промышленной революции XVIII – XIX веков (особенно в области технического прогресса в создании вооружений) [Bull et al. 1984; Wallerstein 1974; Wallerstein 1980a; Gellner, Breuilly 1983; Howard 1976; McNeill 1983; Gilpin 1981; Kennedy 1987, Thompson 1988]. Совместив несколько схожих концептуальных подходов «*диффузии военных и экономических технологий от более развитых к менее развитым обществам как ключевого элемента в процессах перераспределения международного влияния*» [Gilpin 1981: 177], а также «*реструктуризации геополитической системы (благодаря) технологическим прорывам*» [Wallerstein 1980b: 172]⁷, К. Краузе предложил единую теоретическую логику для объяснения динамики системы международных трансферов воо-

⁶ Предложенная СИПРИ теоретическая модель системы международных трансферов вооружения включала три основных паттерна поставок – гегемонистский (hegemonic), индустриальный (industrial) и ограничивающий (restrictive), в соответствии с которыми поставщики вооружений стремятся либо укрепить собственное влияние в международной системе, либо преследуют коммерческую выгоду для своего оборонно-промышленного комплекса, либо используют поставки вооружений для того, чтобы обеспечить безопасность себя и своих союзников от потенциальных агрессоров [Blackaby 1971: 17–21].

⁷ Также этот подход подробно обсуждался в работе Фримэна [Freeman 1987: 295–309].

Таблица 1
Классификация поставщиков по трём уровням

Ранг поставщика в международной системе	Поставщики	Характеристика
Первый уровень	США, СССР	Независимый полный цикл проектирования, разработки и производства всех видов систем вооружений. Постоянное создание инноваций, определение «технологического фронта»
Второй уровень	Франция, Германия, Великобритания, Италия, Испания, Польша, Чехословакия, Япония, Канада, Швеция	Самостоятельная разработка высокотехнологичных систем вооружения с опорой на технологический трансфер, заимствование опыта и приобретение подсистем у поставщиков первого уровня
Третий уровень	Аргентина, Южная Африка, Израиль, Северная Корея, Индия, Китай, Египет, Бразилия, Тайвань, Югославия, Сингапур, Пакистан	Копирование и репроизводство существующих систем вооружения с опорой на трансфер технологий или кражу интеллектуальной собственности, самостоятельное обслуживание некоторых высокотехнологичных систем вооружения

Источник: составлено по данным [Krause 1992: 31, 99, 127].

ружений по принципу «диффузии технологий» [Krause 1992: 18].

В общих чертах представленная Краузе теоретическая модель⁸ предполагает, что технологическое неравенство между государствами на международной арене приводит к неизбежному формированию иерархической системы отношений между поставщиками и импортёрами вооружений⁹, в которой относительное положение каждой страны определяется доступным для неё технологическим уровнем¹⁰ [Krause 1990; Krause 1992]. В работе К. Краузе выделяются четыре¹¹ таких уровня (табл. 1). Структура иерархических отношений между поставщиками зависит от действия двух противоположных сил. С одной стороны, государства на вершине иерархии постоянно поддерживают процесс воспроизводства новых военных технологий, разрабатывают новые поколения систем вооружения. При этом разрыв между вершиной иерархии и каждой следующей ступенью увеличивается, так как все страны

вынуждены осваивать производство, обслуживание и эксплуатацию новых поколений систем вооружений [Krause 1990: 698]. С другой стороны, действует обратная сила в виде *диффузии технологий* – процесса распространения научно-производственных потенциалов в международной системе. Заимствуя технологии из международных центров военных НИОКР, отдельные страны могут сокращать отставание от лидеров и таким образом продвигаться вверх по иерархии поставщиков вооружения [Krause 1992: 29–30].

В соответствии с теорией К. Краузе в зависимости от скорости воспроизводства военных технологий международная система трансферов вооружений принимает более или менее выраженную иерархическую структуру. При этом накопление технологий военно-промышленным комплексом государства либо способствует «технологическому рынку», позволяющему закреплиться на следующей ступени иерархии, либо при невысоких темпах технического про-

⁸ Оригинальная модель была впервые представлена К. Краузе в 1990 году [Krause 1990: 689–697] и затем была развита в масштабной работе 1992 года [Krause 1992: 12–21].

⁹ При этом представление о иерархических отношениях между национальными оборонно-промышленными комплексами стран развитых и развивающихся стран возникло ранее – в частности, ещё с 1980-х годов [Neuman 1984].

¹⁰ В оригинале – «уровень», «ступень» (англ. “tier”).

¹¹ Где к «четвёртому» уровню относятся исключительно импортёры вооружений.

гресса заканчивается стагнацией или так называемым технологическим плато.

Необходимо отдельно обозначить термины. **Диффузия технологий** относится в целом к *процессу распространения военных технологий*, в то время как **трансфер технологий** предполагает *передачу технологии от одного поставщика к другому*. Таким образом, общая тенденция к *диффузии технологий* реализуется благодаря существованию постоянных *трансферов технологий* между отдельными поставщиками. Например, при поставке многофункциональных истребителей Су-30МКИ из России в Индию осуществляется, как минимум, *частичный трансфер технологий* благодаря конечной сборке самолётов на мощностях индийской аэрокосмической корпорации HAL [Pardesi, Manjeet 2007; Буневич, Бродунов 2015]. В то же время постепенный рост¹² возможностей научной и производственной базы индийского ВПК по созданию собственной боевой авиации и авиационного вооружения, возможный в том числе благодаря военнотехническому сотрудничеству с Россией и другими странами, является примером *диффузии технологий*.

С конца 1980-х — начала 1990-х годов проблематика технологического трансфера в государства второго и третьего уровней стала предметом серии детальных эмпирических исследований [Pearson 1987; Anthony 1993; Grimmett 1995; Kinsella 2000; Cofner 2008], в которых было рассмотрено множество случаев трансферов технологий между отдельными странами. Хотя в современной литературе не сложилось согласованного мнения относительно совокупности технологических критериев, четко разделяющих ступени поставщиков, основные принципы в существующих мо-

делях в целом схожи¹³. При этом доскональное изучение процессов, связанных с *диффузией военных технологий*, породило гораздо больше вопросов, нежели ответов. С одной стороны, число новых поставщиков, способных к экспорту высокотехнологичного вооружения, действительно активно растёт¹⁴ [Bitzinger et al. 2011: 2–4]. С другой стороны, несмотря на активное впитывание технологий ближайшими партнёрами и союзниками США, они оказываются не способны реально претендовать на равное положение в иерархии. Скорость технологического прогресса и необходимые для его поддержания инвестиции в НИОКР не оставляют союзникам США возможностей для полноценной конкуренции [Dunne, Brauer 2005: 13; Cofner 2008: 6]. В масштабном исследовании Ричард Битцингер приходит к выводу о том, что диффузия технологий не способна кардинально изменить существующую структуру отношений между поставщиками, так как кривая технологической адаптации растёт экспоненциально по мере приближения к вершине иерархии [Bitzinger 2003: 11–38]. По Р. Битцингеру, поставщики вооружений второго и третьего уровней оказываются неспособными добиться часто декларируемой технологической самодостаточности и вместо этого стремятся к специализации, захвату отдельных высокотехнологичных ниш, в которых национальная военная продукция остаётся конкурентоспособной, а само производство — экономически целесообразным. При этом усиливается горизонтальное взаимодействие между поставщиками, когда производство сложных систем вооружения происходит при интенсивном импорте компонентов и субсистем, производящихся разными государствами

¹² Несмотря на несколько спорные оценки относительно его темпов, в целом можно отметить пусть медленный, но неуклонный прогресс в развитии ВПК Индии. Подробнее см., например, работу А.М. Задориной [Задорина 2016].

¹³ Помимо критериев, предложенных К. Краузе, существует минимум три альтернативные модели [Katz 1984: 9; Wulf 1985: 330; Ross 1994; Nolan 1986: 45–46; Green 1995: 15; Brzoska 1999: 148].

¹⁴ Bitzinger R., Raska M., Lean C.K.S., Weng K.W.K. Locating China's Place in the Global Defense Economy. SITC (Policy Brief 28). 2011. P. 6.

[Bitzinger 2003: 39–69]. В настоящее время эта тенденция активно изучается в научной литературе в рамках исследований *глобализации военной промышленности*¹⁵.

Что перечисленные выводы могут сказать о структуре системы международных трансферов вооружения в целом? Существующие работы дают некоторое описание взаимодействия отдельных поставщиков, в основном – партнёров США. В то время как они отлично объясняют взаимодействие поставщиков внутри отдельных вертикалей технологической зависимости, в них описан лишь *некоторый сегмент* международных трансферов вооружений. Такой подход зачастую оставляет за рамками роль западных поставщиков в системе трансферов технологий производства вооружения (в первую очередь России, Китая, Индии).

В отечественной научной литературе в последнее десятилетие также активно изучается процесс *диффузии технологий*, хотя общепринятого определения или хотя бы схожей трактовки не сложилось. Например, в сфере военно-промышленного комплекса под *диффузией технологий* отечественные авторы часто подразумевают обмен технологиями между предприятиями ОПК и гражданским сектором экономики [Цветных, Ерыгин, Левчен 2017]. В другом подходе диффузия технологий рассматривается как процесс распространения технологий в мировой экономике в целом, где впитывание технологий отдельными странами способствует развитию научно-производственного потенциала их национальной экономики [Голиченко 2012; Вашенко и др. 2015]. Наиболее распространённым подходом в российских исследованиях трансферов военных технологий выступает анализ случаев военно-технического сотрудничества России с её ключевыми партнёрами, в том числе с Индией [Буневич, Бродунов 2015] и Китаем [Евдотьева 2018]. Существуют

также и обзорные исследования общих трендов международной торговли вооружением. В частности, в работе Константина Макиенко представлен сравнительный анализ различных моделей рынков вооружения, включая *промышленно-технологическую модель*, ключевой особенностью которой выступает «приоритет доступа к передовым военным и общепромышленным технологиям» [Макиенко 2012: 186]. В целом, хотя ведущие российские интеллектуальные центры, такие как ЦАСТ и ИМЭМО РАН, обладают как подробной статистикой, так и *содержательным пониманием* специфики трансферов технологий (в том числе через военно-техническое сотрудничество), они специализируются в основном на профессиональной экспертизе, а не на академических исследованиях международных отношений.

Проблематика *диффузии технологий* в международной торговле вооружениями остаётся актуальной темой в современных исследованиях как в России, так и за рубежом. Вместе с тем по-прежнему остаётся много вопросов относительно совокупных особенностей и трендов данного процесса. Важная задача нынешней статьи заключается в *эмпирической проверке* существующего экспертного знания и результатов изучения отдельных кейсов трансферов военных технологий на больших массивах количественных данных. Ключевое для этой работы предположение состоит в том, что подтверждения принципа *диффузии технологий* К. Краузе можно обнаружить в *сетевой структуре* динамики основных рынков вооружений.

2

В 2003 г. американский специалист Дэвид Кинселла впервые предложил исследовать международную торговлю вооружениями как *сетевую структуру* [Kinsella 2003]. Обсуждая извечный вопрос столкновения политики и экономики в поставках

¹⁵ Впервые этот тезис был выдвинут ещё в 1990-е годы [Bitzinger 1994]. В 2000-е годы он приобрёл существенную популярность, получив подтверждения в ряде работ [Bitzinger 2003: 63–79; Hayward 2000: 115–132; Hartley 2007; Hartley 2009; Буневич 2014].

вооружений, он отметил, что международную торговлю вооружениями нельзя свести ни к *анархической* структуре свободных рынков, ни к строго *иерархическому* политическому порядку. Вместо этого она скорее балансирует между этими двумя типами структуры. Распространение технологий между поставщиками, как правило, означает установление между ними прочных связей, которые нельзя свести исключительно к политической зависимости или экономическому партнёрству. В качестве альтернативы Д. Кинселла предлагает рассматривать отношения между экспортёрами и импортёрами в терминологии «узлов» и «рёбер» направленного сетевого графа. Такой подход позволяет учитывать одновременно как центральную роль ключевых производителей вооружений, так и наличие сетевых горизонтальных взаимодействий между поставщиками второго и третьего уровней, присутствующих параллельно вертикальным иерархическим отношениям [Kinsella 2003].

Исследования Дэвида Кинселлы показали возможность применения методологии *анализа социальных сетей* (SNA)¹⁶ для изучения международной торговли вооружениями. В упомянутой выше статье 2003 г. в качестве демонстрации метода учёный рассчитал показатели плотности сети трансферов вооружений, а также значения центральности поставщиков в сети. Результаты в динамике показали значительный рост сетевых взаимодействий в 1980–1990-х годах во многом за счёт активности поставщиков третьего уровня [Kinsella 2003]. В итоге Д. Кинселла описывал сеть международных трансферов вооружения как *масштабно-инвариантную*¹⁷, что соответствует свойствам естественной социальной сети. В дальнейшем исследователь сосредоточился на сетевом анализе специфических сегментов торговли вооружениями – в частности, чёрного рынка трансфе-

ров лёгкого стрелкового оружия [Kinsella 2004; Kinsella 2006].

К началу 2010-х годов исследования с опорой на методологию сетевого анализа стали одним из перспективных направлений в теории международных отношений [Hafner-Burton, Kahler 2009; Maoz 2009; Maoz 2012; Дегтерёв 2015]. Например, применение методов SNA позволило найти положительную взаимосвязь между высокими значениями центральности в системе международной торговли и снижением вероятности военного конфликта между странами в сети [Kinne 2012]¹⁸, а также наличие статистически значимых сетевых эффектов в динамике оборонных расходов США и европейских стран [Caruso, Di Domizio 2016; Bove, Elia, Pelliccia 2016]. Дальнейшее развитие проблематика сетевого анализа структуры международных трансферов вооружений получила в исследованиях последних лет. Андерс Акерман и Анна Л. Зейм в 2014 г. опубликовали [Akerman, Seim 2014] более продвинутую модель анализа сети трансферов вооружений с акцентом на сравнении подсетей НАТО и Организации Варшавского договора. Их исследование сети торговли вооружениями 1950–2007 годов подтвердило общие представления о склонности подсети СССР к большей централизации по сравнению с западными странами, а также показало, что после окончания «холодной войны» сеть стала более плотной и кластеризованной. А. Акерман и А. Зейм интерпретируют эту тенденцию через призму ослабления традиционных структур политической зависимости, сопровождающих трансферы, а также выдвигают предположение относительно усиления рыночных механизмов в системе торговли вооружениями в целом. При этом регрессионная модель вероятности возникновения трансферов в диадах государств подтверждает снижение значимо-

¹⁶ *Social Network Analysis*.

¹⁷ Scale-Free Network, подробнее см. работу А.-Л. Барабаша и М. Алдана-Гонсалес [Barabási, Aldana-Gonzales 2003], а также работу А.-Л. Барабаша и Э. Бонабо [Barabási and Bonabeau 2003].

¹⁸ Здесь имеются в виду совокупные торговые операции, а не трансферы вооружений.

сти политического режима как объясняющей переменной¹⁹ с начала 1990-х годов [Akerman, Seim 2014]. В исследованиях 2016 и 2018 годов Брендон Кинне [Kinne 2016; Kinne, Bunte 2018] также использует значения центральностей в сети соглашений о межгосударственной кооперации при разработке и производстве вооружений²⁰ в качестве предиктора возникновения трансфера вооружений в диадах. Его работы показывают, что государства–поставщики вооружений в 2000–2010-х годах стремились формализовать двусторонние связи по кооперации в области национальной безопасности, в которые входил широкий спектр партнёрств в различных сферах – от совместного проектирования вооружений до сотрудничества вооружённых сил. Эти связи также представляют собой сетевую структуру, которая оказывает эффект на международную торговлю вооружениями. В 2019 г. аналогичный подход, но уже относительно самого рынка вооружений, применила группа исследователей под руководством Пола Тёрнера [Turner et al. 2019]. Используя *модель динамического экспоненциального случайного графа*²¹, она оценила статистический эффект превалирования различных вариантов сетевых структур в развивающейся системе международной торговли вооружениями. Результаты в целом соответствуют тезису об усилении роли рыночных механизмов с 1990-х годов, в то же время указывая на рост влияния двусторонних и коллективных военных альянсов после 2001 года²².

В целом методы сетевого анализа сформировали передовое направление в исследованиях международных трансферов вооружений, что свидетельствует о больших

перспективах применения этих методов для исследования трансферов технологий производства вооружения и в целом процессов диффузии технологий.

3

В настоящей работе предлагается воспользоваться наработками методологии сетевого анализа для возвращения к проблематике *диффузии военных технологий* в рамках сети трансферов вооружений. В исследовательской литературе это первая попытка изучения этого процесса на масштабных эмпирических данных с широкими временными рамками. Предшествующие эмпирические исследования диффузии технологий опирались на использование прокси-переменных в виде, например, информации о трансферах *патентов* в сфере военных технологий [Acosta et al. 2011; Acosta et al. 2013; Schmid 2018]. При этом эти исследования не были связаны напрямую с проблематикой международной торговли вооружениями. Вместо этого в них были поставлены иные исследовательские вопросы – в первую очередь относительно причин технологического трансфера в условиях взаимодействия гражданских и оборонно-промышленных компаний в частном секторе. В настоящей работе мы возвращаемся к более общей проблеме структуры системы международных трансферов вооружения в контексте сетевых эффектов *диффузии технологий*.

Как иначе можно эмпирически измерить показатели *технологической диффузии* между странами? Подавляющее большинство упомянутых выше авторов, обсуждая технологические трансферы от одной страны к другой, в качестве их основного

¹⁹ Здесь необходимо отметить, что используемый в работе А. Акермана и А. Зейм [Akerman, Seim 2014: 4] подход выражения механизмов политической зависимости через шкалу типологии режимов Polity может быть ограниченным: в период «холодной войны» и США, и СССР активно поставляли вооружения в авторитарные страны.

²⁰ Подробнее обсуждение базы данных см. в работе Б. Кинне 2019 года [Kinne 2019].

²¹ Temporal Exponential Graph Model (TEGR), подробно модель описана в работе коллектива авторов во главе с С. Ханнеке [Hanneke et al. 2010].

²² Авторы связывают эти изменения с терактом 11 сентября и последовавшей «Войной против терроризма» [Turner et al. 2019: 1761].

канала передачи подразумевают организацию *лицензионного производства вооружения* в стране-импортёре [Krause 1990: 698; Krause 1992: 208; Bitzinger 1994: 175–176; Kinsella 2000: 256]. В существующих работах довольно детально описаны процессы передачи и абсорбции технологических знаний, информации и компетенций от экспортёра к импортёру. Трансфер технологий может осуществляться через 1) непосредственно производство вооружения по лицензии в стране-импортёре; 2) соглашения о совместном производстве; 3) производство через договор субподрядчика; 4) производство по офсетным договорам [Louscher, Salomone 1987: 2–3]. При этом, хотя разные виды трансфера технологий могут подразумевать разную интенсивность передачи технической документации, обмена опытом, доступа к технологиям подсистем²³, именно *лицензионное производство* остаётся наиболее распространённым способом трансфера технологий [Louscher и Salomone 1987: 4].

Количественная оценка трансфера военных технологий с помощью лицензионного производства до настоящего времени оставалась затруднительной для исследователей, занимающихся сбором статистических данных по международной торговле вооружениями. Долгое время базы данных о трансферах вооружений описывали исключительно количество и наименования передаваемой военной техники, а также указывали примерную совокупную денежную стоимость трансфера в долларах США²⁴. По причинам инфляции практики завышения стоимости оборонных контрактов и ограниченной информации о полном пакете соглашений, связанных с продажей высокотехнологичного вооружения (в особенности в случае лицензион-

ного производства), финансовая стоимость трансфера может сильно отличаться от реальной ценности передаваемого вооружения и военной техники.

С 1990-х годов для решения этой проблемы сотрудники СИПРИ предложили ввести отдельную единицу измерения трансфера вооружений – *Trend Indicator Value (TIV)* [Holtom, Bromley, Simmel 2012]. За единицу TIV был принят один миллион долларов США по фиксированному курсу 1990-го года. Она предназначена для оценки трендов совокупных объёмов трансферов вооружений с упором на сравнимость передаваемых систем по их тактико-техническим характеристикам (ТТХ). Для этого эксперты СИПРИ используют известные средние оценки себестоимости производства по сходным системам вооружения. Так, например, для относительно сравнимых по ТТХ истребителей Су-27С и F-15А приводится оценка 42,8 TIV, что соответствует 42,8 млн долларов США – примерной себестоимости самолётов этого типа в долларах по фиксированному курсу. Сотрудники СИПРИ с максимальной осторожностью позиционируют границы применения оценок в TIV с акцентом на том, что они не отражают реальную себестоимость производства отдельных систем или их рыночную стоимость в конкретных транзакциях. Отдельно важно учитывать, что оценки TIV подразумевают определённое *технологическое смещение* в сторону западных систем вооружения, при котором ценность отдельных образцов в среднем оказывается выше, например, их российских аналогов.

Несмотря на периодическую критику²⁵, база данных международных трансферов вооружения *SIPRI Arms Transfer Database*²⁶

²³ Например, в ряде теоретических моделей соглашения по совместной разработке и производству вооружений считаются более продвинутой формой трансфера технологий [Bitzinger 2003: 16–17].

²⁴ В частности, базы данных SIPRI (до 1990-х годов) и МТИ [Leiss, 1976].

²⁵ Барabanов М. Осторожно: «статистика» SIPRI // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2014-04-04/1_sipri.html (дата обращения: 23.01.2019).

²⁶ SIPRI. The SIPRI Arms transfers database. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (дата обращения: 23.01.2019).

с оценками в TIV повсеместно используется в современных эмпирических исследованиях, в том числе с применением методологии сетевого анализа, так как в ней представлены панельные оценки совокупного экспорта/импорта одиннадцати основных категорий вооружения за каждый год²⁷. Эта база данных позволяет получить обобщённую информацию о совокупной сумме трансферов между каждой парой государств, в том числе по категориям.

В 2018 г. по прямому запросу сотрудники СИПРИ предоставили доступ к продвинутой версии базы данных – *SIPRI Arms Transfer Database: Deals and TIV*²⁸, которая агрегирует в электронную таблицу текстовую информацию «торговых регистров» с указанием оценок в TIV для каждого отдельного трансфера. Автору настоящей статьи также стала доступна систематизированная информация о трансферах с локализованным производством – в виде бинарной переменной, указывающей на «любое участие военно-промышленного комплекса импортёра в производстве единицы вооружения, по которой осуществляется трансфер, где под участием понимается обязательное производство, как минимум, отдельных компонентов вооружения внутри страны, в то время как исключительно сборка техники внутри страны из полностью иностранных комплектующих не учитывается»²⁹. Таким образом, включение этой бинарной переменной позволяет количественно оценить трансфер технологий, осуществляемый с помощью разнообразных форм лицензионного производства, опираясь на соответствующие оценки в TIV. Благодаря этим данным появляется возможность провести масштабное эмпирическое исследование процессов диффузии технологий для широкого промежутка

времени (с начала «холодной войны» по настоящее время).

Для оценки объёма трансфера технологий между двумя странами с помощью информации об объёме трансферов через передачу лицензий нужно понимать, что он представляет собой нечто большее (или меньшее), нежели лишь ценность отдельных единиц вооружения, произведённых на национальных мощностях. Таким образом, любые оценки, выведенные из таблиц TIV, изначально будут иметь смещённый характер. С учётом этой проблемы, чтобы получить максимально достоверные результаты, в настоящем исследовании предлагается несколько альтернативных подходов к операционализации технологического трансфера.

Во-первых, опираясь на методологию сетевого анализа, мы исследуем совокупную структуру всех трансферов технологий, принимая за базовую единицу *ребро сети*, наличие которого между двумя вершинами (странами) отражает наличие военно-технического сотрудничества, включающего в себя лицензионное производство вооружения, между ними. Этот «минималистский» подход в принципе снимает необходимость оценки объёма передаваемых технологий, в то же время позволяя рассчитать основные меры центральностей для всех стран сети.

Во-вторых, за объём или ценность передаваемых технологий между парой государств можно взять сумму в TIV по всему произведённому по лицензии вооружению³⁰. Этот подход позволяет приблизительно оценить объём трансфера, опираясь на *допущение*, что при увеличении серии лицензионного/совместного производства экспортёр готов предоставить расширенный доступ к технологиям от-

²⁷ То есть всех категорий вооружения, за исключением лёгкого стрелкового оружия и гражданско-го оборудования двойного назначения.

²⁸ Автор статьи выражает благодарность Од Флёрант (СИПРИ) за предоставление доступа к базе данных и консультации по её использованию.

²⁹ SIPRI. New register function. Сопровождающая документация к базе данных SIPRI Arms Transfer Database: Deals and TIV. 2018. P. 3.

³⁰ В базе данных SIPRI: Arms Transfer Database: Deals and TIV индикатор обозначается как “TIV Delivery Values”.

дельных субсистем, в то время как импортёр приобретает больше производственного опыта. Разумеется, это допущение остаётся главным недостатком такого подхода — увеличение партий произведённого по лицензии вооружения не гарантирует более интенсивного обмена технологиями. Кроме того, этот подход учитывает относительную ценность различных видов вооружения, где более высокотехнологичные образцы обладают существенно более высокой «ценностью» в TIV. Например, при таком подходе строительство крупного десантного корабля по лицензии гораздо заметнее отразится на весе ребра технологических трансферов между двумя странами, нежели сборка многофункционального истребителя, потому что выражаемая параметром TIV себестоимость постройки надводного корабля оказывается гораздо выше себестоимости производства самолёта.

В-третьих, за объём или ценность передаваемых между парой стран технологий можно принять значение в TIV по сумме оценок стоимости отдельного изделия в каждой серии производимого по лицензии вооружения³¹. Таким образом, вес ребра в этом подходе не учитывает стоимость совокупного числа изделий, произведённых благодаря лицензионному трансферу технологий. Логика такой операционализации предполагает другое *допущение*: ценность каждого отдельного трансфера технологии соответствует ценности соответствующей единицы вооружения (изделия) в TIV. Такое допущение позволяет оценить *сравнительную ценность* трансфера технологий, где ценность технологии производства истребителя четвёртого поколения, скорее всего, выше ценности технологии производства миномёта или полковой гаубицы (что отражается в оценках в TIV). Это также позволяет учесть при оценке совокупного «веса» переданных технологий лицензионное производство высокотехнологичного вооружения малыми сериями.

В-четвёртых, объём или ценность трансфера технологий можно оценить, опираясь на количество категорий вооружений, по которым осуществляется трансфер. Этот подход подразумевает отказ от измерения веса *отдельных трансферов* и, таким образом, в принципе не учитывать предлагаемые СИПРИ оценки параметра *Trend Indicator Value (TIV)*. Вместо этого в рамках последнего подхода мы предполагаем, что интенсивность трансфера технологий отражается *большим разнообразием видов вооружения*, по которым осуществляется локализованное производство. В этом подходе к операционализации одновременная передача технологий принципиально различных типов вооружения (например, истребителя и подводной лодки) будет оцениваться выше, чем локализованное производство трёх различных модификаций одного и того же истребителя. Для практического решения этой задачи может быть использована классификация вооружений, предлагаемая в базе SIPRI *Arms Transfer: Deals and TIV*. В ней все трансферы вооружений делятся, *во-первых*, на одиннадцать стандартных больших категорий военной техники и вооружения (авиация, бронетехника, артиллерия, двигатели, орбитальные спутники, сенсорные системы, военные корабли, военно-морские вооружения, снаряды и ракеты, в том числе управляемые, все другие типы вооружений). *Во-вторых*, база SIPRI *Arms Transfer: Deals and TIV* вводит более подробную классификацию из 247 конкретных подвидов вооружения, из которых по 130 происходит трансфер технологий. Для оценки совокупного объёма трансферов технологий могут быть использованы обе классификации отдельно. При этом использование развёрнутой классификации подвидов вооружений увеличивает показатели государств, обладающих масштабным военно-промышленным комплексом, способным производить узкоспециализированное вооружение под кон-

³¹ В базе данных SIPRI: Arms Transfer Database: Deals and TIV индикатор обозначается как “TIV Deal Unit”.

кретные задачи. В то же время широкие категории указывают на наличие сотрудничества в разных секторах военной промышленности в целом.

В табл. 2 представлены результаты по странам с наиболее высокими значениями взвешенной *степенной исходящей центральности*, которая для каждого государства вычисляется как сумма всех *исходящих*

трансферов, умноженная на вес каждого соответствующего трансфера. Значения центральностей рассчитывались на агрегированных за весь период наблюдения данных с 1950 по 2018 год.

Интерпретация общих трендов диффузии технологий может сильно меняться в зависимости от подхода к операционализации. США и СССР/Россия являются ли-

Таблица 2
Государства лидеры по сумме исходящих взвешенных трансферов лицензий на производство вооружений 1950–2018 годах

Сумма рёбер, взвешенных по числу основных категорий вооружений, по которым осуществлялся трансфер технологий		Сумма рёбер, взвешенных по числу переданных подвидов вооружений, по которым осуществлялся трансфер технологий		Сумма рёбер, взвешенных по общей себестоимости всего вооружения, произведённого по лицензии		Сумма рёбер, взвешенных по себестоимости всех переданных технологий	
<i>Максимальный вес на ребро = 11</i>		<i>Максимальный вес на ребро = 130</i>		<i>Максимальный вес на ребро не ограничен</i>		<i>Максимальный вес на ребро не ограничен</i>	
Страна	Взвешенная сумма рёбер	Страна	Взвешенная сумма рёбер	Страна	Взвешенная сумма рёбер	Страна	Взвешенная сумма рёбер
США	112	США	236	США	187 058	США	25 450
Франция	87	СССР/Россия	123	СССР/Россия	86 056	СССР/Россия	18 081
Великобритания	71	Франция	112	Великобритания	51 799	Франция	8056
Германия (ФРГ)	69	Великобритания	105	Германия (ФРГ)	39 387	Великобритания	6746
Россия / СССР	50	Германия (ФРГ)	94	Франция	32 293	Россия / СССР	5692
Израиль	38	Италия	44	Китай	11 425	Испания	5118
Италия	36	Израиль	42	Швейцария	7976	Китай	3590
Швеция	24	Китай	37	Италия	7043	Италия	2409
Китай	23	Швеция	27	Испания	6691	Нидерланды	1978
Швейцария	20	Швейцария	22	Израиль	5584	Швеция	1522
Нидерланды	16	Нидерланды	21	Швеция	4442	Южная Корея	1293
Южная Корея	13	Испания	16	Нидерланды	4441	Израиль	1079
Испания	11	Южная Корея	15	Южная Корея	3062	Украина	464
Австрия	9	Норвегия	13	Норвегия	1781	Швейцария	395
Норвегия	9	Австрия	10	Канада	1706	Австралия	303
Южная Африка	9	Финляндия	9	Украина	1157	Сингапур	138
Финляндия	8	Южная Африка	9	Япония	937	Норвегия	100
Австралия	6	Австралия	7	Австралия	899	Турция	100
Канада	6	Канада	7	Финляндия	739	Япония	82

Источник: составлено автором.

дерами по абсолютным объёмам трансферов лицензионного вооружения, а также в числе узких подвидов оружия. Это выделяет эти страны как ведущих поставщиков первого уровня, поставляющих вооружение одновременно и в наибольших объёмах и в наиболее разнообразных подвидах. В то же время можно заметить, что поставщики второго уровня в западных странах конкурируют с Россией/СССР по многим позициям, зачастую лидируя с большим отрывом, который невозможно объяснить исключительно за счёт спада производства в российском ОПК в 1990-х годах.

4

В настоящей работе впервые проведён анализ эмпирических данных о трансферах технологий вооружений с помощью методов сетевого анализа. На данных SIPRI *Arms Transfer: Deals and TIV* в период 1950–2018 годов были построены направленные сетевые графы между всеми участниками торговли вооружениями (включая государства и негосударственных субъектов). Всего было построено 68 сетевых графов, где каждому году соответствует отдельный граф. Вершинами (узлами) сетевого графа являются экспортёры и импортёры вооружений, а направленными рёбрами графа – трансферы технологий производства вооружения от поставщика к импортёру. Отдельно были построены аналогичные сетевые графы по всем *прямым* трансферам вооружений – ещё 68 графов за каждый год в исследуемый исторический промежуток. Наконец, для более общего понимания крупных трендов в динамике сетей трансферов вооружений и технологий их производства были построены графы для более продолжительных периодов – в частности, 5 и 10 лет. Для удобства презентации результатов в качестве демонстрации используются графы по отдельным пятилеткам³². Поскольку структура сетевых взаимодействий не зависит от типа операционализации веса направленного ребра, для упрощения

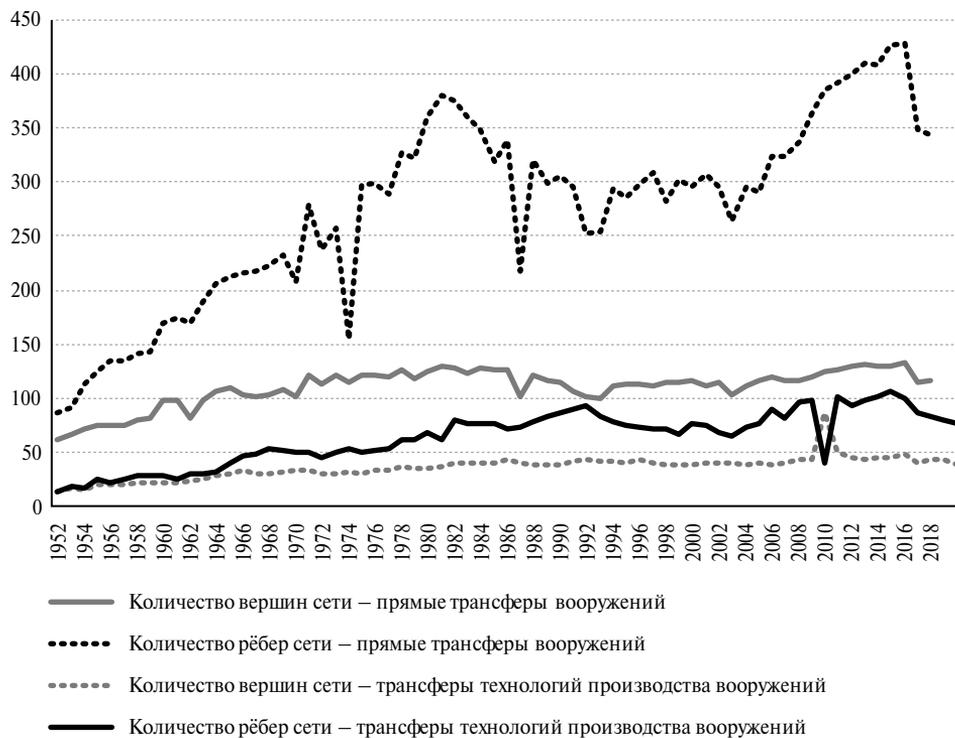
транспонирования сетевых матриц за отдельные годы, в качестве веса трансферов вооружений взяты общие суммы двусторонних трансферов вооружений в TIV. При этом для сравнения взвешенных значений центральностей по каждому типу операционализации был построен отдельный граф за весь период наблюдений с 1950 по 2018 год.

Для исследования структуры международной системы трансферов вооружения и технологий их производства были построены сетевые сообщества по методу Блонделя, основанному на максимизации модулярности Ньюмана–Гирван [Blondel et al. 2008]. Этот метод широко распространён в исследованиях структуры сетевых сообществ [Орлов, Чеповский 2017], в том числе в исследованиях международной торговли как сетевых взаимодействий [Lupu, Traag 2013]. Для задач сравнительного анализа сетевые графы были визуализированы по алгоритму Фрухтермана–Рейнгольда [Fruchterman, Reingold 1991]. Этот метод также используется в исследованиях международных отношений [Brusset, Arnold 2010]. Наконец, для каждого графа были рассчитаны значения диаметра и плотности, а также стандартные меры центральностей, с акцентом на горизонтальном взаимодействии – центральность по степени, центральность по близости, центральность по посредничеству, центральность по собственному вектору (алгоритмы PageRank и Eigenvector centrality).

На рис. 1 представлена общая статистика по числу вершин и рёбер в сетевых графах прямых поставок вооружения и трансферов технологий производства. Как можно заметить, активность в сети в целом стремится к росту, хотя в области трансферов технологий он происходит гораздо медленнее. Присутствуют два пика – в начале 1980-х годов и в начале последнего десятилетия – с начала 2010-х по настоящее время. В 1990-х годах происходил существенный спад активности в сети (при

³² См. рис. 1–27 в онлайн-приложении к статье на сайте журнала «Международные процессы».

Рисунок 1
Количество вершин и рёбер в сетевых графах

Источник: составлено автором по данным SIPRI Arms Transfer: Deals and TIV.

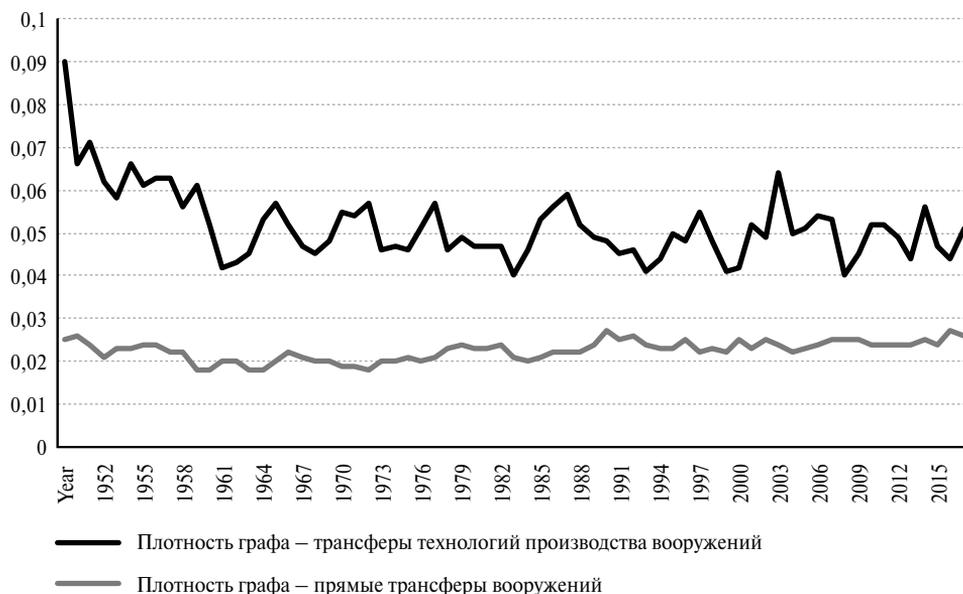
этом за счёт возникновения новых поставщиков в результате распада СССР (общее число вершин, наоборот, увеличилось), за которым в начале 2000-х годов начался интенсивный рост. Эти результаты также соответствуют и статистике абсолютных объёмов трансферов в TIV³³. В динамике абсолютных объёмов трансферов вооружений через локализованное производство наблюдается четыре «волны» с пиками в начале 1950-х и 1960-х годов, а также с периодом активного роста в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Падение объёмов локализованного производства после окончания «холодной войны» происходит несколько позже – во второй половине 1990-х и начале 2000-х, после чего наблюдался беспрецедентный рост с абсолютным

максимумом в 2007 г. и некоторым падением после глобального экономического кризиса 2008 года, которое, в свою очередь, сменяется очередным периодом роста к 2014 году.

При этом, несмотря на меньшее совокупное число вершин и рёбер у сетевых графов трансферов лицензий по сравнению с прямыми трансферами – значения *плотности* графов оказываются гораздо выше. Этот показатель равен доле имеющихся рёбер графа относительно всех возможных взаимодействий между поставщиками и импортёрами (рис. 2). Это говорит о том, что импортёры технологий гораздо более склонны к дальнейшим трансферам лицензий другим участникам сети, что означает, что в сети гораздо боль-

³³ См. рис. 31–32 в онлайн-приложении к статье на сайте журнала «Международные процессы».

Рисунок 2
Сравнительная плотность сетевых графов

Источник: составлено автором по данным SIPRI Arms Transfer: Deals and TIV.

ше горизонтальных взаимодействий. Напротив, прямые трансферы вооружений демонстрируют более вертикальную структуру, при большем числе импортёров и экспортёров они примерно в два с половиной раза менее склонны к взаимодействию друг с другом.

Отдельный интерес вызывают результаты сравнительного анализа сетевых сообществ, выделенных по методу Блонделя. В предшествовавших исследованиях сетевой структуры международных трансферов вооружений было обнаружено, что структура сети в целом хорошо отражает биполярную систему мирового порядка с двумя центрами в виде США и СССР [Kinsella 2003; Akerman, Sein 2014]. Эти выводы о прямых трансферах вооружений подтверждаются и в представленной здесь работе. Сеть торговли вооружениями чётко разделяется на два больших блока в виде ОВД и НАТО. Базовой структурой топологии сети выступает модель «звезды», в которой легко можно отличить единый центр и зависимые от него вершины (рис. 3). При

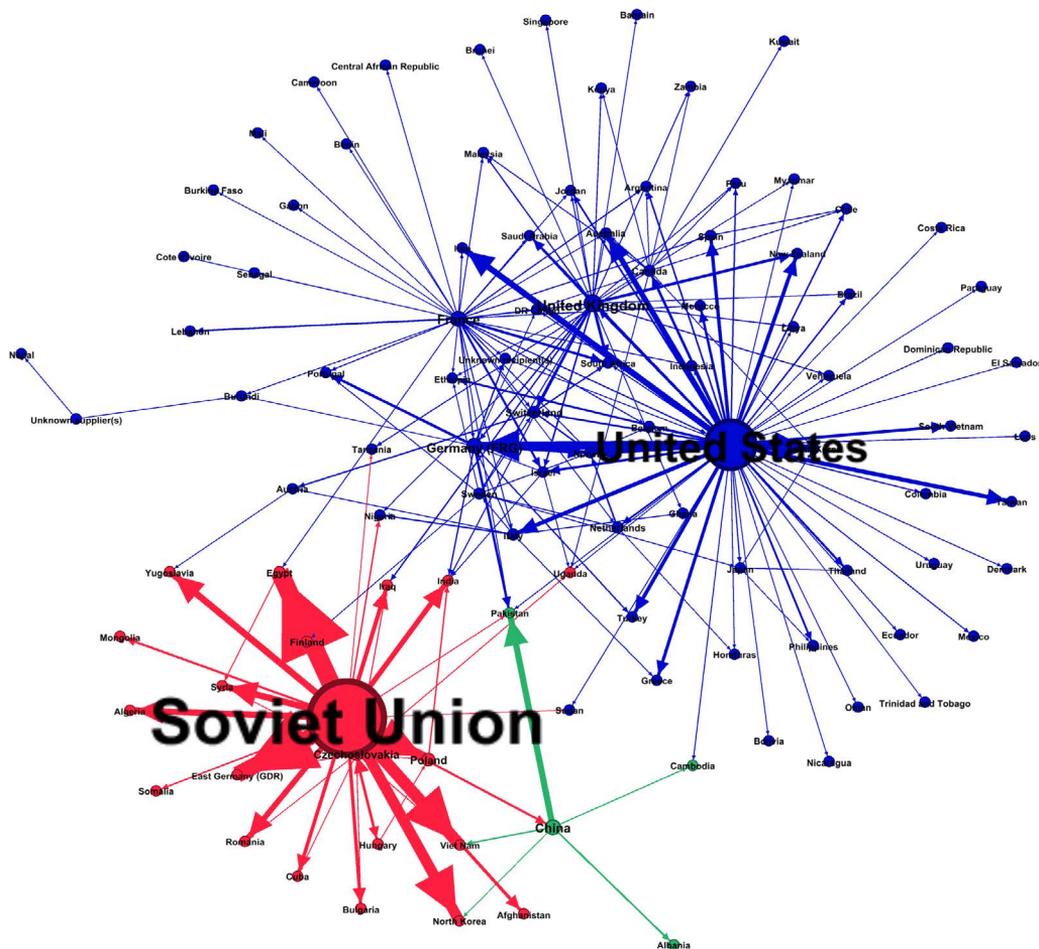
этом подсети СССР по числу стран уступает подсети западных стран, и для неё особенно характерна асимметрия между поставщиками. Эта структура наиболее устойчива при построении графов на увеличенных до пяти лет периодах, в то время как с увеличением дискретности гораздо заметнее проявляется роль поставщиков второго уровня. Формирующиеся вокруг них структуры обладают существенно меньшей стабильностью, быстро распадаются и образуют новые кластеры. Особенно это характерно для крупных поставщиков из Западной Европы – Великобритании, Франции, Германии, которые зачастую формируют собственные сообщества в составе подсети США. Конфигурации таких сообществ оказываются крайне неустойчивыми – отдельные поставщики и импортёры часто перемещаются между кластерами. Для периода «холодной войны» характерно от 2 до 4 сообществ за каждый отдельный год, причём чаще всего повторяется конфигурация из трёх кластеров – по одному на США и СССР плюс дополнительное

в составе западных стран или на периферии сети (Китай, реже Африка или группы трансферов различным негосударственным группировкам).

В то же время анализ по такому же методу сетей трансферов технологий вооружений даёт иную картину структуры кластеров (рис. 4). Изначальная формы звезда с тремя центрами в виде США, СССР и

Великобритании к середине 1960-х годов развивается в *ячеистую топологию* (mesh-сеть) с элементами топологии типа кольцо, где поставщики образуют замкнутые цепочки друг с другом, а центральная роль лидеров гораздо менее выражена. Такая структура сети естественным образом гораздо менее кластеризована, а выделяемые сетевые сообщества гораздо более неу-

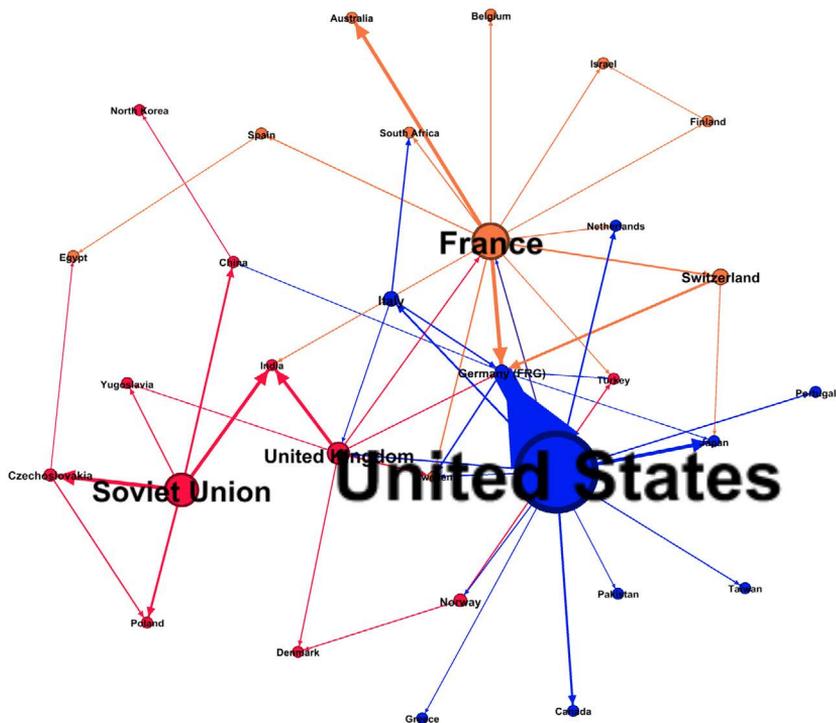
Рисунок 3
Сетевой граф прямых трансферов вооружений за 1966 год³⁴

Источник: составлено автором по данным SIPRI Arms Transfer: Deals and TIV.

³⁴ Все сетевые графы построены с помощью дистрибутива Gephi 0.9.2. Оригиналы всех графов, а также массивы эмпирических данных для их воспроизводства доступны на сайте журнала «Международные процессы» на странице статьи.

Рисунок 4
Сетевой граф трансферов вооружений через локализованное производство за 1966 год

Источник: составлено автором по данным SIPRI Arms Transfer: Deals and TIV.

стойчивы. Подсеть СССР по-прежнему остаётся относительно обособленной, однако в целом кластеры оказываются значительно более связанными друг с другом за счёт наличия множества мостов между подсетями в виде общих импортёров – Индии, Китая, Югославии, Египта. При этом поставщики второго уровня занимают более независимое друг от друга положение. Например, Великобритания неоднократно оказывается в сетевом сообществе вместе с СССР за счёт параллельных поставок в страны Движения неприсоединения. Структура сетевых графов демонстрирует также и существенную разницу в технологической иерархии, которую выстраивали США и СССР. Западная подсеть не только включала в себя существенно больше стран, но ещё и отражала их более активное взаимодействие, в кото-

ром США являлись не только ключевым экспортёром военных технологий, но также и одним из наиболее важных импортёров технологий. Возникал эффект *положительной обратной связи*: после периода активного экспорта технологий, произведённого Соединёнными Штатами через трансфер лицензий, поставщики второго уровня начинали активно поставлять технологии обратно в США. Так происходила циркуляция локализованного производства между всеми крупными поставщиками. Напротив, поставщики второго уровня в подсети СССР гораздо менее активно обменивались технологиями друг с другом, а трансфер технологий обратно в СССР не наблюдался вовсе. Это свидетельствует о том, что сотрудничество между военно-промышленными комплексами стран ОВД, а также другими союзниками

«восточного блока» оказывался по сравнению с западными странами гораздо более иерархическим.

С начала 1990-х годов различие между структурами прямых трансферов вооружений и поставок через локализованное производство стало менее выраженным, хотя для первой сети всё ещё более характерна топология типа «звезда». При этом как для сетевых графов прямых трансферов вооружений, так и для поставок лицензий стабильность отдельных сетевых сообществ снизилась. США и Россия оставались единственными поставщиками, выделяющимися в отдельные кластеры, в то время как остальные крупные поставщики постоянно перемещались между сообществами. Среднее число кластеров также возросло, достигая в среднем, как минимум, пяти сообществ по трансферам технологий и семи сообществ по прямым трансферам вооружений.

Изменения в международной системе трансферов вооружений особенно заметны при сравнении оценок центральностей горизонтальных взаимодействий. Для периода «холодной войны» характерен был существенный разрыв в значениях центральностей по алгоритмам *HITS*, *Pagerank* и *Eigenvectors* между крупнейшими поставщиками подсети США и всеми остальными странами. Де-факто это означает, что положение участников сети подразумевало жёсткое разделение между избранным центром (в виде США, Великобритании, Франции и позже Германии) и ориентированной на него периферии (из которой выделялся СССР с собственной изолированной и высокоиерархической подсетью). На поздних же этапах «холодной войны» и в особенности после её окончания этот разрыв значения центральностей в существенной мере сгладился, заполняясь новыми поставщиками, ранее игравшими роль исключительно импортёров технологий. Диаметр графов сети как трансферов технологий, так и прямых по-

ставок вооружения увеличился, конфигурации сетевых взаимодействий становились всё более разнообразными, хотя оценки центральностей в целом не подвержены резким изменениям и демонстрируют очень плавную динамику. Это свидетельствует о том, что, несмотря на изменчивость конфигураций трансферов, положение отдельных поставщиков в целом оставалось стабильным.

* * *

Главным результатом проведённого исследования стало подтверждение (с некоторыми оговорками) модели К. Краузе. Вопреки сформировавшимся в начале 2000-х представлениям, эмпирическое исследование базы данных трансферов вооружений через локализованное производство уверенно свидетельствует об активизации диффузии военных технологий. Стабильная динамика плотности сетевых графов и медленный, но устойчивый рост числа стран, задействованных в трансферах технологий, а также тенденция увеличения их объёмов в абсолютных числах говорит, что всё большее число государств по разным причинам стремится приобрести не только сами вооружения, но и *технологии их производства*. Для подавляющего большинства поставщиков второго и третьего уровней создание полного цикла проектирования, разработки и производства всех видов систем и подсистем вооружений остаётся недостижимым. Вместо этого многие страны с небольшим, но технологически продвинутым ОПК стремятся включиться в комплексные цепочки производства и производить отдельные подсистемы и элементы высокотехнологичного вооружения. Этот подход особенно заметен, например, в крупных проектах авиационной промышленности (среди самых значимых – производство многоцелевых истребителей Eurofighter Typhoon и F-35 Joint Strike Fighter, а также военно-транспортных самолетов A400M Atlas³⁵), где

³⁵ См., например: [Mawdsley 2013; Vucetic, Nossal 2013; Heinrich 2015].

в производстве конечного изделия могут участвовать сразу несколько стран. Альтернативная стратегия предполагает удержание лидирующих позиций в отдельных нишах мирового рынка вооружений. Это позволяет даже государствам с небольшой экономикой сохранять специализацию по производству отдельных высокотехнологичных видов военной техники. В обеих стратегиях при этом высока роль обратной связи, когда более продвинутые в иерархии поставщики импортируют технологии у поставщиков более низкого уровня. Даже США, крупнейший поставщик вооружений на рынке, осуществляют масштабные закупки вооружений через локализованное производство. Ярким примером дальнейшего усиления этого тренда можно назвать недавние новости о планирующейся постройке 10 фрегатов по лицензионному проекту итальянского судостроительного объединения *Fincantieri*³⁶.

Важными результатами предложенного исследования также являются:

1) верификация имеющегося экспертного знания о межгосударственных трансферах военных технологий на широком массиве количественных данных;

2) разработка методической и эмпирической базы для операционализации различных способов измерения трансферов военных технологий с использованием массива данных СИПРИ по отдельным сделкам—трансферам вооружений;

3) описание сетевой структуры трансферов военных технологий и сравнение полученных результатов с наработками предыдущих сетевых исследований по обобщённой статистике всех международных поставок вооружений;

4) проверка результатов сетевых исследований международной торговли вооружениями 2000-х годов, а также их дополнение с учётом новых статистических данных, включающих трансферы вооружений в 2010-х годах;

5) эмпирическая проверка теоретических исследований 2000-х годов относительно роли отдельных поставщиков второго порядка в мировой системе трансферов вооружений.

Некоторые из перечисленных содержательных выводов данного исследования могут не стать открытием для профильного специалиста. Текущие тренды в мировой торговле вооружениями с пристальным вниманием изучаются сообществом профессионалов-международников. Различные экспертные центры внимательно отслеживают и описывают большинство крупных оборонных сделок. Известны и главные примеры крупных проектов международной кооперации в военной промышленности. Тем не менее цель представленного здесь исследования состояла в *систематической проверке* экспертного знания, основанного на разборе отдельных случаев военно-технического сотрудничества. В отличие от существующих академических исследований и профессиональной экспертизы, в настоящей статье процесс диффузии технологий был рассмотрен на *всей совокупности* эмпирических данных о трансферах вооружений на протяжении всего периода систематических наблюдений за мировым рынком вооружений.

Трансферы технологий производства вооружений остаются важнейшей составляющей процессов, связанных с международной безопасностью в развивающейся многополярной системе международных отношений. Роль технологий в международной торговле вооружениями в ближайшем будущем, скорее всего, только возрастёт, что повышает актуальность её изучения исследователями на стыке политической науки и теории международных отношений. Развитием полученных результатов может стать интеграция методов оценки влияния стран в коротких и дальних взаимодействиях, а также применение методов мно-

³⁶ Американский флот выбрал проект фрегата FREMM итальянского объединения *Fincantieri*. Блог BMPD. [Электронный ресурс]. URL: <https://bmpd.livejournal.com/4011781.html> (дата обращения: 10.07.2020).

гослойдного сетевого анализа для исследования трансферов технологий через локализованное производство в отдельных категориях вооружений³⁷. В комплекс методик измерения трансферов военных технологий в будущем также могут быть интегрирова-

ны продвинутые количественные методы анализа данных, сочетающие элементы линейной регрессии с методологией сетевого анализа, например, в виде моделей динамического экспоненциального случайного графа (ERGM).

Список литературы

- Буневич К.Г.* Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами в системе военно-экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. № 8. С. 11–18.
- Буневич К.Г.* Трансформация военно-технического сотрудничества в условиях глобализации // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2014. № 3 (9). С. 47–52.
- Буневич К.Г., Бродунов А.Н.* Совместные российско-индийские разработки и производство продукции военного назначения (на примере отдельных отраслей военного производства) // Транспортное дело России. 2015. № 2. С. 49–52.
- Ващенко О.А., Богданова Е.Л., Воробьев О.В., Самохвалов Д.В.* Проблемы правового регулирования производства импортных образцов вооружения и военной техники в Таможенном Союзе // Право интеллектуальной собственности. 2015. № 2. С. 37–39.
- Голиченко О.* Модели развития, основанного на диффузии технологий // Вопросы экономики. 2012. № 4. С. 117–131.
- Дегтерев Д.А.* Сетевой анализ международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2015. № 4. С. 119–138.
- Евтодьева М.Г.* Новый этап военно-технического сотрудничества России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 4. С. 68–78.
- Задорина А.М.* Военно-техническое и экономическое сотрудничество России и Индии в стратегии построения многополярного мира // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 3. С. 19–29.
- Колесников А.В.* Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации в современных условиях: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М.: Военный университет, 2004. 22 с.
- Кушнир А.М.* Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами в системе военно-экономической безопасности // Армия и общество. 2008. № 1. С. 64–73.
- Орлов А.О., Человский А.А.* О свойствах модулярности и актуальных корректировках алгоритма Блонделя // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2017. Т. 15. № 3. С. 64–73.
- Макиенко К.* С оружием // Россия в глобальной политике. 2012. № 5. С. 177–188.
- Цветых А.В., Ерыгин Ю.В., Левчен С.В.* Креативное инновационное развитие предприятий оборонно-промышленного комплекса России: необходимость и сущность // Менеджмент социальных и экономических систем. 2017. № 3 (7). С. 34–44.
- Acosta M., Coronado D., Marin R., Prats P.* Factors affecting the diffusion of patented military technology in the field of weapons and ammunition // Scientometrics. 2013. Vol. 94. No.1. P. 1–22.
- Acosta M., Coronado D., Marin R.* Potential Dual-Use of Military Technology: Does Citing Patents Shed Light on this Process? // Defence and Peace Economics. 2011. Vol. 22. No. 3. P. 335–349.
- Akerman A., Seim A.L.* The global arms trade network 1950–2007 // Journal of Comparative Economics. 2014. Vol. 42. No. 3. P. 535–551.
- Anderton C.H.* Economics of arms trade // Handbook of Defense economics / ed. by K. Hartley, T. Sandler. Vol. 1. Elsevier Science B.V., 1995. P. 523–561.
- Anthony I.* The 'third tier' countries: production of major weapons // Arms industry limited / ed. by H. Wulf. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 362–383.
- Arms Production in Developing Countries: An Analysis of Decision Making / ed. by J. E. Katz. Lexington, Mass.: D.C. Heath, 1984. 371 p.

³⁷ Полученные в данной работе выводы перекликаются с результатами последних исследований, демонстрирующих тенденцию поставщиков второго уровня к высокому влиянию в дальних сетевых взаимодействиях – в частности. См. работу С.В. Швыдуна [Shvydun 2020].

- Barabási A.L., Aldana-Gonzales M.* Linked: The New Science of Networks // *Physics Today*. 2003. Vol. 56. P. 71–72.
- Barabási A.L., Bonabeau E.* Scale-free networks // *Scientific American*. 2003. Vol. 288. No. 5. P. 60–69.
- Bitzinger R.A., Kim M.* Why do small states produce arms? The case of South Korea // *The Korean journal of defense analysis*. 2005. Vol. 17. No. 2. P. 183–205.
- Bitzinger R.* Towards a Brave New Arms Industry? Adelphi series. Routledge, 2003. 104 p.
- Bitzinger R.* Russian arms transfers and Asian military modernisation. – S. Rajaratnam School of International Studies, 2015.
- Bitzinger R.* The globalization of the arms industry: The next proliferation challenge // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 170–198.
- Blackaby F.T.* The Arms Trade with the Third World. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1971. 910 p.
- Blondel V.D., Guillaume J.-L., Lambiotte R., Lefebvre E.* Fast unfolding of communities in large networks // *Journal of statistical mechanics: theory and experiment*. 2008. No.10. P. 10008.
- Bove V., Elia L., Pelliccia M.* Centrality in trade networks and investment in security // *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. 2016. Vol. 22. No. 1. P. 27–39.
- Brzoska M.* Economic factors shaping arms production in less industrialized countries // *Defence and Peace Economics*. 1999. Vol. 10. No. 2. P. 139–169.
- Caruso R., Di Domizio M.* Interdependence between US and European military spending: a panel cointegration analysis (1988-2013) // *Applied Economics Letters*. 2016. Vol. 23. No. 4. P. 302–305.
- Dunne J.P., Brauer J.* Arms trade offsets and development // *Africanus*. 2005. Vol. 35. No. 1. P. 14–24.
- Engelbrecht H.C. Hanighen F.C.* Merchants of death. Ludwig von Mises Institute, 1934.
- Fruchterman T.M.J., Reingold E.M.* Graph drawing by force-directed placement // *Software: Practice and experience*. 1991. Vol. 21. No. 11. P. 1129–1164.
- Gellner E., Breuilly J.* Nations and nationalism. Vol.1. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983.
- Gerner D.J.* Arms transfers to the Third World: Research on patterns, causes and effects // *International Interactions*. 1983. Vol. 10. No. 1. P. 5–37.
- Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H.* Network analysis for international relations // *International Organization*. 2009. Vol. 63. No. 3. P. 559–592.
- Hanneke S., Fu W., Xing E.* Discrete temporal models of social networks // *Electronic Journal of Statistics*. 2010. Vol. 4. P. 585–605.
- Harkavy R.E.* The Arms Trade and International Systems. Cambridge, MA: Ballinger, 1975. 291 p.
- Hartley K.* Arms Industry and the Globalisation Process // *Economics of Peace and Security* / ed. by James K. Galbraith, Jurgen Brauer, and Lucy L. Webster. Oxford: Eolss Publishers Co., 2009. P. 240–247.
- Hartley K.* The arms industry, procurement and industrial policies. In: Sandler T., Hartley K. *Handbook of defense economics*. Vol.2. Amsterdam: North-Holland, 2007. P. 1139–1176.
- Hayward K.* The Globalisation of Defence Industries // *Survival*. 2000. Vol. 42. No. 2. P. 115–132.
- Heinrich M.N.* The Eurofighter Typhoon programme: economic and industrial implications of collaborative defence manufacturing // *Defence Studies*. 2015. Vol. 15. No. 4. P. 341–360.
- Holtom P., Bromley M., Simmel V.* Measuring International Arms Transfers. SIPRI. 2012. [Electronic source]. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/FS/SIPRIFS1212.pdf> (accessed: 23.01.2020).
- Howard M.* War in European History. Updated and edited by Cohen E.A. Cambridge: MIT Press, 1976. 172 p.
- Kennedy M.P.* The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987. P. 677 p.
- Kinne B.J.* Agreeing to arm: Bilateral weapons agreements and the global arms trade // *Journal of Peace Research*. 2016. Vol. 53. No. 3. P. 359–377.
- Kinne B.J.* Multilateral trade and militarized conflict: Centrality, openness, and asymmetry in the global trade network // *The Journal of Politics*. 2012. Vol. 74. No. 1. P. 308–322.
- Kinne B.J.* The Defense Cooperation Agreement Dataset (DCAD) // *Journal of Conflict Resolution*. 2019. Vol. 64. No. 4. P. 729–755.
- Kinne B.J., Bunte J.B.* Guns or Money? Defense Co-operation and Bilateral Lending as Coevolving Networks // *British Journal of Political Science*. 2018. Vol. 50. No. 3. P. 1–22.
- Kinsella D.* The arms trade // *The handbook on the political economy of war* / ed. by Ch. Coyne, R. Mathers. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 217–243.
- Kinsella D.* Arms production in the third tier: An analysis of opportunity and willingness // *International Interactions*. 2000. Vol. 26. No. 3. P. 253–286.
- Kinsella D.* Arms transfer dependence and foreign policy conflict // *Journal of Peace Research*. 1998. Vol. 35. No. 1. P. 7–23.
- Kinsella D.* Illicit arms transfers to Africa and the prominence of the former Soviet bloc: a social network analysis // *Crime, Law and Social Change*. 2014. Vol. 62. No. 5. P. 523–547.

- Kinsella D.T.* Power transition theory and the global arms trade: Exploring constructs from social network analysis. Fifth Power Transition Conference, Carmel. 2004. 31 p.
- Kinsella D.* The black market in small arms: examining a social network // *Contemporary Security Policy*. 2006. Vol. 27. No. 01. P. 100–117.
- Kinsella D.T.* Changing structure of the arms trade: A social network analysis. Annual Meeting of the American Political Science Association, Philadelphia, PA, 2003. 43 p.
- Krause K.* The political economy of the international arms transfer system: the diffusion of military technique via arms transfers // *International Journal*. 1990. Vol. 45. No. 3. P. 687–722.
- Krause K.* *Arms and the State: Patterns of Military Production and Trade*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 299 p.
- Laurance E.J.* *The international arms trade*. Lexington Books, 1992. 280 p.
- Leiss A., Geoffrey K., Hoagland J., Refson J., Fischer H.* *Arms Transfers to Less Developed Countries*, Report No. c/70-1. Cambridge: Center for International Studies, MIT, 1970. 56 p.
- Louscher D.J., Salomone M.D.* *Technology transfer and US security assistance: The impact of Licensed Production*. New York: Routledge, 2019. 202 p.
- Lupu Y., Traag V.A.* Trading communities, the networked structure of international relations, and the Kantian peace // *Journal of Conflict Resolution*. 2013. Vol. 57. No. 6. P. 1011–1042.
- Maoz Z.* How network analysis can inform the study of international relations // *Conflict Management and Peace Science*. 2012. Vol. 29. No. 3. P. 247–256.
- Maoz Z.* The effects of strategic and economic interdependence on international conflict across levels of analysis // *American Journal of Political Science*. 2009. Vol. 53. No. 1. P. 223–240.
- Mawdsley J.* The A400M project: from flagship project to warning for European defence cooperation // *Defence studies*. 2013. Vol. 13. No. 1. P. 14–32.
- Neuman S.G.* *Industrial stratification and Third World military industries* // *International Organisation*. 1984. Vol. 38. No. 1. P. 167–197.
- Nolan J.E.* *Military Industry in Taiwan and South Korea*. Palgrave Macmillan, 1986. 205 p.
- Pardesi M.S., Matthews R.* *India's Tortuous Road to Defence-Industrial Self-Reliance* // *Defence & Security Analysis*. 2007. Vol. 23. No. 4. P. 419–438.
- Pearson F.S.* *Problems and Prospects of Arms Transfer Limitations Among Second-tier Suppliers: The Cases of France, the United Kingdom, and the Federal Republic of Germany* // *Arms Transfer Limitations and Third World Security* / ed. by T. Ohlson. Oxford: Oxford University Press. 1987. P. 126–156.
- Ross A.L.* *Developing Countries* // *Cascade of Arms: Managing Conventional Weapons Proliferation* / ed. by A.J. Pierre. Washington DC: Brookings Institution Press, 1994. P. 90–130.
- Schmid J.* The diffusion of military technology // *Defence and Peace Economics*. 2018. Vol. 29. No. 6. P. 595–613.
- Shvydun S.* Influence of Countries in the Global Arms Transfers Network: 1950–2018 // *Studies in Computational Intelligence* / ed. by H. Cherifi, S. Galto, J.F. Mendes, L.M. Rocha. Vol. 882: Complex Networks and Their Applications VIII. Part 2. Springer, 2020. P. 736–748.
- The expansion of international society* / ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford: Clarendon Press, 1984. 490 p.
- Thompson W.R.* *On global war: Historical-structural approaches to world politics*. University of South Carolina Press, 1988. 315 p.
- Turner P.W., Schmid C.S., Cranmer S.J., Kauermann G.* Network interdependencies and the evolution of the international arms trade // *Journal of Conflict Resolution*. 2019. Vol. 63. No. 7. P. 1736–1764.
- Vucetic S., Nossal K.R.* The international politics of the F-35 Joint Strike Fighter // *International Journal*. 2013. Vol. 68. No. 1. P. 3–12.
- Wallerstein I.* The future of the world-economy // *Processes of the world-system* / T. Hopkins, I. Wallerstein. Beverly Hills: Sage, 1980. P. 167–180.
- Wallerstein I.* *The Modern World System*, Vol. I. New York: Academic Press, 1974. 410 p.
- Wallerstein I.* *The Modern World System*, Vol. II. New York: Academic Press, 1980. 372 p.
- Wulf H.* *Arms Production in the Third World* // *SIPRI Yearbook 1985: World Armaments and Disarmament*. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 329–344.
- SIPRI. The SIPRI Arms transfers database. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed: 23.01.2019).
- SIPRI. New register function. Сопровождающая документация к базе данных SIPRI Arms Transfer Database: Deals and TIV. 2018. 4 p.

NETWORK DYNAMICS OF TECHNOLOGY DIFFUSION IN INTERNATIONAL ARMS TRANSFERS

ARTEM MALTSEV

HSE University, Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

This article explores the role of technology proliferation within the international arms trade as the major part of political structure of international system. The first part of the article suggests a brief overview of the existing studies of international arms transfer as an integral system in international relations, specifically emphasizing the impact of Krause's (1992) "diffusion of technology" theoretical concept on the literature of 1990–2000-s. The focus of the review is on the intersection between the studies of specific technological transfers and more generalized empirical research works reveals an interesting scientific puzzle – on the one hand key arms manufacturer states accumulate most of the military R&D thus securing their place on the top of the suppliers' hierarchy, but on the other hand more and more states acquire capabilities to produce military hardware and they more willingly interact with each other establishing strong horizontal bonds with each other to achieve some political independence and maximize economic efficiency (so-called globalization of arms production). In the second part of the article, the network-based approach is suggested as a solution to the market-hierarchy paradox, with some overview of the latest research of arms transfers via Social Network Analysis (SNA) methodology. The third and the last part of the article provides first empirical investigation of the international military technology transfers using original operationalization approach based on SIPRI Arms Transfer Database information of localized production interstate transfers. Finally, the network graphs are constructed to compare general centrality metrics and locate network communities using the Blondel's method for community detection. The network topology demonstrates significant interconnections between secondary suppliers within technology transfers sub-network, compared to "regular" transfers sub-network, as well as the existence of a "feedback loop" for the license transfers. Overall the empirical results provide positive evidence for Krause's "diffusion of technology" concept and also support previous network studies of dissimilarities between USA and USSR dependent sub-network – the asymmetry between them appears to be even more stark on the license transfers data.

Keywords:

international arms trade; technology transfer; technology diffusion; network analysis; network communities.

References

- Acosta M., Coronado D., & Marín R. (2011). Potential Dual-use of Military Technology: Does Citing Patents Shed Light on this Process? *Defence and Peace Economics*. Vol. 22. No. 3. P. 335–349.
- Acosta M., Coronado D., Marín R., Prats P. (2013). Factors affecting the diffusion of patented military technology in the field of weapons and ammunition. *Scientometrics*. Vol. 94. No. 1. P. 1–22.
- Akerman A., Seim A.L. (2014). The global arms trade network 1950–2007. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 42. No. 3. P. 535–551.
- Anderton C. H. (1995). Economics of arms trade. In: K. Hartley, T. Sandler. (ed) *Handbook of Defense economics*. Elsevier Science B.V. Vol. 1. P. 523–561.
- Anthony I. (1993). The 'third tier' countries: production of major weapons. In: H. Wulf. (ed) *Arms industry limited*. Oxford: Oxford University Press. P. 362–383.
- Barabási A. L., Aldana-Gonzales M. (2003). Linked: The New Science of Networks. *Physics Today*. Vol. 56. P. 71–72.

- Barabási A.L., Bonabeau E. (2003). Scale-free networks. *Scientific American*. 2003. Vol. 288. No. 5. P. 60–69.
- Bitzinger R. (1994) The globalization of the arms industry: The next proliferation challenge. *International Security*. Vol. 19. No. 2. P. 170–198.
- Bitzinger R. (2003). *Towards a Brave New Arms Industry?* Adelphi series. Routledge. 104 p.
- Bitzinger R. (2015). *Russian arms transfers and Asian military modernisation*. S. Rajaratnam School of International Studies. 14 p.
- Bitzinger R. A., Kim M. (2005). Why do small states produce arms? The case of South Korea. *The Korean journal of defense analysis*. Vol. 17. No. 2. P. 183–205.
- Blackaby F.T. (1971). *The Arms Trade with the Third World*. Stockholm: Almqvist & Wiksell. 910 p.
- Blondel V.D., Guillaume J.L., Lambiotte R., Lefebvre E. (2008). Fast unfolding of communities in large networks. *Journal of statistical mechanics: theory and experiment*. No. 10. P. 10008.
- Bove V., Elia L., Pelliccia M. (2016). Centrality in trade networks and investment in security. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. Vol. 22. No. 1. P. 27–39.
- Brzoska M. (1999). Economic factors shaping arms production in less industrialized countries. *Defence and Peace Economics*. Vol. 10. No. 2. P. 139–169.
- Bull H., Watson A. (1984). *The expansion of international society*. Oxford: Clarendon Press, 1984. 490 p.
- Bunevich K.G. (2008). Voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossijskoj Federacii s inostrannymi gosudarstvami v sisteme voenno-ekonomicheskoi bezopasnosti [Military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states in the system of military-economic security]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost*. No. 8. P. 11–18.
- Bunevich K.G. (2014). Transformaciya voenno-tehnicheskogo sotrudnichestva v usloviyah globalizatsii [Transformation of military-technical cooperation in the context of globalization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Y. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie*. Vol. 9. No. 3. P. 47–52.
- Bunevich K.G., Brodunov A.N. (2015). Sovmestnye rossijsko-indijskie razrabotki i proizvodstvo produkcii voennogo naznacheniya (na primere otdel'nykh otraslej voennogo proizvodstva) [Joint Russian-Indian development and production of military products (on the example of certain branches of military production)]. *Transportnoe delo Rossii*. No. 2. P. 49–52.
- Caruso R., Di Domizio M. (2016). Interdependence between US and European military spending: a panel cointegration analysis (1988–2013). *Applied Economics Letters*. Vol. 23. No. 4. P. 302–305.
- Cvetcyh A.V., Erygin YU.V., Levchen S.V. (2017). Kreativnoe innovacionnoe razvitiye predpriyatij oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii: neobhodimost' i sushchnost' [Creative innovative development of enterprises of the military-industrial complex of Russia: necessity and essence]. *Menedzhment social'nykh i ekonomicheskikh system*. Vol. 7. No. 3.
- Degterev D.A. (2015). Setevoy analiz mezhdunarodnykh otnoshenij [Network analysis of international relations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 4. P. 119–138.
- Dunne J.P., Brauer J. (2005). Arms trade offsets and development. *Africanus*. Vol. 35. No. 1. P. 14–24.
- Engelbrecht H.C. Hanighen F.C. (1934). *Merchants of death*. Ludwig von Mises Institute. 308 p.
- Evtod'eva M.G. (2018). Novyj etap voenno-tehnicheskogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya [A new stage in military-technical cooperation between Russia and China. Far East problems]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 4. P. 68–78.
- Fruchterman T.M.J., Reingold E.M. (1991). Graph drawing by force-directed placement. *Software: Practice and experience*. Vol. 21. No. 11. P. 1129–1164.
- Gellner E., Breuilly J. (1983). *Nations and nationalism*. Vol. 1. Ithaca, NY: Cornell University Press. 161 p.
- Gerner D.J. (1983). Arms transfers to the Third World: Research on patterns, causes and effects. *International Interactions*. Vol. 10. No. 1. P. 5–37.
- Golichenko O. (2012). Modeli razvitiya, osnovannogo na diffuzii tekhnologii. [Development models based on technology diffusion]. *Voprosy ekonomiki*. No. 4. P. 117–131.
- Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. (2009). Network analysis for international relations. *International Organization*. Vol. 63. No. 3. P. 559–592.
- Hanneke S., Fu W., Xing E. (2010). Discrete temporal models of social networks. *Electronic Journal of Statistics*. Vol. 4. P. 585–605.
- Harkavy R.E. (1975). *The Arms Trade and International Systems*. Cambridge, MA: Ballinger. 291 p.
- Hartley K. (2009). Arms Industry and the Globalisation. In: J. K. Galbraith, J. Brauer, L. L. Webster. (ed) *Process Economics of Peace and Security*. Oxford: Eolss Publishers Co. P. 240–247.
- Hartley K. (2007). The arms industry, procurement and industrial policies. In: T. Sandler, K. Hartley. (ed). *Handbook of defense economics*. Vol. 2. Amsterdam: North-Holland. P. 1139–1176.
- Hayward K. (2000). The Globalisation of Defence Industries. *Survival*. Vol. 42. No. 2. P. 115–132.

- Heinrich M.N. (2015). The Eurofighter Typhoon programme: economic and industrial implications of collaborative defence manufacturing. *Defence Studies*. Vol. 15. No. 4. P. 341–360.
- Holtom P., Bromley M., Simmel V. (2012). *Measuring International Arms Transfers*. SIPRI. [Electronic source]. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/FS/SIPRIFS1212.pdf> (accessed: 23.01.2020).
- Howard M. (1976). *War in European History*. Cambridge: MIT Press. P. 1–172.
- Katz J.E. (1984). *Arms Production in Developing Countries: An Analysis of Decision Making*. Free Press. Lexington, Mass.: D.C. Heath. 371 p.
- Kennedy M.P. (1987) *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York: Random House. 677 p.
- Kinne B.J. (2012). Multilateral trade and militarized conflict: Centrality, openness, and asymmetry in the global trade network. *The Journal of Politics*. Vol. 74. No. 1. P. 308–322.
- Kinne B.J. (2016). Agreeing to arm: Bilateral weapons agreements and the global arms trade. *Journal of Peace Research*. Vol. 53. No. 3. P. 359–377.
- Kinne B.J. (2019) The Defense Cooperation Agreement Dataset (DCAD). *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 64. No. 4. P. 729–755.
- Kinne B.J., Bunte J.B. (2018). Guns or Money? Defense Co-operation and Bilateral Lending as Coevolving Networks. *British Journal of Political Science*. Vol. 50. No. 3. P. 1–22.
- Kinsella D. (1998). Arms transfer dependence and foreign policy conflict. *Journal of Peace Research*. 1998. Vol. 35. No. 1. P. 7–23.
- Kinsella D. (2000). Arms production in the third tier: An analysis of opportunity and willingness. *International Interactions*. Vol. 26. No. 3. P. 253–286.
- Kinsella D. (2006). The black market in small arms: examining a social network. *Contemporary Security Policy*. Vol. 27. No. 01. P. 100–117.
- Kinsella D. (2011). The arms trade. In: Coyne Ch. Mathers R. (ed) *The handbook on the political economy of war*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 217–243.
- Kinsella D. (2014). Illicit arms transfers to Africa and the prominence of the former Soviet bloc: a social network analysis. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 62. No. 5. P. 523–547.
- Kinsella D.T. (2004). *Power transition theory and the global arms trade: Exploring constructs from social network analysis*. Fifth Power Transition Conference, Carmel. 31 p.
- Kinsella D.T. (2003). *Changing structure of the arms trade: A social network analysis*. Annual Meeting of the American Political Science Association. Philadelphia PA. 43 p.
- Kolesnikov A.V. (2004) *Voenna-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossijskoj Federacii v sovremennyh usloviyah*. PhD Dissertation Abstract. Moscow: Voennyj universitet. 22 p.
- Krause K. (1990). The political economy of the international arms transfer system: the diffusion of military technique via arms transfers. *International Journal*. Vol. 45. No. 3. P. 687–722.
- Krause K. (1992). *Arms and the State: Patterns of Military Production and Trade*. Cambridge: Cambridge University Press. 299 p.
- Kushnir A.M. (2008). Voenna-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossijskoj Federacii s inostrannymi gosudarstvami v sisteme voenno-ekonomicheskoi bezopasnosti [Military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states in the system of military-economic security]. *Armiya i obshchestvo*. No. 1. P. 64–73.
- Laurance E.J. (1992). *The international arms trade*. Lexington Books. 280 p.
- Leiss A., Geoffrey K., Hoagland J., Refson J., Fischer H. (1970). *Arms Transfers to Less Developed Countries, Report No. c/70-1*. Cambridge: Center for International Studies. MIT. 56 p.
- Louscher D.J., Salomone M.D. (2019). *Technology transfer and US security assistance: The impact of Licensed Production*. New York: Routledge. 202 p.
- Lupu Y., Traag V.A. (2013). Trading communities, the networked structure of international relations, and the Kantian peace. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 57. No. 6. P. 1011–1042.
- Makienko K. (2012). S oruzhiem [With arms]. *Rossiya v Global'noj politike*. 2012. No. 5. P. 177–188.
- Maoz Z. (2009). The effects of strategic and economic interdependence on international conflict across levels of analysis. *American Journal of Political Science*. Vol. 53. No. 1. P. 223–240.
- Maoz Z. (2012) How network analysis can inform the study of international relations. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 29. No. 3. P. 247–256.
- Mawdsley J. (2013). The A400M project: from flagship project to warning for European defence cooperation. *Defence studies*. Vol. 13. No. 1. P. 14–32.
- Neuman S.G. (1984). Industrial stratification and Third World military industries. *International Organization*. Vol. 38. No. 1. P. 167–197.
- Nolan J.E. *Military Industry in Taiwan and South Korea*. Palgrave Macmillan, 1986. 205 p.
- Orlov A.O., Chepovskij A.A. (2017). O svoystvah modulyarnosti i aktual'nyh korrekcirovkah algoritma Blondelya [About modularity properties and actual adjustments of Blondel's algorithm]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Informacionnye tekhnologii*. Vol. 15. No. 3. P. 64–73.

- Pardesi M.S., Matthews R. (2007). India's Tortuous Road to Defence-Industrial Self-Reliance. *Defence & Security Analysis*. Vol. 23. No. 4. P. 419–438.
- Pearson F.S. (1987). Problems and Prospects of Arms Transfer Limitations Among Second-tier Suppliers: The Cases of France, the United Kingdom, and the Federal Republic of Germany. In: Ohlson, T. (ed) *Arms Transfer Limitations and Third World Security*. Oxford: Oxford University Press. P. 126–156.
- Ross A.L. (1994). Developing Countries. In: Pierre A.J. (ed) *Cascade of Arms: Managing Conventional Weapons Proliferation*. Washington DC: Brookings Institution Press. P. 90–130.
- Schmid J. (2018). The diffusion of military technology. *Defence and Peace Economics*. Vol. 29. No. 6. P. 595–613.
- Shvydun S. (2020). Influence of Countries in the Global Arms Transfers Network: 1950–2018. In: Cherifi H., Galto S., Mendes J.F., Rocha L.M. (ed) *Studies in Computational Intelligence*. Springer. Vol. 882: Complex Networks and Their Applications VIII Part 2. P. 736–748.
- SIPRI. (2018). *New register function. Accompanying database documentation SIPRI Arms Transfer Database: Deals and TIV*. 4 p.
- SIPRI. (2019). *The SIPRI Arms transfers database*. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed: 23.01.2019).
- Thompson W. R. (1988). *On global war: Historical-structural approaches to world politics*. University of South Carolina Press. 315 p.
- Turner P.W., Schmid C.S., Cranmer S.J., Kauermann G. (2019). Network interdependencies and the evolution of the international arms trade. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 63. No. 7. P. 1736–1764.
- Vashchenko O.A., Bogdanova E.L., Samohvalov D.V., Vorob'ev, O.V. (2015). Problemy pravovogo regulirovaniya proizvodstva importnykh obrazcov vooruzheniya i voennoj tekhniki v Tamozhennom Soyuze. [Problems of legal regulation of the production of imported weapons and military equipment in the Customs Union]. *Pravo intelektual'noj sobstvennosti*. No. 2. P. 37–39.
- Vucetic S., Nossal K.R. (2013). The international politics of the F-35 Joint Strike Fighter. *International Journal*. Vol. 68. No. 1. P. 3–12.
- Wallerstein I. (1974). *The Modern World System, Volume I*. New York: Academic Press. 410 p.
- Wallerstein I. (1980). The future of the world-economy. In: Hopkins T., Wallerstein I. (ed.) *Processes of the world-system*. Beverly Hills: Sage. P. 167–180.
- Wallerstein I. (1980). *The Modern World System, Volume II*. New York: Academic Press. 1980. 372 p.
- Wulf H. (1985). Arms Production in the Third World. In: *SIPRI Yearbook 1985: World Armaments and Disarmament*. Oxford: Oxford University Press. P. 329–344.
- Zadorina A.M. (2016). Voenno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Indii v strategii postroeniya mnogopolyarnogo mira [Military-technical and economic cooperation between Russia and India in the strategy of building a multipolar world]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 8. No. 3. P. 19–29.

ЛИДЕРСТВО И ПРИНЯТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ЭПОХУ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

МАКСИМ СУЧКОВ
ОЛЬГА РЕБРО
АНДРЕЙ СУШЕНЦОВ
АНДРЕЙ БАЙКОВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Развитие цифровых технологий превращает существующее знание об окружающем мире в единую количественно измеримую систему и приводит к глубоким переменам во взаимодействии человека с информацией. Появление новых возможностей формирует качественно новую технологическую среду, в которой одновременно расширяется использование данных и снижаются барьеры при взаимодействии человека с ней. Мы находимся в начале трансформаций, сопоставимых по значению с распространением книгопечатания, однако человечество ещё только начинает ощущать неизбежные социальные и политические последствия нового технологического уклада. Анализируя происходящие процессы цифровизации, авторы данного исследования намечают магистральные направления влияния цифровых технологий на международные отношения и принятие внешнеполитических решений.

С точки зрения теоретического осмысления цифровизации основные школы теории международных отношений предлагают разнообразные, но пока дисперсные подходы к определению влияния новых технологий на соотношение силы международных субъектов, природу государств и их взаимоотношений в качественно новой международной среде, а также последствия трансформации восприятия этих процессов на реальную политику. При этом на фоне увеличения количественной измеримости – и как следствие рациональности – процесса познания окружающего мира теоретики в области принятия решений пока не могут найти верифицируемые способы учёта «человеческого фактора». Тщетность этих усилий подчёркивает центральный тезис настоящей статьи: при общем тренде на конвергенцию измеряемой информационной системы и индивида именно человек будет определять, каким образом использовать новые технологии. Таким образом, эффективность лидерства в международных отношениях будет определяться «качеством человеческого капитала» правящих элит.

Такие характеристики цифровой среды, как доступность информации, скорость передачи данных и устранение пространственных барьеров, с одной стороны, усиливают аналитические способности человека и как следствие качество принимаемых решений. С другой стороны, они приводят к смещению акцентов: осмысление решения уступает место поиску наиболее приемлемого

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31066.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.12.2020

Дата принятия к публикации: 21.02.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: suchkov.m@my.mgimo.ru

варианта, выявление и устранение причин кризиса — управлению информацией о нём, а качество решений измеряется не долгосрочными последствиями, но сиюминутным одобрением.

Ключевые слова:

технологии; технологический уклад; теория международных отношений; процесс принятия решений; внешнеполитические решения; внешняя политика; дилемма рациональности при принятии решений; лидерство; постправда; символизация внешней политики.

В XX в. один из центральных вопросов политики заключался в том, какая часть общественных отношений должна регулироваться государством, какая — рынком, а какая — обществом. Сегодня для обществ, достигших уровня политической зрелости, центральный вопрос формулируется иначе: в какой степени жизни граждан должны и будут управляться цифровыми системами и на каких условиях должно осуществляться такое управление. Создатели прогнозов утверждают, что уже через несколько лет технологии создадут системы с качественно новыми функциями, превосходящие человеческий интеллект [Susskind 2018]. Спустя определённое время эти системы станут совсем непохожими на привычные нам компьютеры. Они будут интегрированы в физическую материю мира, встроены в его объекты, сокрыты в самих его структурах. Постепенно различия между виртуальным и реальным, миром *online* и *offline*, сотрутся. Эти трансформации — подобно предыдущим промышленно-технологическим трансформациям — принесут как свои блага, так и новые вызовы.

Среди основных опасностей футурологи называют способность технологий задавать образ мыслей человека, воздействовать на его чувства и определять поведение. Субъекты, располагающие подобными технологиями, будут иметь влияние на четыре значимых политических концепта. Они будут обладать *властью*, понимаемой в терминах устойчивой и разносторонней способности склонять человека к действиям, которые он не стал бы совершать при других условиях. Они будут накладывать ограничения на *свободу*, задавая стандарты допустимого и запретного. Они будут определять будущее *демократии*, способствуя её развитию или эрозии. Разработанные этими субъектами алгоритмы будут опреде-

лять ключевые вопросы *социальной справедливости*, присваивая себе право на распределение социальных благ и формирование иерархий статуса и уважения [Данилин 2020: 100–116].

В международных отношениях предстоят не просто существенные трансформации. Очевидна потребность в новом осмыслении устоявшихся теорий. Сверх того: коммуникационные технологии угрожают дальнейшей деградации индивидуальных способностей к критическому мышлению и саморефлексии. Сегодня технологии часто осмысливаются как «ускорители и проводники мысли», наделяются «особой субъектностью». На деле же технологии — это не новый субъект, а новая среда. Технологии не снимают с политикоформирующих кругов ответственность за выработку ошибочной стратегии. Напротив, высококонкурентный характер этой среды должен побуждать к выработке комплексной стратегии. Феномен «информации на кончиках пальцев» в лучшем случае формирует «искателя», но вытесняет мировоззрение лидера. *Попытки заполнить вакуум лидерства ещё большим технологическим насыщением управленческих решений, в том числе во внешней политике, ведут к дальнейшей деградации стратегического мышления, навыков ведения сложных переговоров и разрешения конфликтов. Теория внешней политики накопила достаточный опыт построения моделей принятия внешнеполитических решений. Новый технологический уклад подвергнет их проверке на устойчивость. Однако непреходящие качества сильного дееспособного лидера останутся ключевым элементом любой модели вне зависимости от степени влияния на неё технологий.*

Поскольку предметом данного исследования является относительно новое и, следовательно, малоизученное явление

международной политики, выбор методов анализа обусловлен двумя задачами: инвентаризация наблюдаемых тенденций и их логико-интуитивная интерпретация с целью выявления закономерностей.

Обзор литературы в области принятия решений и подходов к теоретическому осмыслению роли технологического прогресса организован на основе интегрированного подхода. Он объединяет систематизацию научного знания в данной области с критическим осмыслением преимуществ и недостатков существующих моделей. Описание логики происходящих социально-политических трансформаций под влиянием технологий строится на основе метода неформального моделирования, что позволяет отразить циклическую природу данного процесса. Влияние технологий на формирование внешней политики анализируется через структуризацию проявлений данного влияния и сопоставление результативности действий элит разных стран в новой информационной среде. Всё это позволяет протестировать исследовательскую гипотезу данной работы.

Настоящее исследование начинается с рассмотрения подходов основных школ теорий международных отношений (ТМО) и теорий принятия внешнеполитических решений. Это позволяет поместить работу в известные теоретические рамки и выявить значимые области исследований этого вопроса каждой из школ. На следующем уровне анализируются конкретные особенности принятия внешнеполитических решений в эпоху нового технологического уклада. На основе конструктивистского подхода к исследованию международных отношений технологический прогресс представлен в виде циклического процесса, что позволяет лучше понять отличия современной практики принятия решений — и сопряжённых с ней вызовов — от прошлых лет. Наконец, в заключительной части работы приведены аргументы, в том числе с использованием конкретных кейсов, в пользу гипотезы о том, что новые технологии не стали универсальным средством решения насущных внешнеполи-

тических вопросов, в центре политико-формирующего процесса по-прежнему находится человек, а факторами, определяющими внешнеполитический успех, выступают индивидуальное лидерство, эмпатия и способность к стратегическому мышлению.

1

Влияние технологического прогресса на трансформацию международных отношений очевидно, однако научное осмысление данного процесса отстаёт от происходящих перемен. В то время как растёт количество трудов по прикладным аспектам наблюдаемых процессов (например, цифровая безопасность), они не претендуют на универсальные обобщения. При этом основные школы ТМО, обращаясь к концептуальным вопросам, в лучшем случае встраивают вопросы развития цифровых технологий в рамки используемых подходов [Eriksson, Newlove-Eriksson 2021: 2–21].

Реалисты, ещё в 1970-х годах признавшие высокую скорость технологического прогресса, требующую радикальной трансформации природы человека и кардинально новых подходов в политическом мышлении [Morgenthau 1972], не вышли за рамки рассмотрения технологий как прогресса военных технологий, а ключевую опасность усматривали в получении государствами инструментов, которые они не смогут контролировать [Scheuernab 2009: 563–584]. Появление киберпространства как новой сферы взаимодействия между государствами органично вписывается в «анархическое» мироустройство реалистов, где страны обречены на гонку (кибер)вооружений [Craig, Valeriano 2016: 141–158].

Либерализм, с его акцентом на разнообразии внешнеполитических акторов и влиянии внутривнутриполитических факторов на формирование внешней политики, заведомо более предрасположен к концептуализации происходящих перемен [Eriksson, Giacomello 2007: 13]. Такие параметры текущей трансформации, как общедоступность информации и скорость её распространения, подкрепляют основополагающие тезисы либералов и способствовали

развитию таких теорий, как «постмеждународная политика» [Rosenau 1990], «мягкая сила» [Nye 1990: 153–171; Nye 2004] и «конец истории», позже трансформировавшийся в «глобализацию демократии» [Fukuyama 1992; Fukuyama 2004]. При этом из виду упускается оборотная сторона всеобщей цифровизации – размывание международных норм и институтов, составляющих основу либерального порядка [Hurwitz, Manne 2018].

В отличие от двух названных выше направлений конструктивизм, предполагающий субъективное восприятие реальности, стремится объяснить не столько состояние мира, сколько влияние интерпретации данного состояния на формулирование целей и интересов при совершении внешнеполитических действий, которые впоследствии трансформируются в международные практики [Gilardi 2012: 123]. Отрицая технологический детерминизм реализма и либерализма, конструктивизм рассматривает технологии как материальную репрезентацию ценностей, идей и интересов общества [Wendt 1999] и предлагает инструменты для концептуализации понятий, вышедших на первый план в цифровую эпоху, таких как идентичность, секьюритизация, символизация политики. Однако конструктивисты обходят стороной ряд важных процессов, в частности таких, как гонка вооружений в киберпространстве.

Таким образом, основные школы теории международных отношений, каждая в рамках своей парадигмы, концентрируются на отдельных аспектах технологической трансформации, но стараются избегать комплексных теоретических обобщений по данной проблеме [Fristch 2014: 131]. На этом фоне примечательны пока единичные попытки наделять цифровые технологии субъектностью (*agency*) и определить в качестве «института, за который идёт политическая борьба и который создаёт среду для взаимодействия, благоприятную для одних субъектов и неблагоприятную для других» [McCarthy 2015: 72].

Изучение процесса принятия внешнеполитических решений выделяется в отдель-

ное направление теории внешней политики как субдисциплину теории международных отношений [Reus-Smit, Snidal 2008: 576–594]. При этом «изучение детерминант внешней политики без учёта этого процесса может оказаться или напрасной потерей времени, поскольку результаты не будут иметь прогностического значения, или опасным заблуждением, поскольку данный процесс пронизывает все области науки о международных отношениях, так как «представляет собой тот “фильтр”, через который совокупность воздействующих на внешнюю политику факторов “просеивается” лицом (лицами), принимающими решения» [Цыганков 2002: 267].

Попытки объяснить мотивацию лиц, принимающих решения, предпринимались в исторических трудах по дипломатии и политических биографиях на протяжении столетий. Исследовательский интерес к этому обусловлен уникальностью государственных деятелей и, следовательно, их несопоставимостью. Однако общемировой тренд по ограничению абсолютного правления, сопровождавшийся дисперсией власти между политическими институтами, создал запрос на систематизацию научного знания в данной области. В 1887 г. Вудро Вильсон, сетуя на отсутствие серьёзных работ в сфере государственного администрирования, призвал выйти за рамки изучения персоналий и не только рассмотреть процессы управления внутри США, но и изучить опыт иностранных правительств с целью заимствования лучших практик [Wilson 1887: 197–222].

Тем не менее процесс принятия решений ещё долгое время оставался преимущественно внутривнутриполитической дисциплиной. В международных отношениях интерес к данной проблеме возник после Второй мировой войны, когда появление возможности нанесения удара из любой точки планеты привело к тому, что изучение логики принятия решений иностранными правительствами, а также распределения контроля над выработкой внешней политики стало восприниматься в каче-

стве вопроса национальной безопасности [Истомин 2018]. Уже в первых трудах, посвящённых изучению последствий появления атомного оружия для мировой политической системы, предпринимались попытки просчитать сценарии принятия решений в условиях ядерного противостояния [Brodie 1946].

Качественное изменение подхода к изучению процесса принятия решений произошло в середине 1950-х годов. Бросая вызов традиционным подходам, представлявшим государство как некое метафизическое понятие («бильярдный шар» у реалистов и «агрегатор социальных предпочтений» у либералов), бихевиористы обратили внимание на то, что «решение государства» фактически представляет собой решение конкретных лиц, управляющих политическими процессами. Монография «Принятие внешнеполитических решений», впервые опубликованная в 1954 г. и впоследствии неоднократно переизданная, сегодня считается фундаментальным трудом, создавшим субдисциплину «теория внешней политики» и задавшим основные направления развития научной мысли [Snyder et al. 2002: 1–20].

Центральное место в ней занимает исследование проблемы рациональности поведения лица, принимающего решения. *Модель рационального выбора* [von Neumann, Morgenstern 1944], предполагающая максимизацию выгоды при минимизации издержек, в 1950-х годах проникла в исследования международных отношений [Kaplan 1957; Schelling 1960]. Рациональные модели подразумевают, что индивид на базе имеющейся информации принимает решение, в наибольшей степени соответствующее достижению поставленной цели [Robinson, Snyder 1965: 437]. При этом он не испытывает ответной психологической реакции (стыда, жалости и пр.) либо она отбрасывается как незначимая. Критикуя данный взгляд за превращение субъекта в «чёрный ящик» (аналогичный аргумент используется в критике реалистов), сторонники моделей нерационального принятия решений указывают, что

реакция субъекта может зависеть от нелогичных, то есть не имеющих прямого отношения к событию и не осознаваемых субъектом, влияний [Verba 1961: 94–95].

Эта гипотеза побудила к поиску факторов, влияющих на принятие решения. Появившаяся в 1966 г. *модель Розенау* учла аргументы «нерационалистов»: помимо структурных параметров (события, отношения с другими странами, особенности международной системы), модель включала в себя такие переменные, как характер и организационная функция лица, принимающего решения, общественное мнение по данному вопросу и наличие заинтересованных групп [Rosenau 1966: 115–169]. Важнейшим достижением Розенау стало предположение о том, что вес каждого фактора не константен и имеет различное влияние на итоговый результат в разных странах. Этот вывод способствовал развитию школы компаративистики в теории международных отношений.

Прогресс вычислительных технологий, позволяющих создать сложные модели для учёта множества факторов, в начале 1980-х годов вновь пробудил интерес к использованию рациональных подходов в исследуемой тематике [Zagare 1990: 197–201]. Принцип «*ожидаемой полезности*» [Wittman 1979: 743–763; Bueno de Mesquita 1980: 917–931], опирающийся на анализ больших объёмов данных, предлагал стройную и верифицируемую модель процесса принятия решений [Stein, Welch 1997: 52]. В позднейших моделях учитываются «нерациональные» факторы, например мировоззрение [Kim, Bueno de Mesquita 1995: 51–65], неверное толкование фактов [Fearon 1995: 379–414] или общественное мнение [Mintz, DeRouen 2010].

Допущения, принятые в моделях рационального поведения, создали задел для полемики с ними и для поиска причин возможной девиации от оптимального рационального поведения.

Одну из самых ранних альтернатив рациональному подходу предложил Герберт Саймон [Simon 1957]. В основе его модели *ограниченной рациональности* (или *кибер-*

нетическая модель) лежит тезис об ограниченности когнитивных способностей индивида в определении всех возможных альтернатив и адекватном учёте последствий принимаемого решения. Саймон ввёл понятие *минимальной достаточности* (satisficing), означающее, что лицо, принимающее решение, вместо просчёта всех возможных вариантов ограничивается первой приемлемой альтернативой, а вместо анализа всей доступной информации выбирает ту её часть, которую считает достаточной для принятия данного решения [Mongoe, Kristen 1991: 75–89; Zey 1992].

Такой принцип «продирания» через череду рутинных проблем [Lindblom 1959: 79–88; Steinbruner 1974/2002] ставит перед необходимостью учитывать ещё один фактор — *взаимовлияние принятых решений*. Так, решение, оптимальное в данной ситуации, может иметь негативные последствия для решения следующей проблемы. Наиболее существенной попыткой создания верифицируемой модели в рамках данного подхода стало исследование Острома и Джоба [Ostrom, Job 1986]. Указывая на тот факт, что президент США выступает в трёх ипостасях (главнокомандующий, глава административного аппарата и политический деятель), эти авторы доказали, что в период с 1949 по 1976 год при решении вопроса об использовании вооружённой силы президенты учитывали все три уровня, но в первую очередь — внутривнутриполитический.

Продолжая тезис об ограниченности когнитивных функций человека, сторонники *организационной модели* полагают, что подход к решению внешнеполитической проблемы обусловлен функцией лица, принимающего решение, в рамках организационной структуры государства [Cyert, March 1963; March, Simon 1958]. В этом плане решение проблемы не может включать использование процедур или ресурсов, которыми данная организация не обладает. В своём анализе Карибского кризиса 1962 г. известный американский теоретик в области принятия решений

Грэм Аллисон [Allison 1969: 689–718, Allison 1971] пришёл к выводу, что блокада Кубы (например, вместо точечного ракетного удара) была единственным вариантом решения проблемы, поскольку государственный аппарат США располагал наработанным механизмом его реализации.

В дальнейшем данная модель уступила место смежной модели *бюрократического поведения* [Welch 1992]. Берущий истоки в исследованиях роли бюрократии во внешней политике [Huntington 1960: 285–299; Hilsman 1967], данный подход предполагает, что внешняя политика есть результат деятельности коллектива индивидов, где каждый участник действует в интересах бюрократической структуры, которую он представляет [Allison 1971; Feldman 1989]. Практическая ценность данной модели сказалась при изучении процесса принятия решений в рамках военно-промышленного комплекса США [Halperin 1974]. Многие исследователи справедливо указывают [Maoz 1990; Christensen, Redd 2004: 69–90], что эта модель фактически переносит принцип рациональности на групповое принятие решений. К тому же она не учитывает иерархии внутри коллектива [Vendor, Hammond 1992: 301–322].

Если создатели модели *ограниченной рациональности* ввели в процесс обработки информации «человеческий фактор», то сторонники модели перспективы указали, что субъективный характер носит и оценка потенциальной полезности. Впервые сформулированная в работе Канемана и Тверски [Kahneman, Tversky 1979: 263–291], эта модель отталкивается от теории *субъективной ожидаемой полезности* [Savage 1954] и предполагает, что индивид при принятии решения склонен оценивать не суммарно полученную выгоду, но разницу отклонения от точки отсчёта. При этом прогрессия неравномерна (разница между 5 и 10 долларами кажется более весомой, чем между 105 и 110 долларами) и неодинакова для проигрыша и выигрыша (потеряв 5 долларов, человек расстроится больше, чем обрадуется от приобретения

5 долларов). Поэтому лица, принимающие решения, предпочитают более рискованную стратегию для возвращения потерь и будут избегать рисков при сохранении полученных прибылей. Данный тезис впоследствии часто использовался при объяснении поведения субъектов в условиях международных кризисов [Farham 1992: 205–235; McDermott 1992: 237–263; Whyte, Levi 1994: 243–260; Berejikian 2002]. Нелинейность распределения полученной выгоды означает, что ключевое значение в модели *перспективы* придаётся точке отсчёта, определение которой в динамичной ситуации затруднено [Levy 1992: 171–186; Levy 1997: 33–50; Mintz, Redd 2003: 135, 193–213]. Например, после серии приобретений субъект может рассматривать последующую неудачу как проигрыш, а не как упущенную прибыль, и предпочтёт более рискованную стратегию [Kahneman et al. 1991: 193–206].

Попытка совместить рациональные и когнитивистские подходы нашла отражение в *полизвристической теории*, предложившей разделить процесс принятия решений на два этапа. На первом этапе с помощью методов когнитивного анализа происходит выбор наиболее релевантных альтернатив. На втором этапе из них выбирается более предпочтительная опция на основе рационального принципа *максимизации прибыли* [Mintz, Geva 1997: 81–101; Mintz et al. 1997: 553–566; Payne et al. 1993]. Первоначальное когнитивное упрощение (*cognitive shortcut*) помогает сократить объём анализируемой информации, что впоследствии позволяет человеку более успешно справиться с оценкой эффективности существующих альтернатив. Данная модель широко применяется в различных направлениях внешнеполитических исследований: кризисное регулирование [Mintz 1993; DeRouen and Sprecher 2004: 56–68; Brulé and Mintz 2006: 157–172], ведение международных переговоров [Astorino-Courtois Trusty 2000: 359–77], влияние советников на принятие внешнеполитических решений [Redd 2002: 335–364; Redd 2005: 129–150; Mintz 2005: 223–38] и реко-

мендуется в качестве практического алгоритма действий для лиц, принимающих решения, и политических аналитиков.

2

На современном уровне развития технологий цифровая среда перемещает фокус человеческого сознания с «концептуального» на «актуальное»: «консенсус» становится важнее «самоанализа». Патриарх американской политики Г. Киссинджер точно сформулировал характер этого тренда: «Знание истории и географии стали уже не важны для тех, кто может найти любую информацию кликом компьютерной мыши. Необходимость идти собственным политическим путём больше не очевидна для тех, кому важнее одобрение тысяч, или всего сотен, друзей на “Фейсбуке”. Сами предположки изменились: на каждый вопрос легко найти ответ, решения больше не нужно продумывать, их можно загуглить. Но в отношениях между государствами — как и во многих других сферах — для того, чтобы информация была действительно полезной, чтобы она могла стать настоящим знанием, её нужно помещать в конкретный исторический контекст, в контекст определённого опыта» [Kissinger 2014: 349–350].

Рассуждение Киссинджера обнажает, как минимум, две проблемы подхода к анализу мировых процессов и принятия решений с позиций «технологического хайпа». Первая проблема — это формирование эффекта «информационного гетто». Компьютерные технологии действительно помогают с накоплением и обработкой информации. Сегодня данные практически неограниченного объёма можно сохранять и за секунду получать к ним доступ, что было недоступно в «книжный век». Если приходится иметь дело с каким-то одним, оторванным от контекста вопросом, то компьютерные системы дают ранее недоступные человечеству инструменты. Однако этот феномен задаёт поведение субъектов через сужение обрабатываемой информации и коридора продумываемых решений. Поскольку информация так легко доступна, а процесс коммуникации «мгно-

венен» (здесь и сейчас), происходит снижение внимания к их значимости, эрозия способности отделить главное от второстепенного. Эта динамика вынуждает политикоформирующие круги ждать, когда проблема придёт к ним «на стол», вместо того чтобы предвидеть и своевременно купировать её. В итоге решение проблемы видится чередой изолированных друг от друга событий, а не частью исторического континуума. Другими словами, рефлексия как главный инструмент политики уступает место манипуляции информацией как банальному способу сохранения популярности среди электората. Говорить о качественном процессе принятия решений в таком случае не приходится.

Ситуация, при которой избыток информации сужает кругозор политика, приводит к тому, что зачастую «за деревьями не видно леса». Таким образом актуализуется вторая смежная проблема: кризис лидерства и зрелых решений, компенсировать который технологии не могут.

На основе конструктивистского подхода к описанию формирования международных отношений технологический прогресс можно представить в качестве циклического процесса.

Первый и в общественном восприятии, пожалуй, главный элемент — эволюция технологий. Однако при всей своей значимости технологии способны производить перемены лишь в процессе взаимодействия человека с ними. Появление и внедрение технологий в процесс принятия политических решений способствует развитию соответствующих способностей и возможностей, что, в свою очередь, приводит к появлению новых процедур для реализации этих возможностей [Drezner 2019]. Наконец, имплементация конкретной процедуры постепенно создаёт новую ситуацию, в которой формируется определённое восприятие новых угроз — это финальный элемент в спирально-циклической модели развития технологий. Едва этот вызов становится осязаемым, как уже появляется запрос на технологию, призванную на него ответить.

Иллюстрацию к работе этой схемы даёт изобретение Интернета (1980–1990-е годы), которое в конечном итоге привело к коренной перестройке мира. Если ранее обмен большими объёмами данных между вычислительными машинами происходил посредством внешних носителей, то Интернет не просто увеличил допустимые объёмы, но и позволил передавать их мгновенно. Устранение временного и пространственного параметров в акте коммуникации, издревле используемых в философии и социальных науках для определения понятия «реальность», с одной стороны, «сблизило» людей, с другой — обособило тех, кому данная технология была недоступна. Создание в 1993 г. концепции WWW позволило подключить к одной сети неограниченное количество пользователей, превратив Интернет из инструмента для оптимизации работы (сначала военных, а с конца 1980-х годов, когда было разрешено коммерческое использование, и компаний) в технологию для широких масс, что позволило говорить о трансформации социального устройства [Surratt 2017: 17–20] и государств как политической формы организации общества.

Таким образом, порождённая новой технологией и возможностями практика «виртуального» социального взаимодействия поставила перед государственными деятелями новые вызовы, оперативная среда которых расширилась на новое — цифровое — пространство. Необходимость выполнения в этих условиях государственных функций создала запрос на совершенствование технологий. Для обеспечения безопасности создаются кибервойска, для взаимодействия с населением — «электронное правительство», внутри бюрократических структур — «электронные кабинеты», для оперативной обработки данных — технологии компьютерного моделирования международных отношений [Деггерёв 2011: 53–66].

При всей значимости технологий нововведения в практике принятия государственных решений не сводятся к внедрению новых инструментов их реализации и

анализа данных, хотя во многом могут быть ими инспирированы. *Источником разработки новых процедур на операционно-тактическом уровне могут выступать новые идеи, которые генерируют отдельные люди с ментальностью лидеров.*

Показателен в этом отношении вопрос информационного сопровождения дипломатической деятельности. Во времена «холодной войны» информационная пропаганда представляла собой отдельное направление внешнеполитической деятельности, реализуемое посредством создания в зарубежных странах источников информации, не контролируемых местными правительствами. К настоящему времени информационная поддержка не только приобрела новые формы, но и выступает неотъемлемым компонентом эффективной внешней политики [Мельникова 2015: 93–100]. Подобная эволюция стала следствием не столько некоего технологического прорыва, сколько смены идеологической парадигмы, переоценкой пространственно-временных рамок оперативной среды дипломата. Его аудитория теперь расширилась до масштабов планеты, время для донесения позиции в острых ситуациях жалось до часов, а формирование благоприятной информационной среды превратилось в рутинную задачу. *Качество такой политики также обусловлено уровнем индивидуального мастерства конкретных исполнителей.*

Сложность принятия внешнеполитических решений заключается в том, что траектория развития этого будущего не линейна. Более того, сами технологические, процедурные и прочие изменения не универсальны. Не все государственные и негосударственные субъекты трансформируются в этой сфере с одинаковой скоростью и на всех уровнях. Учитывая неравномерность распределения ресурсов и уникальность восприятия угроз, каждый актор развивает собственную модель поведения. В свою очередь, конвергенция этих различных путей создаёт «кластеры сред по типу угроз» (threat environments), которые определяют приоритеты в этой

области [Hoijtink, Leese 2019]. Главная сложность визуализации будущего заключается в способности распутать этот клубок моделей развития технологий и вызовов и адекватно оценить существующие между ними взаимосвязи. *Как и на других уровнях, подобная задача не может быть решена технологическим путём, но требует зрелых решений от самодостаточных лидеров.*

Э

По мере того как задачи, прежде выполнявшиеся с использованием бумаги, — чтение, образование, промышленные и научные исследования, ведение бухгалтерии, работа разведки — сегодня проходят «компьютерный» фильтр, человеческая деятельность «цифровизируется» и становится частью единой количественно измеримой системы [Kissinger 2014: 342].

С точки зрения взаимодействия политикоформирующих кругов с данной системой можно выделить три функции современных технологий:

— аналитическая: позволяет собирать и обрабатывать большие объёмы данных, а также автоматизировать повторяющиеся задачи;

— прогностическая: совершенствование алгоритмов сопоставления данных, позволяющих точнее предсказывать последствия решений;

— операционная: создание физических инструментов взаимодействия между «цифровым пространством» и реальностью [Cummings et al. 2018: 2–5].

Компьютерное моделирование международных отношений — это неотъемлемая часть современного процесса принятия решений. В зависимости от задач данных систем можно выделить модели антикризисного реагирования и системы анализа и прогнозирования. По объекту моделирования системы можно разделить на модели международных конфликтов; модели, имитирующие процесс принятия решений в кризисных ситуациях; модели баланса сил и мирового развития [Дегтерёв 2011: 53–66]. Однако при увеличении скорости и точности алгоритмизация процесса при-

нятия решений имеет и негативные последствия.

Во-первых, возложение ответственности за принятие решения на «искусственный интеллект» сопровождается этическими дилеммами [Preliminary Study 2019: 13–14]. Автоматизированные системы опираются на выявление статистических закономерностей и категоризацию и, с одной стороны, склонны отдавать приоритет доминирующему тренду, с другой — создают иллюзию рациональности решений, которые были бы морально неприемлемы. *Во-вторых*, превосходство аналитических способностей компьютерных технологий неизбежно повышает доверие человека к полученному таким образом результату. Отсутствие желания «перепроверить» увеличивает шанс ошибки, которая может произойти случайно или в результате внешнего вмешательства.

Большинство государств, которые полагаются на технологические решения актуальных проблем, обращают внимание как раз на эти аспекты технологий как главный вызов принятия решений, в том числе в сфере внешней политики. Однако настоящий вызов, как представляется, находится в иной плоскости — в качестве «человеческого материала».

Новое технологическое пространство имеет иные временные характеристики. Если ранее от начала кризиса до необходимости ответа на него проходили месяцы, то сегодня информация о событиях разносится по миру за несколько секунд и формирует запрос на оперативное получение официальной реакции. Лидеры за несколько часов должны отреагировать на происходящее и принять решения, последствия которых также быстро распространяются по всему миру. Канеман выделял два типа формирования мысли: «быстрый» (интуитивный, автоматический, эмоциональный, подсознательный) и «медленный» (логический, сознательный, требующий усилий) [Kahneman 2011]. Влияние современных технологий на этот аспект лидеров можно оценить как повышение эффективности «медленного» мышления и снижение каче-

ства «быстрого». Генри Киссинджер сформулировал эту дилемму ещё ярче: «доступность информации обогащает мировоззрение учёного, но сокращает кругозор политического лидера» [Kissinger 2014: 351–352]. Поскольку принятие «быстрых» решений опирается на «багаж» имеющихся знаний и практик, уменьшение этого «багажа» ведёт к «сужению перспективы» при принятии решений, что, в свою очередь, сокращает интуитивную способность предчувствия событий и установления логических связей.

Темп событий действительно участился, требования к скорости реакции на них стали выше, информации и её адресатов стало больше, контролировать своё положение в этом потоке становится труднее. В таких условиях стратегическое мышление лидеров всё чаще уступает место «быстрым и ленивым решениям» — точечные гуманитарные интервенции, дипломатическая изоляция, санкции, при принятии которых не нужно ни с кем консультироваться. Политические решения становятся всё более реакционными, оценка события уступает место манипуляции информацией о нём. Вербовка террористами своих сторонников через Интернет — действительно серьёзный вызов безопасности. Однако он обостряется технологией, а не порождается ей: сама проблема по-прежнему требует от лидеров решения социальных вопросов, выстраивания миграционной политики, налаживания межконфессионального диалога и работы с истоками терроризма. Объяснять отсутствие собственных решений «влиянием Интернета» становится всё менее убедительно.

Популярная в последнее время концепция «постправды» [D’Acone 2017; Lewandowsky et al. 2017: 353–369; McIntire 2018] также во многом продукт этого «технохайпа». Современные реалии радикально отличаются от изначального идеалистического восприятия влияния цифровых технологий, в котором всеобщая доступность информации должна способствовать унификации подходов к оценке ситуации и, в частности, разрешению конфликтов,

поскольку все стороны будут обладать полным и одинаковым объёмом данных. Вместо этого цифровые технологии стали рупором для прежде маргинальных взглядов, в результате чего вместо одной верифицируемой и объективной «правды» мир получил множество субъективных «правд». За отсутствием физических барьеров в цифровом пространстве, эти «правды» конфликтуют между собой, причём победитель определяется не качеством обоснованности, но «громкостью» заявленных аргументов.

Традиционный приём по увеличению «громкости» состоит в использовании символов – упрощённых эмоциональных нарративов, облечённых в доступную для восприятия форму и апеллирующих к принятым социальным нормам [Carmines and Stimson 1980: 78–91; Cobb and Kuklinski 1997: 88–121; Edelman 1971]. Характерные для внутренней политики, где борьба за доминирование в информационном пространстве выступает неотъемлемым компонентом политической системы, символы распространились и на сферу международных отношений, где до сих пор ценились технократический профессионализм, точность формулировок и рутинность процедур. Такая символизация внешнеполитического мышления влияет на восприятие реальности и, следовательно, на принимаемые решения.

Показательным примером стала «война с терроризмом», объявленная администрацией Дж. Буша-мл. в ответ на теракты 11 сентября 2001 года. С одной стороны, решение объявить «войну терроризму» лишено рационального наполнения: тотальность «войны» не соответствовала масштабам угрозы, да и «терроризм», будучи тактикой, а не конкретным объектом, размывал представление о «враге». С другой – оно было ёмкой оболочкой для общественных настроений (страх), в целом консенсусного восприятия элитами характера угрозы и использования военных методов борьбы (терроризм и поддерживающие его государства) и материальных характеристик (ресурсное доминирование

США). Таким образом, принятое решение не только стало предпочтительным на тот момент времени, но сама политика оказалась весьма устойчивой, вопреки свидетельствам о её несостоятельности фактам [Solomon 2015].

Современный внешнеполитический дискурс наводнён такого рода символами: «российская угроза», «химические атаки в Сирии», «арабская весна», «цветные революции», «новая холодная война». Апелляция к подобным символам позволяет донести практически любой аудитории сложную концепцию, построенную на аналогии, и смоделировать эмоциональное отношение к описываемым процессам. Одновременно она ведёт к упрощению гетерогенных ситуаций и подразумевает одинаковый алгоритм ответа на них. Ситуация осложняется тем, что у руля ведущих западных государств мира находятся политики, которые с окончанием постбиполярной эпохи фактически отказались от стратегического мышления в угоду популизму. Сформированные в сыгую эпоху информационного бума, эти политики в условиях новой турбулентной среды всё меньше готовы брать ответственность за свои слова и поступки, склонны к эпатажным заявлениям, но не способны к взаимодействию с трудными оппонентами.

На этом фоне отношения России и Турции представляются исключением и одновременно образцом лидерства в принятии решений в новую технологическую эру. Две амбициозные державы, ведомые самостоятельными лидерами, – исторические соперники, взаимодействие которых отмечено множеством войн друг с другом. Современные отношения имеют много недоброжелателей, но и сами развиваются не без сложностей как в физическом, так и в информационном пространстве: ведутся пропагандистские кампании, имеют место информационное противодействие, провокации, использование частных военных компаний и военно-технологическая конкуренция. Однако преодолев стресс-тест 2015 года, когда турецкие ВВС сбили в небе над Сирией российский истребитель, две

страны сумели выработать действенный *modus operandi*, по сей день способствующий взаимовыгодному продвижению интересов обеих сторон. Всё это стало возможным благодаря искусству классической дипломатии и личному взаимодействию руководителей двух стран. Президенты Путин и Эрдоган воплощают в себе неприятные для Запада изменения в международном порядке, произошедшие после «холодной войны»; оба политика своевременно осознали, что в эпоху девестернизации международной политической системы Россия может стать для Турции ресурсом укрепления собственного стратегического суверенитета, а Турция для России — источником наращивания международного авторитета.

У Москвы нет иллюзий по поводу «союзнического поведения» Анкары (например, на основании её принадлежности к «Астанинской тройке»), но существующий формат взаимодействия позволяет поддерживать баланс взаимных интересов в ключевых для двух стран кризисах последних пяти лет: в Сирии, Ливии и Нагорном Карабахе. Последний стал особенно сложным экзаменом на искусство использования стратегии и принятия решений в комплексных ситуациях. Принятие нового статуса-кво между Арменией и Азербайджаном с участием Турции в качестве наблюдателя при лидирующей роли России, которая выражается в военном присутствии и предоставлении политических гарантий, стало показателем того, что в современном мире успех урегулирования сложных кризисов по-прежнему в большей мере связан с выработкой стратегических решений в классическом стиле при непосредственном индивидуальном лидерстве, а не с помощью технологий.

* * *

Современные технологии создают возможности, за которыми не поспевают стратегии и доктрины. Когда индивидуальные субъекты с сомнительной аффилированностью всё сильнее, притом эффективно, вмешиваются в дела государства, сама ка-

тегория «государственного авторитета» оказывается под вопросом.

Технологии коренным образом изменили взаимодействие человека с информацией. Запоминание уступило место занесению в базу данных, а вспоминание — отбору наиболее релевантной информации. Получение и хранение информации благодаря компьютерам не является ограничивающим фактором. Вместе с тем технологии носят комплементарный характер для принятия решений человеком: они способствуют повышению эффективности работы с информацией, выявлению несоответствий и распределению задач, но человек по-прежнему опережает компьютерные технологии в таких аспектах, как приоритизация действия в необычных или непредсказуемых ситуациях, учёт внешней среды и контекста.

Во внешнеполитической сфере формирование технологической среды не отменяет требований к способности элит правильно формировать стратегии исходя из подлинных, а не мнимых потребностей развития. Аналогичным образом технологии не могут заместить сложившейся стратегической культуры, которая представляет собой продукт накопленного политического опыта. Европейские страны с большим опытом применения силы и ведения переговоров, как правило, действуют искуснее, чем страны с неопытной элитой, которая пускается во внешнеполитические эксперименты. Продолжающийся два последних десятилетия кризис стратегического мышления подтолкнул большинство западных элит к проведению политики — и объяснению её провалов — с позиций «технологического хайпа». В известном смысле это ведёт к расфокусировке и зачастую препятствует странам, даже богатым и состоятельным, достигать своих целей.

Способность к внутренней мобилизации и концентрации на ключевых задачах, лидерство и эмпатия как способность построить конструктивную политику с учётом интересов всех вовлечённых сторон — только такая стратегия принятия внешнеполитических решений устоит в долгосрочной перспективе.

Список литературы

- Данилин И.В. Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(1). С. 100–116.
- Дегтерёв Д.А. Компьютерное моделирование международных отношений // Международные процессы. 2011. Т. 9. №. 3. С. 53–66.
- Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2019. 296 с.
- Мельникова О.А. Основные задачи информационного обеспечения внешнеполитической деятельности // Вестник МГИМО Университета. 2015. №. 2 (41). С. 93–100.
- Цыганков П.А. Теория международных отношений: традиции и современность / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. 400 с.
- Allison G. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // American Political Science Review, 63, 1969. P. 689–718.
- Allison G., Zelikow P. Essence of decision: Explaining the Cuban missile crisis. Boston: Little, Brown, 1971. 338 p.
- Astorino-Courtois A., Trusty B. Degrees of Difficulty: The Effect of Israeli Policy Shifts on Syrian Peace Decisions. // Journal of Conflict Resolution, 44, 2000. P. 359–377.
- Bendor J., Hammond T.H. Rethinking Allison's Models // American Political Science Review, 86, 1992. P. 301–322.
- Berjikian J.D. A Cognitive Theory of Deterrence // Journal of Peace Research, 39(2), 2002. P. 165–183.
- Brodie B. (ed.). The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. New York: Harcourt, Brace and Company, 1946. 214 p.
- Brulé D., Mintz A. Blank Check or Marching Orders? Public Opinion and Presidential Use of Force in the United States // H. Starr (ed.) Approaches, Levels and Methods of Analysis in International Politics: Crossing Boundaries. New York: Palgrave Macmillan, 2006. P. 157–172.
- Bueno de Mesquita B. An Expected Utility Theory of International Conflict // The American Political Science Review, 74(4), 1980. P. 917–931.
- Bueno de Mesquita B. The War Trap. New Haven: Yale University Press, 1981. 223 p.
- Carlsnaes W. et al. Handbook of International Relations. SAGE, 2012. 904 p.
- Carmines E.G., Stimson J.A. The Two Faces of Issue Voting // American Political Science Review, 74, 1980. P. 78–91.
- Christensen E., Redd S. Bureaucrats vs. the Ballot Box in Foreign Policy Decision Making: An Experimental Analysis of the Bureaucratic Politics Model and the Poliheuristic Theory // Journal of Conflict Resolution, 48, 2004. P. 69–90.
- Cobb M.D., Kuklinski J.H. Changing Minds: Political Arguments and Political Persuasion // American Journal of Political Science, 41, 1997. P. 88–121.
- Craig A., Valeriano B. Conceptualising Cyber Arms Races. IEEE Proceedings for CCDCOE CyberCon, 8th International Conference on Cyber Conflict: Cyber Power, 2016. P. 141–158.
- Cummings M.L., Roff H.M., Cukier K., Parakilas J., Bryce H. Artificial Intelligence and International Affairs: Disruption Anticipated. Chatham House Report, 2018. 50 p.
- Cyert R.M., March J.G. A Behavioral Theory of the Firm. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. 332 p.
- D'Ancone M. Post truth. The new war on truth and how to fight back. London: Ebury Press, 2017. 320 p.
- DeRouen K., Sprecher C. Initial Crisis Reaction and Poliheuristic Theory // Journal of Conflict Resolution, 48, 2004. P. 56–68.
- Drezner D. Technological change and international relations // International Relations, 33 (2), 2019. P. 286–303.
- Edelman M. Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. Chicago: Markham Publishing, 1971. 188 p.
- Eriksson J., Giacomello G. International Relations and Security in the Digital Age. Routledge, 2007. 230 p.
- Eriksson J., Newlove-Eriksson L. Theorizing Technology in International Relations: Prevailing Perspectives and New Horizons. In: Giacomello G. (ed). Technology and International Relations: The New Horizon in Global Power. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 1–21.
- Farnham B. Roosevelt and the Munich Crisis: Insights from Prospect Theory // Political Psychology, 13, 1992. P. 205–235.
- Fearon J.D. Rationalist Explanations for War. International Organization, 49, 1995. P. 379–414.
- Feldman M.S. Order without Design: Information Production and Policy Making. Stanford: Stanford University Press, 1989. 216 p.

- Fritsch S.* Conceptualizing the ambivalent role of technology in international relations: Between systemic change and continuity. *The Global Politics of Science and Technology*. Vol. 1. Springer, Berlin, Heidelberg, 2014. P. 115–138.
- Fukuyama F.* *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Present Day*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2014. 658 p.
- Fukuyama F.* *The End of History and the Last Man*. Free Press, 1992. 418 p.
- Gilardi F. et al.* *Handbook of International Relations*. SAGE Publications, 2012. 904 p.
- Halperin M.* *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, DC: Brookings Institution, 1974. 400 p.
- Hilsman R.* *To Move a Nation*. New York: Doubleday, 1967. 425 p.
- Hojtink, M., & Leese, M.* (eds.). *Technology and agency in international relations*. Routledge, 2019. 222 p.
- Hudson V.M.* *Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of international Relations // Foreign Policy Analysis*, 1(1), 2005. P. 1–30.
- Huntington S.P.* *Strategic Planning and the Political Process // Foreign Affairs*, 38, 1960. P. 285–299.
- Hurwitz J., Manne G.A.* *Classical Liberalism and the Problem of Technological Change*. ICLE Innovation & the New Economy Research Program, White Paper 1, 2018. 50 p.
- Jervis R.* *Deterrence Theory Revisited // World Politics*, 31(2), 1979. P. 289–324.
- Kahneman D.* *Thinking, Fast and Slow*. Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
- Kahneman D. et al.* *The endowment effect, loss aversion, and status quo bias // Journal of Economic Perspectives*, 5, 1991. P. 193–206.
- Kahneman D., Tversky A.* *Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica*, 47, 1979. P. 263–291.
- Kaplan M.* *System and Process in International Relations*. Huntington, NY: Krieger, 1957. 283 p.
- Kim W., Bueno de Mesquita B.* *How Perceptions Influence the Risk of War // International Studies Quarterly*, 39, 1995. P. 51–65.
- Kissinger H.* *World Order*. Penguin, 2014. 432 p.
- Levy J.S.* *Prospect theory and the cognitive-rational debate*. In: *Decision making on war and peace: The cognitive-rational debate*. Lynne Rienner Publishers, 1997. P. 33–50.
- Levy J.S.* *An Introduction to Prospect Theory // Political Psychology*, 13, 1992. P. 171–186.
- Lewandowsky S. et al.* *Beyond misinformation: Understanding and coping with the “Post-Truth” era // Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6(4), 2017. P. 353–369.
- Lindblom C.E.* *The Science of “Muddling Through” // Public Administration Review*, 19, 1959. P. 79–88.
- Losev A.* *Countercyclical Policies // Russia in Global Affairs*, 14 (3), 2016. P. 70–78.
- Maao Z.* *National Choices and International Processes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 609 p.
- March J.G., Simon H.A.* *Organizations*. New York: John Wiley, 1958. 262 p.
- McCarthy D.* *Power, information technology, and international relations theory*. Palgrave Studies in International Relations, 2015. 220 p.
- McDermott R.* *Prospect Theory in International Relations: The Iranian Hostage Rescue Mission // Political Psychology*, 13, 1992. P. 237–263.
- McIntire L.* *The post-truth*. Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 240 p.
- Mintz A., Redd S.* *Framing Effects in International Relations // Synthese*, 135, 2003. P. 193–213.
- Mintz A. et al.* *The Effect of Dynamic and Static Choice Sets on Political Decision Making: An Analysis Using the Decision Board Platform // American Political Science Review*, 91, 1997. P. 553–566.
- Mintz A.* *Are Leaders Susceptible to Negative Political Advice? An Experimental Study of High-Ranking Military Officers // Mintz A. and Russett B.M.* (eds.) *New Directions for International Relations: Confronting the Method of Analysis Problem*. Lahman, MD: Lexington, 2005. P. 223–238.
- Mintz A.* *The Decision to Attack Iraq: A Noncompensatory Theory of Decision Making // Journal of Conflict Resolution*, 37(4), 1993. P. 595–618.
- Mintz A., DeRouen K.* *Understanding Foreign Policy Decision Making*. New York, NY: Cambridge University Press, 2010. 208 p.
- Mintz A., Geva N.* *The Poliheuristic Theory of Foreign Policy Decisionmaking*. In: Geva N., Mintz A. (ed.). *Decisionmaking on war and peace: The cognitive-rational debate*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1997. P. 81–101.
- Monroe K.R.* *The Theory of Rational Action: What Is It? How Useful Is It for Political Science? // Crotty W.J.* (ed.) *Political Science: Looking to the Future*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1991. P. 75–89.
- Morgenthau H.J.* *Science: servant or master?* New York: Meridian Books, 1972. 155 p.

- Morrow J.* The Ongoing Game-Theoretic Revolution // *Midlarsky M.I.* (ed.) Handbook of War Studies II. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. P. 164–192.
- Nye J.S., Jr.* Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization. London: Routledge, 2004. 240 p.
- Nye J.S., Jr.* Soft Power // *Foreign Policy*, 80, 1990. P. 153–171.
- Ostrom Ch.W., Job B.L.* The President and the Political Use of Force // *The American Political Science Review*, 80(2), 1986. P. 541–566.
- Payne J.W.* et al. The Adaptive Decision Maker. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1993. 307 p.
- Preliminary Study on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO COMEST. 26 February, 2019. P. 13–14. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000367823>
- Redd S.* The Influence of Advisers and Decision Strategies on Foreign Policy Choices: President Clinton's Decision to Use Force in Kosovo // *International Studies Perspectives*, 6, 2005. P. 129–150.
- Redd S.* The Influence of Advisers on Foreign Policy Decision Making: An Experimental Study // *Journal of Conflict Resolution*, 46, 2002. P. 335–364.
- Reus-Smit Ch., Snidal D.* The Oxford Handbook of International Relations. Oxford University Press, 2008. 772 p.
- Robinson J.A., Snyder R.C.* Decision-making in international politics // *Kelman H.C.* (ed.) International Political Behavior. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1965. P. 435–463.
- Rosenau J.N.* Pre-theories and Theories of Foreign Policy // *Farrell R.B.* (ed.) Approaches to Comparative and International Politics. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1966. P. 115–169.
- Rosenau J.N.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton University Press, 1990. P. 480.
- Savage L.J.* The Foundations of Statistics. N.Y., 1954. 294 p.
- Schelling T.* The Strategy of Conflict. London: Oxford University Press, 1960. 328 p.
- Scheurman W.E.* Realism and the critique of technology // *Cambridge Review of International Affairs*, 22(4), 2009. P. 563–584.
- Simon H.* (ed.) Models of Man. New York: John Wiley, 1957. 287 p.
- Snyder R.C. et al.* Foreign Policy Decision-Making (Revisited). New York: Palgrave Macmillan, 2002. 186 p.
- Solomon T.* The Politics of Subjectivity in American Foreign Policy Discourses // *Political Science*, 2015. 246 p.
- Stein J.G., Welch D.A.* Rational and Psychological Approaches to the Study of International Conflict: Comparative Strengths and Weaknesses // *Geva N., Mintz A.* (ed.) Decisionmaking on war and peace: The cognitive-rational debate. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1997. P. 51–77.
- Steinbruner J.D.* The Cybernetic Theory of Decision: New Dimensions of Political Analysis. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1974/2002. 323 p.
- Surratt C.G.* The Internet and Social Change. McFarland, 2017. 239 p.
- Susskind J.* Future Politics: Living Together in a World Transformed by Tech. Oxford University Press, 2018. 516 p.
- Verba S.* Assumptions of Rationality and Non-Rationality in Models of the International System // *World Politics*, 14(1), 1961. P. 93–117.
- Von Neumann J., Morgenstern O.* Theory of Games and Economic Behavior. Princeton: Princeton University Press, 1944. 625 p.
- Welch D.A.* The Organizational Process and Bureaucratic Politics Paradigms: Retrospect and Prospect // *International Security*, 17(2), 1992. P. 112–146.
- Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1999. 452 p.
- Whyte G., Levi A.S.* The Origins and Function of the Reference Point in Risky Group Decision Making: The Case of the Cuban Missile Crisis // *Journal of Behavioral Decision Making*, 7, 1994. P. 243–260.
- Wilson W.* The Study of Administration // *Political Science Quarterly*, 2(2), 1887. P. 197–222.
- Wittman D.* How a War Ends: A Rational Model Approach // *Journal of Conflict Resolution*, 23, 1979. P. 743–763.
- Zagare C.F.* Rational Choice Models and International Relations Research // *International Interactions*, 15(3–4), 1990. P. 197–201.
- Zey M.* Decision Making: Alternatives to Rational Choice Models. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1992. 454 p.

LEADERSHIP AND FOREIGN POLICY DECISION-MAKING IN THE NEXT INNOVATION WAVE

MAKSIM SUCHKOV

OLGA REBRO

ANDREY SUSHENTSOV

ANDREY BAYKOV

MGIMO University, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

The evolution of digital technologies rooted in the transformation of the world into a holistic quantifiable system brings about foundational shifts in how individuals interact with information. Current technological progress is cyclical in nature: emerging capabilities create different environment with new threats that prompt further search for technological solutions to address them, and occurs on two interwoven tracks: the increasing sophistication of the information system itself (better ways to collect, store and analyze data) and better means of human interaction with it (search engines, faster connection, more seamless interface with devices). Similar in scope to the spread of printed books, the digital transformation is still at its nascency: the “printing press” has been invented, but the humanity is yet to perfect it and experience the full array of social and political changes it is bound to incur.

This article is an attempt to peek into such “digital future”. Taking stock of the observable trends it charts the course of major shifts in approaches to foreign policy and maps out possible impediments for effective leadership in the new era.

The conceptualization of the transformations is picking up speed, yet main IR schools tackling dispersed aspects, such as the impact of digital technologies on the balance of power (realism), on the nature of government and international environment (liberalism) and on the interpretation of the emerging processes (constructivism), do not offer a comprehensive approach. At the same time despite the growing analyzability and, hence, rationality of the world the studies of the decision-making process still struggle to account for the “human nature” of state leadership.

The futility of the attempts to measure irrationality underlines the core argument of the article – with the overall trend for deeper convergence between an information system and a human the emerging digital future will be determined by individuals, who will remain the ultimate stewards of international relations. As a result, the efficiency of leadership, including smart utilization of technological advances, will depend on the quality of “human capital” of elites.

On the one hand, accessibility of information, faster data travel and the absence of physical boundaries in the digital space enhance analytical abilities of individuals and improve the quality of decision-making. On the other hand, the increasing effortlessness of retrieving, storing and disseminating information results in the shift of perspective: laborious process of developing a solution is substituted by search for the most acceptable alternative, solving a crisis is replaced with manipulating the perception of it, and the quality of decisions is judged not by long-term consequences but by immediate movements in opinion polls.

Keywords:

technology, innovation wave, theory of international relations, foreign policy, decision-making process, rationality in decision-making, leadership, post-truth, political symbols.

References

- Allison G. (1969). Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis. *American Political Science Review*, 63: 689–718.
- Allison G., Zelikow P. (1971). *Essence of decision: Explaining the Cuban missile crisis*. Vol. 327. No. 729.1. Boston: Little, Brown.
- Astorino-Courtois A., Trusty B. (2000). Degrees of Difficulty: The Effect of Israeli Policy Shifts on Syrian Peace Decisions. *Journal of Conflict Resolution*, 44: 359–377.
- Bendor J., Hammond T.H. (1992). Rethinking Allison's Models. *American Political Science Review*, 86: 301–322.
- Berejikian J.D. (2002). A Cognitive Theory of Deterrence. *Journal of Peace Research*, 39(2): 165–183.
- Brodie B. (ed.). (1946). *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order*. New York: Harcourt, Brace and Company. 214 p.
- Brulé D., Mintz A. (2006). Blank Check or Marching Orders? Public Opinion and Presidential Use of Force in the United States. In H. Starr (ed.) *Approaches, Levels and Methods of Analysis in International Politics: Crossing Boundaries*. New York: Palgrave Macmillan: 157–172.
- Bueno de Mesquita B. (1980). An Expected Utility Theory of International Conflict. *The American Political Science Review*, 74(4): 917–931.
- Bueno de Mesquita B. (1981). *The War Trap*. New Haven: Yale University Press. 223 p.
- Carlsnaes W. et al. (2012). *Handbook of International Relations*. SAGE. 904 p.
- Carmines E.G., Stimson J.A. (1980). The Two Faces of Issue Voting. *American Political Science Review*, 74: 78–91.
- Christensen E., Redd S. (2004). Bureaucrats vs. the Ballot Box in Foreign Policy Decision Making: An Experimental Analysis of the Bureaucratic Politics Model and the Poliheuristic Theory. *Journal of Conflict Resolution* 48: 69–90.
- Cobb M.D., Kuklinski J.H. (1997). Changing Minds: Political Arguments and Political Persuasion. *American Journal of Political Science*, 41: 88–121.
- Craig A., Valeriano B. (2016). *Conceptualising Cyber Arms Races*. IEEE Proceedings for CCDCOE CyberCon, 8th International Conference on Cyber Conflict: Cyber Power: 141–158.
- Cummings M.L., Roff H.M., Cukier K., Parakilas J., Bryce H. (2018). *Artificial Intelligence and International Affairs: Disruption Anticipated*. Chatham House Report. 50 p.
- Cyert R.M., March J.G. (1963). *A Behavioral Theory of the Firm*. Englewood Cliffs: Prentice Hall. 332 p.
- D'Ancone M. (2017). *Post truth. The new war on truth and how to fight back*. London: Ebury Press. 320 p.
- Danilin I.V. (2020). Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologii na liderstvo v globalnykh protsessakh: ot platform k ryнкam? [The Impact of Digital Technology on Leadership in Global Trends: From a Platform to Markets?] *Vestnik MGIMO*, 13(1): 100–116.
- Degtarev D.A. (2011). Kompyuternoye modelirovaniye mezhdunarodnykh otnoshenii [Computer Modelling of International Relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. №. 3: 53–66.
- DeRouen K., Sprecher C. (2004). Initial Crisis Reaction and Poliheuristic Theory. *Journal of Conflict Resolution*, 48: 56–68.
- Drezner D. (2019) Technological change and international relations. *International Relations*, 33 (2). P. 286–303.
- Edelman M. (1971). *Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham Publishing. 188 p.
- Eriksson J., Giacomello G. (2007). *International Relations and Security in the Digital Age*. Routledge. 230 p.
- Eriksson J., Newlove-Eriksson L. (2021) Theorizing Technology in International Relations: Prevailing Perspectives and New Horizons. In: Giacomello G. (ed). *Technology and International Relations: The New Horizon in Global Power*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 1–21.
- Farnham B. (1992). Roosevelt and the Munich Crisis: Insights from Prospect Theory. *Political Psychology*, 13: 205–235.
- Fearon J.D. (1995). Rationalist Explanations for War. *International Organization*, 49: 379–414.
- Feldman M.S. (1989). *Order without Design: Information Production and Policy Making*. Stanford: Stanford University Press. 216 p.
- Fritsch S. (2014). Conceptualizing the ambivalent role of technology in international relations: Between systemic change and continuity. *The Global Politics of Science and Technology*. Vol. 1. Springer, Berlin, Heidelberg: 115–138.
- Fukuyama F. (1992). *The End of History and the Last Man*. Free Press. 418 p.

- Fukuyama F. (2014). *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Present Day*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 658 p.
- Gilardi F. et al. (2012). *Handbook of International Relations*. SAGE Publications. 904 p.
- Halperin M. (1974). *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, DC: Brookings Institution. 400 p.
- Hilsman R. (1967). *To Move a Nation*. New York: Doubleday. 425 p.
- Hojtink, M., Leese, M. (eds.) (2019). *Technology and agency in international relations*. Routledge. 222 p.
- Hudson V.M. (2005). Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of international Relations. *Foreign Policy Analysis*, 1(1): 1–30.
- Huntington S.P. (1960). Strategic Planning and the Political Process. *Foreign Affairs*, 38: 285–299.
- Hurwitz J., Manne G.A. (2018). *Classical Liberalism and the Problem of Technological Change*. ICLE Innovation & the New Economy Research Program, White Paper 1. 50 p.
- Istomin I.A. (2019). *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoi politike* [The Logic of State Conduct in International Politics]. M.: Aspect Press. 296 p.
- Jervis R. (1979). Deterrence Theory Revisited. *World Politics*, 31(2): 289–324.
- Kahneman D. et al. (1991). The endowment effect, loss aversion, and status quo bias. *Journal of Economic Perspectives*, 5: 193–206.
- Kahneman D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. Farra, Straus and Giroux, 499 p.
- Kahneman D., Tversky A. (1979). Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*, 47: 263–291.
- Kaplan M. (1957). *System and Process in International Relations*. Huntington, NY: Krieger. 283 p.
- Kim W., Bueno de Mesquita B. (1995). How Perceptions Influence the Risk of War. *International Studies Quarterly*, 39: 51–65.
- Kissinger H. (2014). *World Order*. Penguin. 432 p.
- Levy J.S. (1997). Prospect theory and the cognitive-rational debate. In: *Decisionmaking on war and peace: The cognitive-rational debate*. Lynne Rienner Publishers: 33–50.
- Levy J.S. (1992). An Introduction to Prospect Theory. *Political Psychology*, 13: 171–186.
- Lewandowsky S. et al. (2017). Beyond misinformation: Understanding and coping with the “Post-Truth” era. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6(4): 353–369.
- Lindblom C.E. (1959). The Science of “Muddling Through”. *Public Administration Review*, 19: 79–88.
- Losev A. (2016). Countercyclical Policies. *Russia in Global Affairs*, 14 (3): 70–78.
- Maoz Z. (1990). *National Choices and International Processes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- March J.G., Simon H.A. (1958). *Organizations*. New York: John Wiley. 262 p.
- McCarthy D. (2015). *Power, information technology, and international relations theory*. Palgrave Studies in International Relations, 220 p.
- McDermott R. (1992). Prospect Theory in International Relations: The Iranian Hostage Rescue Mission. *Political Psychology*, 13: 237–263.
- McIntire L. (2018). *The post-truth*. Cambridge, MA: MIT Press. 240 p.
- Melnikova O.A. (2015). Osnovnyye zadachi informatsionnogo obespecheniya vneshnepoliticheskoi deyatel'nosti [The Main Goals of Information Service in Foreign Policy-Making]. *Vestnik MGIMO*. 2(41): 93–100.
- Mintz A., Redd S. (2003). Framing Effects in International Relations. *Synthese*, 135: 193–213.
- Mintz A. et al. (1997). The Effect of Dynamic and Static Choice Sets on Political Decision Making: An Analysis Using the Decision Board Platform. *American Political Science Review*, 91: 553–566.
- Mintz A. (1993). The Decision to Attack Iraq: A Noncompensatory Theory of Decision Making. *Journal of Conflict Resolution*, 37(4): 595–618.
- Mintz A. (2005). Are Leaders Susceptible to Negative Political Advice? An Experimental Study of High-Ranking Military Officers. In: Mintz A. and Russett B.M. (eds.) *New Directions for International Relations: Confronting the Method of Analysis Problem*. Lahman, MD: Lexington: 223–238.
- Mintz A., DeRouen K. (2010). *Understanding Foreign Policy Decision Making*. New York, NY: Cambridge University Press. 208 p.
- Mintz A., Geva N. (1997). The Poliheuristic Theory of Foreign Policy Decisionmaking. In: Geva N., Mintz A. (eds.) *Decisionmaking on war and peace: The cognitive-rational debate*. Boulder, CO: Lynne Rienner: 81–101.
- Monroe K.R. (1991). The Theory of Rational Action: What Is It? How Useful Is It for Political Science? In: Crotty W.J. (ed.) *Political Science: Looking to the Future*. Evanston, IL: Northwestern University Press: 75–89.
- Morgenthau H. J. (1972). *Science: servant or master?* New York: Meridian Books. 155 p.
- Morrow J. (2000). The Ongoing Game-Theoretic Revolution. In: Midlarsky M.I. (ed.) *Handbook of War Studies II*. Ann Arbor: University of Michigan Press: 164–192.

- National Research Council (2014). *Complex Operational Decision Making in Networked Systems of Humans and Machines: A Multidisciplinary Approach*. Washington, DC: The National Academies Press.
- Nye J.S., Jr. (1990). Soft Power. *Foreign Policy*, 80: 153–171.
- Nye J.S., Jr. (2004). *Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization*. London: Routledge. 240 p.
- Ostrom Ch.W., Job B.L. (1986). *The President and the Political Use of Force*. The American Political Science Review, 80(2): 541–566.
- Payne J.W. et al. (1993). *The Adaptive Decision Maker*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 307 p.
- Preliminary Study on the Ethics of Artificial Intelligence*. (2019). UNESCO COMEST. 26 February. 33 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000367823>
- Redd S. (2005). The Influence of Advisers and Decision Strategies on Foreign Policy Choices: President Clinton's Decision to Use Force in Kosovo. *International Studies Perspectives*, 6: 129–150.
- Redd S. (2002). The Influence of Advisers on Foreign Policy Decision Making: An Experimental Study. *Journal of Conflict Resolution*, 46: 335–364.
- Reus-Smit Ch., Snidal D. (2008). *The Oxford Handbook of International Relations*. Oxford University Press. 772 p.
- Robinson J.A., Snyder R.C. (1965). Decision-making in international politics. In: Kelman H.C. (ed.) *International Political Behavior*. New York: Holt, Rinehart & Winston: 435–463.
- Rosenau J.N. (1966). Pre-theories and Theories of Foreign Policy. In: Farrell R.B. (ed.) *Approaches to Comparative and International Politics*. Evanston, IL: Northwestern University Press: 115–169.
- Rosenau J.N. (1990). *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton University Press. 480 p.
- Savage L.J. (1954). *The Foundations of Statistics*. N.Y. 294 p.
- Schelling T. (1960). *The Strategy of Conflict*. London: Oxford University Press. 328 p.
- Scheuerman W.E. (2009). *Realism and the critique of technology*. Cambridge Review of International Affairs, 22(4): 563–584.
- Simon H. (ed.) (1957). *Models of Man*. New York: John Wiley. 287 p.
- Snyder R.C. et al. (2002). *Foreign Policy Decision-Making (Revisited)*. New York: Palgrave Macmillan, 186 p.
- Solomon T. (2015). *The Politics of Subjectivity in American Foreign Policy Discourses*. Political Science. 246 p.
- Stein J.G., Welch D.A. (1997). Rational and Psychological Approaches to the Study of International Conflict: Comparative Strengths and Weaknesses. In: Geva N., Mintz A. (ed.) *Decisionmaking on war and peace: The cognitive-rational debate*. Boulder, CO: Lynne Rienner: 51–77.
- Steinbruner J.D. (1974/2002). *The Cybernetic Theory of Decision: New Dimensions of Political Analysis*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 332 p.
- Surratt C.G. (2017). *The Internet and Social Change*. McFarland. 239 p.
- Susskind J. (2018). *Future Politics: Living Together in a World Transformed by Tech*. Oxford University Press. 516 p.
- Tsygankov P.A. (2002). Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: traditsii i sovremennost [Theory of International Relations: Traditions and Modern State]. Moscow: Gardariki. 400 p.
- Verba S. (1961). Assumptions of Rationality and Non-Rationality in Models of the International System. *World Politics*, 14(1): 93–117.
- Von Neumann J., Morgenstern O. (1944). *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton: Princeton University Press. 625 p.
- Welch D.A. (1992). The Organizational Process and Bureaucratic Politics Paradigms: Retrospect and Prospect. *International Security*, 17(2): 112–146.
- Wendt A. (1999). *Social theory of international politics*. Cambridge, MA: Cambridge University Press. 452 p.
- Whyte G., Levi A.S. (1994). The Origins and Function of the Reference Point in Risky Group Decision Making: The Case of the Cuban Missile Crisis. *Journal of Behavioral Decision Making*, 7: 243–260.
- Wilson W. (1887). The Study of Administration. *Political Science Quarterly*, 2(2): 197–222.
- Wittman D. (1979). How a War Ends: A Rational Model Approach. *Journal of Conflict Resolution*, 23: 743–763.
- Zagare C.F. (1990). Rational Choice Models and International Relations Research. *International Interactions*, 15(3-4): 197–201.
- Zey M. (1992). *Decision Making: Alternatives to Rational Choice Models*. Newbury Park, CA: Sage Publications. 454 p.

«УСЛОЖНЯЮЩИЙ ФАКТОР»? КОАЛИЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ США В КОРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ ОПЫТ ЖЕНЕВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1954 ГОДА

ВАЛЕРИЙ ЮНГБЛЮД
ДЕНИС САДАКОВ

Вятский государственный университет, Киров, Россия

Резюме

Согласование параметров урегулирования вооружённого конфликта всегда представляет собой сложный процесс, в ходе которого сталкиваются интересы всех его непосредственных участников и иных заинтересованных сторон. Одним из ярких примеров подобных противостояний является процесс урегулирования по окончании Корейской войны 1950–1953 годов, кульминацией которого стала Женевская конференция 1954 года. Цель статьи – конкретизировать роль США как лидера коалиции ООН в переговорах, по итогам которых после трёх лет войны с участием около двух десятков стран ситуация вернулась к исходному состоянию – довоенная граница между Северной и Южной Кореей была восстановлена, а наиболее активные и влиятельные члены противоборствовавших альянсов согласились на перемирие. Ставшие доступными в последние годы архивные документы позволяют существенно дополнить сформировавшиеся в отечественной и зарубежной историографии представления о причинах незавершённости процесса мирного урегулирования в Корее по окончании войны 1950–1953 годов. В статье рассматривается вклад дипломатии США в подготовку корейской повестки конференции, показано, что коалиция ООН к началу переговоров в Женеве функционировала в режиме «двойного сдерживания». Уточняется роль США как лидера военно-политического альянса в разработке планов объединения полуострова. Обосновывается вывод о том, что уже во второй половине мая 1954 г. США при принятии решений в первую очередь исходили из мотивов пропаганды и всерьёз думали о завершении переговоров. В результате шанс решить корейский вопрос был проигнорирован и Женевская конференция превратилась в средство фундаментализации американской стратегии на северо-востоке Тихоокеанского региона. Показано, что итоги конференции соответствовали непосредственным ожиданиям Вашингтона и его долговременной дальневосточной стратегии. Итоги корейской фазы Женевской конференции закрепили разделение Кореи на два враждебных друг другу государства и надолго закрыли вопрос о возможности объединения страны.

Ключевые слова:

США; Корейская война; Женевская конференция 1954 года; коалиционная дипломатия; ООН; раскол Кореи; «холодная война»; Дж. Ф. Даллес.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.12.2020

Дата принятия к публикации: 11.05.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: valerteod@gmail.com

Согласование параметров урегулирования вооружённого конфликта представляет собой сложный процесс, в ходе которого сталкиваются интересы как непосредственных участников противоборства, так и иных заинтересованных сторон. В первую очередь сказанное относится к интернационализированным локальным конфликтам с неочевидным исходом. Один из ярких примеров тому – попытки урегулирования по окончании Корейской войны (1950–1953), кульминацией которых стала Женевская конференция 1954 года.

Дискуссии о характере войны в Корее, её итогах и причинах незавершённости процесса урегулирования, в силу которых конфликт был остановлен перемирием в отсутствие мирного договора, сохраняют актуальность для изучения как истории международных отношений, так и текущей мировой политики. В современных исследованиях отмечается, что это событие «трансформировало холодную войну в военную конфронтацию сверхдержав». Корейская война часто характеризуется как «забытая», «неизвестная», «война ошибок», «война с ничейным результатом» [Wells 2020: 472; Westad 2019: 81; Li Xiaobing 2019: 158–163]. Большинство авторов акцентируют её ограниченный характер, благодаря которому она смогла остаться кровопролитным, но всё-таки локальным вложением в набиравшую силу глобальную «холодную войну» [Caldwell 2019: 227].

В отдельных трудах приводятся аргументы в пользу того, что на некоторых этапах она выходила за рамки ограниченного конфликта и фактически приобретала масштаб неограниченной борьбы. Её участники ставили далекоидущую политическую цель: объединить страну путём смены политического режима в одном из двух воюющих корейских государств, чтобы добиться перевеса в глобальном противоборстве формирующихся социально-политических систем и военных блоков [Stoker 2019: 36–37; 56]. Важной особенностью стало вовлечение в боевые действия большого числа внешних игроков – это была схватка коалиций. «Ставшая фактически неизбежной

гражданская война между коммунистами и антикоммунистами, исполненными решимости объединить свою страну, переросла в интернационализированную войну, подстегнувшую ужасающую гонку вооружений», – пишет У. Коэн [Cohen 2005: 283].

Реалии международной жизни второй половины XX – начала XXI в. изобилуют примерами вмешательства великих держав, в том числе и под эгидой ООН, во внутренние конфликты в разных регионах мира. Далеко не всегда последствия такого рода интервенций были благотворными. Изучение поведения великих держав и их союзников на стадии завершения локальных войн, целей и мотивов, которыми они руководствовались во время переговоров о мире, расширяет возможности в осмыслении истоков и природы многих современных политических процессов [Никитин 2016: 56–57]. Возникновение проблемы двух Корей и нагнетание вокруг неё в последующие десятилетия конфликтного потенциала в значительной мере восходит к обстоятельствам подготовки и проведения Женевской политической конференции 1954 года.

Цель настоящей статьи – конкретизировать роль США как лидера коалиции ООН в переговорах, по итогам которых после трёх лет кровопролитной и разрушительной войны с участием около двух десятков стран ситуация вернулась к исходному состоянию – довоенная граница между Северной и Южной Кореей была по факту восстановлена, а наиболее активные и влиятельные члены противоборствовавших альянсов относительно спокойно согласились на перемирие без надежды на подписание взаимоприемлемого мирного договора. Уточнение роли дипломатии США в подготовке корейской повестки конференции в Женеве 1954 г. непосредственно связано с определением её ответственности за конечный результат, а также с прояснением вопроса о том, насколько итоги конференции соответствовали непосредственным ожиданиям Вашингтона и его долговременной стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Для США война в Корее изначально носила коалиционный характер. Однако это была необычная коалиция. США, за исключением двух мировых войн XX века, не участвовали в военно-политических союзах и до конца 1940-х годов в мирное время фактически их не создавали [Beckley 2015: 7]. Вступая в вооружённый конфликт на Корейском полуострове в июне 1950 г. на стороне Республики Корея, они сформировали и возглавили коалицию государств—членов ООН, основу которой составили участники созданной ещё в 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО) (12 из 14 её членов), с которыми на тот момент Вашингтон был связан союзническими обязательствами. Данное обстоятельство на протяжении всей войны существенно влияло на взаимоотношения между членами коалиции и накладывало отпечаток на действия военного командования и принятие политических решений [Vasquez 2009: 190; Robb, Gill 2019: ch. 2, 6]. 1 октября 1953 года, через два месяца после подписания перемирия и прекращения боевых действий, США подписали Договор о взаимной обороне с Южной Кореей, ставший важным элементом американской системы безопасности в этом регионе [Юнгблюд, Садаков 2019], который также принимался во внимание при подготовке переговорной стратегии Вашингтона на политической конференции в Женеве. Наконец, в составе коалиции ООН в войне приняли участие государства, не связанные с США союзническими обязательствами. Сложный состав коалиции затруднял,

а в отдельных случаях и исключал синхронизацию интересов её членов на стадии переговоров о мире. П. Уайтсман отмечает объективную заданность такого рода несогласованности, объясняя её тем, что целью коалиций, как правило, является военная эффективность, тогда как созданные в мирное время альянсы «обычно фокусируются на политических измерениях эффективности» [Weitsman 2010: 132]. История корейской фазы конференции в Женеве содержит материал для проверки этого тезиса.

Вопросы взаимодействия между членами созданных США военных альянсов во время военных конфликтов неоднократно поднимались отечественными и зарубежными специалистами в области теории международных отношений. Имеющиеся качественные обзоры этой темы свидетельствуют о преобладании работ, посвящённых проблеме мобилизации союзников и партнёров к участию в военных операциях, при относительно слабой проработке специфики их взаимодействия на стадии выхода из конфликтов и в переговорных процессах [Истомин 2017а; 2017б].

Вопросы корейского урегулирования затрагивались в работах по истории внешней политики США, Кореи, а также в отдельных специальных публикациях [см., например: Быстрова 2007; Волохова 2015; Печатнов и др. 2012; Робертс Дж. 2008; Торкунов и др. 2008; Урнов 2012; Barnes 2014; Brands 1987; Immerman 1990; Lee 1995; Ruane 1994]. Ставшие доступными в последние годы архивные документы¹ позволяют существенно дополнить сформирова-

¹ Помимо разнообразных американских опубликованных и архивных документов, оцифрованных и ставших доступными для исследования, благодаря электронным архивам и читальным залам (использована Цифровая коллекция Национального архива США, документы Цифровых библиотек ООН, Архива Государственного департамента США, Цифрового архива Центра Вудро Вильсона и ряд других), использованы российские архивные документы (Российский государственный архив новейшей истории, РГНИ). Одна из особенностей источниковой базы по истории государств Корейского полуострова 1945–1954, заключается в том, что значительная часть документов этого периода впервые была введена в научный оборот в рамках международных научных проектов и опубликована в переводе на английский язык либо в виде тематических подборок, либо в качестве приложений к документальным обзорам, снабжённых пространными комментариями историков, впервые работавших с этими документами. Эта практика не была уникальной — таким же путём были введены в научный оборот многие относящиеся к интересующей нас теме документы социалистических государств. Поскольку доступ к оригиналам некоторых из этих документов по ряду причин в настоящий момент ограничен, ссылки на них приведены по англоязычным версиям.

ровавшиеся в отечественной и зарубежной историографии представления о причинах незавершённости процесса мирного урегулирования в Корее по окончании войны 1950–1953 годов и той роли, которую сыграли США в закреплении раскола Корейского полуострова.

1

Корейская война началась в 1950 г. как конфликт двух соперничавших в процессе объединения страны политических режимов: Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и Республики Корея (РК). Очень быстро это противостояние было интернационализировано. Первые меры по оказанию помощи Сеулу США предприняли сразу, как только в Вашингтоне стало известно о вторжении с севера на территорию Республики Корея. Администрации Г. Трумэна потребовалось меньше суток на подготовку решения оказать южнокорейской армии полномасштабную поддержку с воздуха к югу от 38-й параллели. Документальное оформление интернационализации корейского конфликта в ООН заняло чуть больше недели.

В итоге на стороне Южной Кореи в составе коалиции ООН сражались представители 17 государств². Численность союзных войск никогда не превышала 10% от суммарной численности южнокорейской армии и американского контингента. Соединённые Штаты были заинтересованы в демонстрации единства международного сообщества в деле «отражения коммунистической агрессии» и даже выражали готовность взять на себя логистику всей коалиции, хотя «удовлетворение национальных вкусов» нередко представляло значительные сложности для снабженцев армии США [Gough 1987: 120].

С самого начала в войну в Корее были вовлечены также СССР и КНР. Решение о начале войны было санкционировано Москвой, а после серьёзных поражений северокорейской армии в сентябре 1950 г. китайские народные добровольцы стали самым крупным по численности воинским контингентом на полуострове. В воздушных боях с американцами принимали участие советские лётчики и части ПВО, присутствовал значимый контингент военных советников из СССР.

Соглашение о перемирии было подписано в Пханмунджоме 27 июля 1953 года. Ему предшествовали длительные дебаты как между представителями воюющих сторон, так и внутри каждой из коалиций [Wells 2020: 230–231]. Перемирие предусматривало прекращение огня и создание демилитаризованной зоны вдоль линии соприкосновения войск ООН с силами коммунистов. Вопрос о восстановлении единства страны должен был рассматриваться на следующем этапе урегулирования в ходе международной политической конференции³. Предварительное согласование подходов к решению этой проблемы в ООН происходило во время работы специальной сессии Генеральной Ассамблеи в августе 1953 года [Whittaker 1995: 45].

Наиболее острые дискуссии вызвали вопросы участия в конференции Индии и СССР. США последовательно ориентировались на позицию южнокорейских властей, выступавших против приглашения «прокоммунистической», с точки зрения южнокорейского президента Ли Сынмана, Индии⁴. В свою очередь, страны, воевавшие в составе коалиции ООН, настаивали на привлечении Дели к переговорам и подчёркивали его прямую заинтересованность в мирном урегулировании как нейтральной

² В составе коалиции ООН воевали Австралия, Бельгия, Великобритания, Голландия, Греция, Дания, Италия, Канада, Колумбия, Люксембург, Новая Зеландия, Норвегия, США, Турция, Франция, Филиппины, Таиланд. Индия направила в распоряжение коалиции полевой госпиталь, но, соблюдая нейтралитет, такой же госпиталь направила в Северную Корею.

³ Armistice agreement (July 27, 1953) URL: <http://www.koreanwar-educator.org/topics/armistice/armistice.pdf> (accessed: 07.12.2020).

⁴ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1952–1954. Vol. XV. Part 2. Wash.: GPO, 1984. P. 1469.

стороны, председательствующей в Комиссии по репатриации⁵ [Barnes 2014: 217]. Особенно активно эту позицию отстаивала делегация Франции⁶. Конец разногласиям положил представитель Индии в ООН В.К. Менон, который, понимая, что необходимые для положительного решения две трети голосов на заседании Генеральной Ассамблеи набрать не удастся, заявил об отказе его страны от участия в конференции⁷ [Barnes 2014: 220].

В отношении СССР Генеральная Ассамблея приняла компромиссное решение. Британцы настаивали на формате круглого стола и присутствии делегации СССР [Barnes 2014: 217], американцы считали, что о приглашении Советского Союза на этот форум должны позаботиться КНР и КНДР⁸. Итоговая формулировка содержала рекомендацию, «чтобы СССР принял участие в политической конференции по Корее», если того пожелает «другая сторона». Под другой стороной подразумевались правительства КНР и КНДР. Двусмысленность такой формулировки советскую делегацию не устраивала. Впрочем, ни одна из сторон, участвовавших в этих дебатах, не была удовлетворена достигнутым результатом, включая администрацию США, не желавшую вступать в какие бы то ни было переговоры с руководителями КНР, ссылаясь на нелегитимность её правительства и отсутствие дипломатических отношений с ним [Barnes 2014: 230].

Конечный вариант резолюции 711 ГА ООН от 28 августа 1953 г. рекомендовал «правительствам заинтересованных стран обеих сторон» созвать политическую конференцию «для урегулирования путём переговоров вопросов, касающихся вывода из Кореи всех иностранных вооружённых сил, мирного урегулирования корейского вопроса и т. д.». Оговаривалось, что конференция должна начать свою работу не позднее 28 октября 1953 г. в приемлемом для обеих сторон месте⁹. Обсуждение спорных вопросов на площадке Генеральной Ассамблеи показало, что американская делегация располагает достаточными ресурсами для того, чтобы без серьёзного обсуждения блокировать продвижение предложений и поправок, исходящих от СССР и ориентированных на него государств. В то же время вскрылись разногласия среди участников возглавляемой США коалиции.

2

В Вашингтоне осознавали, что на переговорах в Женеве делегации США и их союзникам придётся иметь дело с хорошо подготовленными и неуступчивыми оппонентами. В Москве, Пекине и Пхеньяне не делали секрета из того, что конечной целью конференции там считают такое объединение страны, которое создаст возможность для распространения власти коммунистов на весь полуостров. Для США и их союзников (за исключением правителей Южной

⁵ Комиссия нейтральных государств по репатриации военнопленных (Neutral Nations Repatriation Commission, NNRC) была создана в соответствии с предложением ГА ООН в составе представителей Индии, Швеции, Швейцарии, Польши и Чехословакии для урегулирования процедур обмена пленными в Корее в результате подписания перемирия 27 июля 1953 года. Memorandum of conversation between Sir Roger Makins and the Secretary. August 6, 1953 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4288. 795.00/7–3053.

⁶ Memorandum of conversation. Further Elaboration of French views re Post Korean Armistice Political Conference. July 31, 1953 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4288. 795.00/7–3153.

⁷ FRUS 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1503.

⁸ Telegram from Lodge to Secretary of State. August 12, 1953 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4289. 795.00/8–1253; Dulles to US UN. August 14, 1953 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4289. 795.00/8–1353.

⁹ Резолюции, принятые по докладу первого комитета. 711 (VII). Корейский вопрос. URL: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/711\(VII\)&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/711(VII)&Lang=R) (дата обращения: 07.12.2020).

Кореи), пришедших к выводу о бесперспективности продолжения боевых действий на полуострове ещё на стадии подготовки перемирия, это означало, что приоритет в решении корейской проблемы смещается в сторону политических решений, которые во многом зависели от настроения советских, северокорейских и китайских дипломатов.

Руководители социалистических государств приступили к обсуждению перспектив политической конференции ещё до подписания соглашения о перемирии. 17 июля постоянный представитель СССР в ООН А.Я. Вышинский и первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко подготовили для министра иностранных дел В.М. Молотова пакет предложений по корейскому вопросу. Конечной их целью было проведение общекорейских выборов под надзором международной комиссии, вывод иностранных войск, помощь ООН делу восстановления экономики страны. Предполагалось, что по вопросу о принципах урегулирования решение будет приниматься на консенсусной основе представителями двух Корей, КНР и стран-участниц Московского совещания министров иностранных дел 1945 года¹⁰. Допускалось приглашение на конференцию делегаций нейтральных стран [Волохова 2015].

КНДР и КНР в целом поддерживали идеи Кремля. Перед началом Женевской конференции в Москве прошли закрытые переговоры руководителей СССР и КНР, для участия в которых в столицу СССР прилетал премьер Госсовета и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай [Галенович 2018: 573–575]. Было согласовано, что желательный для китайцев формат

переговоров предполагает участие одиннадцати стран: США, Советского Союза, Великобритании, Франции, КНР, Индии, Польши, Бирмы, Швеции, КНДР и Республики Корея¹¹. Заседания предлагалось проводить за круглым столом, а решения принимать на основе согласия воюющих сторон. При этом если Ким Ирсен в первую очередь обращал внимание на решение вопроса мирного объединения Кореи, то в Пекине рассчитывали, что политическую конференцию можно будет использовать также для торга по проблемам Тайваня и передачи КНР права представлять Китай в ООН, включая статус постоянного члена Совета Безопасности¹². Участие в переговорах в статусе нелегитимного и неравноправного участника, на чём изначально настаивала американская сторона, в Пекине считали неприемлемым.

Предварительные переговоры по вопросам организации политической конференции в Женеве велись в Пханмунджоме¹³. В начале сентября в Госдепартаменте была создана специальная должность помощника госсекретаря по подготовке политической конференции, которую занял адвокат А. Дин¹⁴. Переговоры «стороны ООН», ведомой американскими дипломатами, с делегациями КНР и КНДР начались в соответствии с 711-й резолюцией 26 октября. Характерно, что американцы допустили южнокорейского представителя в состав своей делегации, но не предоставили ему право голоса или даже слова, тем самым дав понять, что намерены всецело контролировать переговорный процесс и исключить любые попытки Сеула дестабилизировать ситуацию¹⁵.

¹⁰ На совещании были приняты решения, определившие подходы стран-победительниц во Второй мировой войне к процессу послевоенного устройства Кореи в 1945–1947 годах. На нём присутствовали министры иностранных дел СССР, США и Великобритании.

¹¹ Изначально вместо Швеции и Польши рассматривались Швейцария и Чехословакия [см.: Волохова 2015].

¹² FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1496.

¹³ Communists Asked Again for Views on Time and Place of Conference // Department of State Bulletin. Vol. 29. № 744. P. 422; US Representative to Meet with Communists at Panmunjom // Department of State Bulletin. Vol. 29. № 748. P. 550–551.

¹⁴ Carl W. McCardle to the Secretary. September 12, 1953 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4289. 795.00/9–1253.

¹⁵ FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1541.

Встречи проходили в напряжённой атмосфере. Общение на переговорном пункте демаркационной линии в Пханмунджоме сильно отличалось от привычных форм дипломатической коммуникации – каждая делегация сидела на своей стороне границы, которую нельзя было пересечь без разрешения, и покидала здание через отдельный выход. Отсутствовали любые элементы неформального общения и обмена мнениями. Дин предполагал, что коммунисты умышленно демонстрировали твёрдость и стремление следовать протоколу времён переговоров о перемирии¹⁶, дабы показать американцам невозможность построения конструктивного взаимодействия в отсутствие представителей нейтральных стран. В итоге обмен мнениями сводился к выдвиганию взаимонепримлемых предложений. Договориться удалось лишь о повестке переговоров, а также о том, что итоговое соглашение должно иметь пакетный характер и включать все аспекты процедур и регламента политической конференции [Волохова 2015].

Общественное мнение стран Содружества наций¹⁷ с пессимизмом воспринимало ход переговоров в Пханмунджоме¹⁸. Приняв во внимание трудности диалога США с коммунистами, эти страны выдвинули предложение возобновить обсуждение корейской проблемы в ГА ООН, включая и

вопрос о созыве политической конференции¹⁹. Американцы в ответ заявили, что осуществление данной идеи лишь приведёт к новому столкновению малосовместимых позиций коммунистов, индийцев и командования ООН. В контексте вопроса о политической конференции американцы опасались, что компромиссные предложения, которые могут внести Менон или коммунисты, расколют коалицию государств, направивших свои войска на полуостров под эгидой Организации Объединённых Наций²⁰. Дальнейшее развитие событий показало, что основания для подобных опасений имелись.

З

Коммунисты сделали свой ход на Берлинском совещании министров иностранных дел (25 января – 18 февраля 1954 года), инициатором созыва которого выступила Москва. В первую очередь это мероприятие было посвящено проблемам германского урегулирования и коллективной безопасности в Европе. Британский историк Дж. Робертс рассматривает данную дипломатическую акцию СССР как часть начавшейся вскоре после смерти И.В. Сталина кампании в пользу завершения «холодной войны» [Робертс 2008: 35–75]²¹. Одной из её составляющих было советское предложение провести «совещание пяти держав

¹⁶ Возможно, предположение Дина не было лишено оснований. По мнению Ю. М. Галеновича, основанному на воспоминаниях Ши Чжэ (М.А. Карского), бывшего переводчиком при государственных руководителях КНР на многих переговорах этого периода, руководитель КНДР Ким Ирсен не проявлял готовности к продвижению переговоров о мире, предпочитая ограничиться перемирием, предположительно согласовывая свою позицию с лидером КНР Мао Цзэдунгом [см.: Галенович 2018: 577].

¹⁷ Воинский контингент Великобритании и государств, входящих в состав Содружества наций, в коалиции ООН занимал обособленное положение. По ряду принципиальных вопросов Правительства Соединённого Королевства также занимало особую позицию. В частности, оно, в отличие от США, выступало против использования ядерного оружия и встало на путь дипломатического признания КНР [см.: Foot 1986: 43–44, 57].

¹⁸ Aldrich to Secretary of State. November 6, 1953 // U.S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4290. 795.00/11–653.

¹⁹ FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1734.

²⁰ Ibid. P. 1728–1729.

²¹ Смерть Сталина часто называют решающей причиной прекращения Корейской войны и начала переговоров о заключении мира [см.: Wells 2020: 231]. Более аргументированным, однако, представляется предположение, согласно которому решение о целесообразности прекращения войны «было принято Москвой и Пекином уже в 1952, а ... смерть Сталина только существенно ускорила процесс выхода из войны» [см.: Szalontai 2005: 39; Weathersby 1998: 108–109].

с участием Китайской Народной Республики по вопросу о мерах уменьшения напряжённости в международных отношениях», которое занялось бы вопросами разоружения, актуальными региональными проблемами и международной торговлей²².

На Западе резкая смена курса Москвы воспринималась с подозрением. Считалось, что СССР стремится подорвать единство США, Франции и Великобритании. Советские инициативы всерьёз не рассматривались, предлагалось исходить из того, что Москва по-прежнему предана делу мирового коммунизма [Быстрова 2007: 446; Ruane 1994: 155]. В начале декабря 1953 г. на совещании с главами правительств Великобритании и Франции, состоявшемся на Бермудских островах, президент Д. Эйзенхауэр в недипломатичных выражениях заявил о неизменности внешней политики Кремля и о намерении США «вышвырнуть СССР» с того места, которое он занял в мировой политике «на политические задворки». Солдатская прямота президента покорила европейцев, склонных пользоваться политическими эвфемизмами и «никогда раньше не слышавших подобных формулировок на дипломатических конференциях» [Graebner 2019: 2017].

Неловкость усугублялась тем, что свой антисоветский выпад Эйзенхауэр сделал в ответ на реплику У. Черчилля, предложившего придерживаться в отношении СССР двойственного подхода и, сжимая атомную бомбу в одной руке, другую всё же протянуть для рукопожатия. У присутствовавших этот эпизод оставил неприятный осадок; в памяти участников совещания живы были воспоминания о Второй мировой войне и той роли, которую сыграл Черчилль, будучи военным лидером Великобритании и членом «большой тройки». Тем не менее умудрённый опытом британский политик предпочёл «спустить ситуацию на тормозах»: он не стал полемизировать

со «старым боевым товарищем», в своё время командовавшим экспедиционными силами в Европе, а сейчас фактически возглавившим интернациональную коалицию в Корейской войне. Вместо этого в негибкой и воинственной позиции, занятой руководством США, Черчилль обвинил госсекретаря Д.Ф. Даллеса, дипломатические дарования которого оценивал крайне невысоко [Манчестер и др. 2016: 1096–1098]. Мнение главы британского кабинета в дальнейшем оставалось неизменным, и это обстоятельство наложило отпечаток на взаимоотношения между членами коалиции ООН на более поздних этапах переговоров.

Союзникам Вашингтона приходилось учитывать общественное мнение в своих странах, призывавшее правительства прекратить «холодную войну». В.О. Печатнов, А.С. Маныкин и Н.И. Егорова подчёркивают, что именно нажим европейских союзников на Вашингтон сыграл решающую роль в возникновении непродолжительной «оттепели» 1954–1955 годов [Печатнов и др. 2012: 352; Егорова 2016: 85–88]. За созыв совещания с целью «ослабления международной напряжённости» в ноябре 1953 г. высказывалось и «большинство американского народа» – 79% [Быстрова 2007: 447].

В преддверии переговоров в Берлине американцы старались твёрдо противостоять любым попыткам ползучего признания КНР великой державой²³. Бескомпромиссность США вызвала беспокойство министра иностранных дел Великобритании Э. Идена. 23 января 1954 г. он написал в своём дневнике об опасности даже небольших разногласий между союзниками. Вариант пятистороннего совещания он считал предпочтительнее возвращения корейского вопроса на рассмотрение ГА ООН²⁴. Министр иностранных дел Франции Ж. Бидо, со своей стороны, заявлял, что понимает аргументы против созыва

²² FRUS. 1952–1954. Vol. VII. Part 1. P. 842.

²³ McConaughy to Ogburn. January 19, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4292. 795.00/1–1954.

²⁴ *Eden A. Full Circle*. L.: Cassel, 1960. P. 62–63.

конференции такого рода, но настрой французского общественного мнения²⁵ не позволяет ему отмахнуться от «почётных переговоров» с коммунистическим Китаем. Французов тогда беспокоил и фактор времени: положение дел в Индокитае заставляло искать быстрые решения, а не ждать, пока завершатся корейские переговоры²⁶.

В итоге к началу Берлинского совещания позиция стран «свободного мира» так и не была полностью гармонизирована. США пришлось согласиться с созывом широкоформатной конференции для обсуждения связанных с Дальним Востоком международных проблем при условии, что КНР будет присутствовать на ней как региональный игрок, а не как одна из пяти великих держав²⁷. На заседании 27 января они отвергли советское предложение об организации пятисторонней конференции в предложенном СССР формате²⁸. Тем не менее Молотов не собирался сдаваться. Американцам он доказывал ненормальность текущего состояния их отношений с КНР, а французам демонстрировал готовность выступить в роли посредника между ними, с одной стороны, и китайскими и вьетнамскими коммунистами — с другой²⁹.

Лидеры США усматривали прямую связь между предложением советской стороны провести конференцию и тупиком Пханмунджомских переговоров³⁰, поэтому дипломатическое сплочение союзников они считали обязательным условием достижения приемлемых решений по всем вопросам предполагаемой повестки. Но Даллесу так и не удалось привести их к согла-

шанной позиции. В итоге он решил сменить тактику и сосредоточить усилия на организации политической конференции по Корею с участием пяти держав³¹. 30 января 1954 г. он сообщил союзникам план, согласно которому отвергалась возможность создания какого-либо пятистороннего органа для решения мировых проблем на постоянной основе. В то же время Корея, по его мнению, была подходящим поводом для переговоров с «китайскими коммунистами ... без официального дипломатического признания». Для этого четыре присутствовавших на Берлинском совещании министра иностранных дел должны были пригласить представителей КНР, КНДР, РК, а также иных принимавших участие в Корейской войне стран для обсуждения условий урегулирования. Впоследствии эта конференция могла заняться и индокитайским вопросом³².

Французы дополнили американский проект итоговой резолюции совещания положением о переходе к обсуждению индокитайской проблематики практически сразу после завершения корейской фазы конференции³³. 8 февраля проект резолюции был вынесен на обсуждение министров четырёх держав и ожидаемо отвергнут советской делегацией. Молотов категорически возражал против формулировки, фактически отказывавшей в признании КНР одной из великих держав. Он также не был согласен с предложенным составом приглашённых участников и протестовал против упоминания резолюции ГА ООН от 28 августа 1953 года, в своё время не поддержанной советской делегацией³⁴.

²⁵ В ноябре 1953 г. Национальное собрание Франции потребовало от правительства проработать любую доступную возможность индокитайского урегулирования. FRUS. 1952–1954. Vol. VII. Part 1. Wash.: GPO, 1984. P. 819.

²⁶ Ibid. P. 790–791.

²⁷ Ibid. P. 786.

²⁸ Ibid. P. 840–842, 844.

²⁹ Ibid. P. 833, 834, 882–884, 891–892.

³⁰ Dulles from Berlin to Secretary of State. January 31, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4292. 795.00/1–3154.

³¹ FRUS. 1952–1954. Vol. VII. Part 1. P. 847–848.

³² Ibid. P. 891–892.

³³ Ibid. P. 954, 964–965.

³⁴ Ibid. P. 996.

11 февраля советская сторона внесла собственный проект решения, принципиально отличавшийся от американского: конференцию по корейской и «другим неотложным проблемам, связанным с восстановлением мира в различных районах Азии», предлагалось организовать в пятистороннем формате с приглашением «заинтересованных стран»³⁵.

Министры западных государств в ответ предложили франко-британские компромиссные проекты резолюции, в которых были смягчены или вовсе исключены положения, вызывавшие возражения СССР при сохранении твёрдой позиции по вопросу о великих державах. Потенциальные страны-участницы конференции, включая государства полуострова, были перечислены в общем списке, причём КНР шла пятой по счёту, следом за СССР³⁶. 17 февраля Молотов заявил о согласии с первыми двумя параграфами документа, которые относились непосредственно к корейской проблеме, а на следующий день были устранены последние разногласия³⁷. Местом проведения конференции была определена Женева, её открытие было намечено на 26 апреля 1954 года³⁸.

В КНР с одобрением восприняли результаты Берлинского совещания. 2 марта 1954 г. на заседании секретариата ЦК КПК Чжоу Эньлай расценил их как великое достижение советской дипломатии, благода-

ря которому Женевская конференция должна стать первым важным международным мероприятием, в котором КНР примет участие в качестве равноправной стороны. Всё это отлично вписывалось в рамки продвигаемой властями КНР концепции мирного сосуществования [Shen Zhihua 2015: 141, 209]. Кроме того, и китайская и советская делегации использовали факт достигнутых согласований для того, чтобы в дальнейшем утверждать, что конференция в Женеве не связана с неприемлемыми для них резолюциями ГА ООН, поскольку её созыв стал возможен только после опубликования 18 марта коммюнике совещания министров иностранных дел Франции, Англии США и СССР в Берлине³⁹. Относительно программы корейского устройства Чжоу говорил о поддержке идеи мирного объединения страны, проведении свободных выборов, критикуя военные амбиции Ли и американо-южнокорейский договор о взаимной обороне, подписанный 1 октября 1953 года⁴⁰. 4 марта правительство КНР официально заявило о согласии на участие в конференции⁴¹.

Ли Сынмана о деталях переговоров в Берлине не информировали. Текст подписанного в Берлине соглашения он получил вечером 19 февраля. Посол США в Сеуле Э. Бриггс сообщал в Вашингтон, что после ознакомления с этим документом южнокорейский президент выглядел «скорее опе-

³⁵ FRUS. 1952–1954. Vol. VII. Part 1. P. 1193.

³⁶ Ibid. P. 1106.

³⁷ Ibid. P. 1147, 1163–1164.

³⁸ The Avalon Project: Indochina — Plans for the Geneva Conference on Korea and Indochina: Quadripartite Communique of the Berlin Conference, February 18, 1954 URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/inch018.asp (accessed: 07.12.2020).

³⁹ См., например: Еще раз о Корейском вопросе. Заявление В.М. Молотова на Женевском совещании министров иностранных дел, 11 мая 1954 года // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Материалы Международного совещания министров иностранных дел о восстановлении мира в Корее и Индо-Китае (апрель–июль 1954 г.). Т. I. Л. 160.

⁴⁰ Preliminary Opinions on the Assessment of and Preparation for the Geneva Conference, Prepared by the PRC Ministry of Foreign Affairs (drafted by PRC Premier and Foreign Minister Zhou Enlai) [Excerpt], March 02, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, PRC FMA 206-Y0054. Translated by Chen Zhihong. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/11963> (accessed: 07.12.2020); The Geneva Conference of 1954. New Evidence from the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // Cold War International History Project Bulletin, Issue 16. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/CWIHPBulletin16_p1_1.pdf P. 11–13. (accessed: 07.12.2020).

⁴¹ Советско-китайские отношения. 1952–1955. М.: Книгоград, 2015. С. 171–172.

чаленным, нежели злым». Он согласился с предложенными подходами к организации конференции и выразил уверенность в её конечном провале⁴². Участие делегации Южной Кореи в этой конференции тем не менее оставалось под вопросом вплоть до 18 апреля 1954 года, когда, в обмен на обещание Вашингтона расширить масштабы помощи⁴³, Сеул выпустил официальное заявление о намерении направить своих представителей в Женеву [Юнгблюд и др. 2019].

Проявленная США уступчивость в корейском вопросе была следствием сочетания ряда факторов. *Во-первых*, такой компромисс не противоречил стратегической линии Вашингтона в АТР, которая выкристаллизовалась задолго до Берлинского форума, ещё в июле–ноябре 1953 года, в процессе исключительных по эмоциональному накалу переговоров между администрацией Эйзенхауэра и президентом Республики Корея Ли Сынманом, когда дипломатии США пришлось одновременно решать несколько задач, главной из которых было создание региональной системы сдерживания коммунизма. Южной Корее в ней отводилась важная роль. В процессе этих переговоров Соединённые Штаты выработали общие принципы политики в отношении Корейского полуострова (СНБ 154/1 и СНБ 170/1), которые признавали существование двух Корей и наличие демилитаризованной зоны. Объединение страны этот план не предполагал. Данный подход лежал в основе позиции США накануне Женевской конференции и, по сути, стал аргументом в пользу политического оправдания курса на умиротворение Ли Сынмана в конце 1953 – начале 1954 года [Юнгблюд и др. 2019]. В отношениях с Южной Кореей США на этом этапе смогли чётко ограничить свои союзнические обязательства сохранением на полуострове *status quo* и фактически исключили возможность возникновения ситуаций, при которых им пришлось бы «защищать ревизионистские

порывы» Республики Корея [Kim 2011: 362, Rapp-Hooper 2020: ch. 2].

Вторым существенным обстоятельством, побуждавшим руководство США проявлять гибкость и осмотрительность, стал настрой европейских союзников, стал первой очередь Великобритании и Франции, ориентированных на скорейшую нормализацию обстановки в Корее. Давление с их стороны было ощутимым, и Вашингтон не мог его игнорировать, поскольку от прочности отношений с ними во многом зависели не только его региональные планы, но и глобальная стратегия в целом. В этом контексте особенно значимой представлялась позиция Великобритании, игравшей ключевую роль в НАТО, а также способной оказывать определяющее влияние на Австралию и Новую Зеландию, с 1951 г. связанных с США Тихоокеанским пактом безопасности (АНЗЮС) [Robb and others 2019 : ch. 6].

Решение о процедуре созыва и составе участников политической конференции по Корее стало, таким образом, результатом советского стремления ввести КНР в круг великих держав, оппозиции руководства США этим намерениям вкупе с его стремлением утвердить свою лидирующую роль в коалиции, французских надежд выпутаться из ситуации в Индокитае и британского стремления к компромиссу. В итоге Берлинское совещание министров иностранных дел позволило преодолеть тупик, наметившийся в ходе диалога представителей США и КНР в Пханмунджоме.

4

Разработка американского плана корейского урегулирования, предназначенного для обсуждения на конференции, началась в марте 1954 года. Базовая позиция США стала продолжением предшествующих предложений Вашингтона, выраженных в резолюциях ГА ООН за 1947–1953 годы, а в особенности в резолюции № 376. Она предусматривала создание Комиссии ООН

⁴² FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. Wash.: GPO, 1981. P. 18–19.

⁴³ Ibid. P. 104.

по объединению и восстановлению Кореи, состоявшей из представителей Австралии, Нидерландов, Пакистана, Таиланда, Турции, Филиппин и Чили⁴⁴. Такой подход позволял обеспечить определённую легитимность предложениям Вашингтона, а также прямо поддержать позицию Республики Корея⁴⁵.

В основу американского плана был положен меморандум СНБ-154/1, утверждённый Эйзенхауэром 3 июля 1953 года⁴⁶. В СНБ оптимистично полагали, что коммунисты могут согласиться на предложенный сценарий, поскольку маленькая и ослабленная войной независимая Корея для них серьёзной угрозы не представляла. Гораздо более опасным для КНР, как и для СССР, могло показаться развёртывание на юге полуострова американских баз. Кроме того, согласие на урегулирование продемонстрировало бы на практике мирную природу внешней политики КНР, позволило бы ослабить экономические санкции и начать переговоры по тайваньской проблеме⁴⁷. Потеря «северокорейского сателлита», безусловно, стоила бы коммунистам престижа, но компенсировалась экономией средств, необходимых для восстановления Севера⁴⁸. Американцы старались избежать того, чтобы в глазах мирового общественного мнения их несговорчивость была воспринята столь же негативно, как и непримиримость коммунистов⁴⁹.

Фактически объединение страны должно было осуществиться путём присоеди-

нения КНДР к Югу под наблюдением вышеуказанной комиссии. США собирались вести переговоры с позиции силы, а предложенный подход был заведомо неприемлем для коммунистов, которые не поддержали ни одну из корейских резолюций ООН. Предлагавшаяся в качестве значительной уступки нейтрализация страны должна была стать, по сути, номинальной и воспринималась в Москве и Пекине как путь к созданию враждебного им государства [Волохова 2015]. Там были хорошо осведомлены о фанатичном антикоммунизме Ли Сынмана, исключавшем возможность бескровного объединения, осознавали потенциальную угрозу сохранения тесных связей США и единого корейского государства, не говоря уже о том, что при таком повороте событий транслируемый коммунистической пропагандой тезис о «победе лагеря мира» легко трансформировался в констатацию очевидного поражения⁵⁰.

В начале апреля был запущен процесс обсуждения идей СНБ и Госдепартамента с партнёрами США по коалиции ООН. Сеул, занятый выторговыванием уступок в обмен на участие в Женевской конференции, воздержался от участия в консультациях с Соединёнными Штатами. Вашингтон связывал это с желанием Ли Сынмана сохранить определённую свободу рук⁵¹.

Консультации с коллегами из Великобритании и Франции Даллес провёл лично, посетив Лондон и Париж в середине апреля 1954 года. В ходе переговоров госсекре-

⁴⁴ Резолюции, принятые по докладом первого комитета. 376 (V). Вопрос о независимости Кореи. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/376%28V%29> (дата обращения: 07.12.2020).

⁴⁵ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 68.

⁴⁶ FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1341–1343.

⁴⁷ Korean Political Conference. Analysis of bargaining strength of both sides // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/3–354.

⁴⁸ К примеру, 3 августа 1953 ЦК КПСС выделил один миллиард рублей на восстановление КНДР. См.: «Protocol No. 22 of a Meeting of the Special Committee Under the Council of Ministers of the USSR», August 03, 1953, History and Public Policy Program Digital Archive, Archives of the President of the Russian Federation. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112931> (дата обращения: 07.12.2020).

⁴⁹ Ogburn to Robertson. March 2, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/3–254.

⁵⁰ FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1345.

⁵¹ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 93.

тарь подчёркивал твёрдость американской позиции по корейскому вопросу и призвал хотя бы на старте поддержать план США и предложения Республики Корея, полагая таким образом обеспечить пространство для торга с коммунистами.

Вплоть до открытия Женевской конференции Франция так и не сформулировала чёткой позиции по корейскому вопросу, но Вашингтон рассчитывал на её поддержку в обмен на помощь США по проблеме Индокитая⁵². С критикой планов Соединённых Штатов выступили представители Великобритании и Содружества наций. Они резко возражали против использования американского плана даже в качестве тактической меры и не поддержали идею распространения власти Юга на Север. Предпочтительнее для Содружества было создание единого корейского государства на основе нового учредительного акта⁵³. На случай провала переговоров об объединении Великобритании предлагала достичь хотя бы промежуточных соглашений с коммунистами, которые бы уменьшили международную напряжённость, смягчили последствия тупика и продемонстрировали определённый прогресс в решении проблемы⁵⁴. Партнёры США по корейской войне не горели желанием продолжать платить высокую цену за объединение этой дальневосточной страны на условиях Юга [Lee 1995: 253]⁵⁵.

Базу для потенциального компромисса предложил посол США в Чехословакии У.А. Джонсон, ранее работавший в дальневосточном отделе Госдепартамента и координировавший работу делегации США на Женевской конференции. Он предложил провести одновременные выборы на Севе-

ре и Юге в Национальное собрание Республики Корея на основе южнокорейских законов; процесс мог быть дополнен параллельными выборами общекорейского президента. Этот подход не подрывал государственных основ Юга, мог устроить Ли Сынмана и снискать достаточную международную поддержку⁵⁶.

Эту идею поддержал Даллес. В итоге к началу Женевской конференции американцы подходили сразу с тремя планами урегулирования. Первый («План А») был основан на позиции Ли Сынмана и подразумевал присоединение Севера к Югу. Второй, компромиссный («План В»), был основан на предложении Джонсона. «План С», наиболее приемлемый для стран Содружества наций, заключался в проведении всеобщих выборов в Учредительное собрание и создании нового корейского государства. Все три плана предусматривали постепенный вывод иностранных войск с территории полуострова, однако в первых двух случаях он должен был начаться (но не завершиться) ещё до проведения выборов. Для Ли этого было недостаточно. В инструкциях для южнокорейской делегации в Женеве говорилось, что полный вывод китайских коммунистов из Кореи – требование принципиальное, а потому необходимо добиться обещания американцев не идти на урегулирование до этого⁵⁷. Идти навстречу этим пожеланиям в Вашингтоне были не готовы⁵⁸.

Важным отличием «Плана С» от первых двух было то, что он должен был осуществляться под надзором новой, специально созданной комиссии, а не уже существовавшей Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи. Тактика делегации

⁵² FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 93.

⁵³ Ibid. P. 81, 93–94.

⁵⁴ MacArthur to the Secretary. March 31, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/3–3154.

⁵⁵ О позиции премьер-министра Великобритании У. Черчилля см., например: The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953–1955. Chapel Hill; L.: UNC Press, 1990. P. 41–42, 59. О разногласиях в рядах «коалиции неравных» см. [Pembroke 2018: 140–141].

⁵⁶ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 94.

⁵⁷ Ibid. P. 146.

⁵⁸ Ibid. P. 116.

США в Женеве должна была свестись к тому, чтобы дожидаться первых ходов коммунистов, а затем выложить на стол «План А». После того, как предложение коммунистов и американский план окажутся взаимонеприемлемыми, американцы готовы предложить «План В» в качестве компромиссного. «План С» считался резервным и предназначался на случай, если коммунисты продемонстрируют реальное стремление достигнуть компромисса по корейской проблеме⁵⁹.

Б

Согласование позиций СССР и КНР происходило в первой половине весны 1954 года. 6 марта министр иностранных дел СССР Первый заместитель председателя Совета Министров В.М. Молотов беседу с китайским послом в Москве Чжан Вэньтяном начал с вопроса о том, имеет ли смысл выдвижение предложения о создании единого временного правительства для всей Кореи на базе равноправного представительства Севера и Юга. При этом Молотов сослался на имевшуюся у него информацию о том, что Ким Ирсен не будет приветствовать проведение всеобщих свободных выборов⁶⁰.

В результате Москва и Пекин согласились, что в первые дни конференции делегации КНДР следует предложить план мирного объединения страны. Первым шагом должен был стать вывод с полуострова всех иностранных войск в течение шести месяцев. За это время необходимо было созвать специальную комиссию из

представителей Севера и Юга, которая занялась бы разработкой избирательного закона, обеспечением свободы проведения плебисцита, налаживанием связей между КНДР и Республикой Корея. Все принимавшие участие в конфликте страны должны были оказать помощь в этом деле⁶¹.

Требование разработать новый избирательный закон было принципиально важным, поскольку существовавшая в Республике Корея мажоритарная система фактически гарантировала доминирование сторонников правых сил на любых южнокорейских выборах. С учётом соотношения численности населения Севера и Юга такая победа делала предсказуемым общекорейский результат. Итоговая советская программа-максимум, поддержанная руководством КНР, включала достижение договорённостей о проведении всеобщих выборов и объединении Кореи, а «план Б» предусматривал консервирование сложившейся ситуации, поэтапный вывод иностранных войск и развитие связей между двумя Кореями⁶².

В американском анализе потенциальных задач коммунистов в Женеве, подготовленном сотрудником Госдепартамента У. Стесселем-мл.⁶³, цели делегаций стран социалистического лагеря резюмировались следующим образом:

- 1) закрепить за КНР статус великой державы;
- 2) добиться вывода иностранных войск из Кореи;
- 3) закрепить *status quo* на полуострове;
- 4) внести раздор в ряды союзников США;

⁵⁹ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 131–139.

⁶⁰ Telegram, PRC Ambassador to the Soviet Union and Vice Foreign Minister Zhang Wentian to the PRC Foreign Ministry, Zhou Enlai and the CCP Central Committee, "Reporting the Preliminary Opinions of Our Side on the Geneva Conference to the Soviet Side," 6 March 1954 // Cold War International History Project Bulletin. 2008. Issue 16. P. 13.

⁶¹ "The Restoration of the National Unity of Korea and the Holding of National Elections," 1954, History and Public Policy Program Digital Archive. AVPRF. F. 06. Op. 13, D. 5. Papka 69. P. 13–20. Translated for NKIDP by Gary Goldberg. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114942> (accessed 07.12.2020); FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 150; The Korean Problem at Geneva Conference. April 26 – June 15, 1954. Wash.: GPO, 1954. P. 39–40.

⁶² From the Journal of [Soviet Foreign Minister Vyacheslav M.] Molotov: Secret Memorandum of Conversation between Molotov and PRC Ambassador [to the Soviet Union] Zhang Wentian, 6 March 1954 // Cold War International History Project Bulletin. 2008. Issue 16. P. 86.

⁶³ Посол США в СССР в 1974–1976 годах.

5) максимально использовать Женеву как площадку для пропаганды⁶⁴.

Формулировка третьего пункта свидетельствует о том, что американская сторона упрощённо понимала суть советской стратегии: согласованный Москвой с руководством КНР и КНДР план изначально был нацелен не на закрепление довоенного *status quo*, а на объединение страны. Он предполагал возможность сохранения контроля над Корейским полуостровом, по этой причине такое важное место в нём отводилось мероприятиям переходного периода. Речь шла о создании условий для объединения Кореи и установлении в ней социализма. Сохранение довоенной ситуации, включая линию государственной границы между Северной и Южной Кореей по 38-й параллели, допускалось, но лишь в качестве программы-минимум.

Ни СССР, ни Китай не собирались оставлять без поддержки северокорейский режим и его лидера Ким Ирсена. В Москве, как и в Пекине, осознавали важность укрепления системы социализма. В результате в верхнюю часть списка приоритетов было включено укрепление единства компартий и социалистических государств, и, судя по всему, к решению этой задачи обе стороны отнеслись ответственно. «По важным международным проблемам китайские и советские лидеры тщательно консультировались друг с другом, чтобы соотнести свои стратегии и политические устремления. ... До конференции Чжоу Эньлай дважды посетил Москву, чтобы принять участие в серии совещаний с советскими лидерами, результатом которых стала хорошо скоординированная советско-китайская стратегия по корейскому и индокитайскому вопросам» [Chen Jian и др. 1998: 258], — отмечают современные исследователи. Наблюдавший за этими событиями с близкого расстояния Ши Чжэ подтверждает этот вывод [Галенович 2018: 575–581]. Накануне Женевской конференции и на всём протяжении её работы контакты между делегациями СССР и КНР вызвали при-

стальный интерес европейских и американских наблюдателей, тщетно пытавшихся уловить в них признаки несогласованности или неравноправия. Дипломаты и разведчики США не смогли обнаружить «никаких надёжных свидетельств» тому, что ситуация в Корее выступает «существенным источником охлаждения в отношениях между этими государствами» [Kim Heesu 1996: 145].

Б

К обсуждению корейской проблемы участники Женевской конференции приступили 27 апреля 1954 года. Американцы сразу попытались перевести обсуждение корейского вопроса из режима выступления всех желающих с пространными речами в формализованное русло. Для начала Иден, Даллес и Бидо договорились о том, что вступительные речи получат возможность произнести только те, кто заявил о желании сделать это до полудня 29 апреля. Вторым шагом должно было стать проведение консультаций между США, КНР, СССР, Великобританией, Францией и обеими Кореями. Характерно, что, озвучивая это предложение, Даллес использовал не применявшееся в официальной американской риторике словосочетание «пять держав». Тем не менее с самого начала конференции американцы пытались всячески принизить значение КНР как участника переговоров, что отражалось и на требованиях к рассадке членов делегаций, и в демонстративном отказе Даллеса пожать Чжоу Эньлаю руку [Miyoshi Jager 2013: 304].

В качестве платформы для переговоров с коммунистами Даллес предложил нейтрализацию и демилитаризацию Севера в обмен на вывод с территории полуострова войск США и отказ от размещения в Корее американских баз. Иден эту мысль не поддержал, предложив предварительно проконсультироваться с остальными членами коалиции. Бидо дал понять, что он крайне заинтересован в скорейшем достижении прогресса в переговорах, дабы полу-

⁶⁴ Soviet Objectives at the Korean Political Conference // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/3–1054.

чить возможность перейти к обсуждению проблемы Индокитая⁶⁵. Южнокорейская делегация в принципе согласилась с идеей американцев⁶⁶.

2 мая 1954 г. состоялась закрытая неформальная встреча министров иностранных дел пяти держав и обеих Корей. Дискуссия развернулась вокруг вопроса об общекокорейских выборах. Молотов и Чжоу Эньлай отвергли возможность проведения выборов под надзором ООН под тем предлогом, что данная международная организация выступает участником конфликта. В свою очередь, американцев и южнокорейцев не устраивала идея равного представительства Севера и Юга в предложенной коммунистами комиссии по проведению выборов⁶⁷.

По итогам встречи Даллес заключил, что он не увидел ни единой «трещины» в «монолитной» позиции оппонентов, так же как и желания коммунистов как-либо её изменять⁶⁸. В условиях очевидной несостоятельности изначально казавшихся наиболее перспективными форматов переговоров усилия американцев сосредоточились на формировании благоприятного для них общественного мнения. На старте конференции коммунисты в этом отношении выглядели предпочтительнее: их предложения

казались более сбалансированными, чем защищаемая США южнокорейская позиция. В публичных заявлениях Эйзенхауэр и Даллес характеризовали предложенный коммунистами план объединения Кореи как «китайскую копию» советского плана объединения Германии и указывали на неприемлемость равноправия Севера и Юга в процессе выборов в связи с большей численностью населения Республики Корея⁶⁹. Эту позицию продвигали на заседаниях в Женеве союзники США⁷⁰. В Сенате США тем временем звучали выступления о недопустимости компромиссов с «коммунистическими империалистами» — «мастерами сатанинских интриг и инфильтрации». Отказ СССР и КНР поставить выборы под контроль ООН характеризовался как «пренебрежение всеми моральными законами»⁷¹.

Параллельно с этим процессом шло согласование позиций членов коалиции ООН по американскому «Плану В»⁷². В короткие сроки представители делегации США провели серию встреч с союзниками и добились того, чтобы в защиту позиции Республики Корея на очередном пленарном заседании высказались представители Канады, Нидерландов и Эфиопии. Особенно отличился канадец Л. Пирсон, сравнивший

⁶⁵ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 152.

⁶⁶ Ibid. P. 174. В развёрнутом виде эта позиция была изложена в «Заявлении Бьон Йон Тэ, министра иностранных дел Корейской Республики 27 апреля 1954 года» // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. I. Док. № 1. Л. 4–5.

⁶⁷ План, внесённый на рассмотрение конференции делегацией КНДР, предусматривал проведение общекокорейских выборов в Национальное собрание и создание правительства объединённой Кореи, формирование для подготовки к выборам общекокорейской комиссии из представителей Северной и Южной Кореи, подготовку общекокорейского избирательного закона, вывод всех иностранных вооружённых сил с территории полуострова в шестимесячный срок. См.: Телеграмма Вл. Кузнецова от 27 апреля 1954 г. в МИД СССР «О восстановлении национального единства и проведении свободных общекокорейских выборов» // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. I. Л. 18–19; FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 176; Union of Soviet Socialist Republics, the Ukrainian Soviet Socialist Republic, the Byelorussian Soviet Socialist Republic, Poland and Czechoslovakia: joint draft resolution. 1950. 02 Oct. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1478294> (accessed: 07.12.2020).

⁶⁸ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 177.

⁶⁹ Congressional Record. Proceedings and Debates of the 83d Congress. Second Session. Vol. 100. Part 5. Wash.: GPO, 1954. P. 6233.

⁷⁰ Заявление Идена, главы делегации Великобритании 13 мая 1954 года // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. II. Л. 62.

⁷¹ Congressional Record. Proceedings and Debates of the 83d Congress. Second Session. Vol. 100. Part 5. Wash.: GPO, 1954. P. 6577.

⁷² FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 161–162; *Kenneth T. Young to Johnson and Robertson. Presentation of Draft Proposal on Korea. May 5, 1954* // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/5–554.

обвинения США в агрессии с пропагандистскими выпадами СССР и нацистской Германии в адрес Польши в сентябре 1939 г. и заявивший, что северокорейский план объединения не дает «никакой надежды на создание свободной, объединённой, демократической Кореи»⁷³.

Основная работа по согласованию предложений государств «свободного мира» проводилась в рамках американо-южнокорейских переговоров, в процессе которых подтвердились прогнозы экспертов США, предупреждавших, что южнокорейская делегация будет препятствовать попыткам договориться об объединении, нарушающем суверенитет РК или ведущем к нейтрализации страны. Для оперативной связи с Ли Сынманом и своевременного решения возникающих разногласий Даллес направил в Сеул в качестве своего личного эмиссара А. Дина⁷⁴.

Как отмечает Г. Брандс, во время конференции Ли Сынман использовал обычную для него тактику – «он угрожал, он бушевал, он оскорблял, он плакал, он выдвигал неисполнимо высокие требования» [Brands 1987: 75]. Из-за сложностей, которые создавал корейский лидер, американцы все-речь опасались, что на определённом этапе одна из делегаций выдвинет соответствующее «Плану В» предложение провести общекорейские выборы под надзором ООН с одновременным поэтапным выводом иностранных войск. Такой поворот событий вполне мог получить поддержку общественного мнения в США и в мире, подрывая позиции Вашингтона, официально продолжавшего поддерживать «План А»⁷⁵.

Международная ситуация не способствовала сговорчивости Ли Сынмана. 7 мая 1954 г. французские войска капитулировали под Дьенбьенфу. Это событие шокировало Ли⁷⁶, но укрепило его уверенность в своей значимости для США и побудило к выдвижению новых условий, в частности требования о капитуляции Корейской народной армии [Brands 1987: 79].

В начале мая стало ясно, что делегация США не в состоянии вынести на обсуждение согласованную с южнокорейскими властями программу. В стане их союзников также царил разногласия. В таких условиях американцы решили сосредоточиться на критике предложений коммунистов. Сам по себе озвученный министром иностранных дел КНДР Нам Иром план урегулирования был неудобной мишенью. Тем не менее ни в Западной Европе, ни на Юге Кореи не встретила понимание яростная критика, которую коммунисты обрушили на ООН и ту роль, которую она играла в корейском вопросе. В итоге защита Организации Объединённых Наций стала оборонительной платформой американцев.

Последние три недели конференции делегация США провела, сужая круг обсуждаемых вопросов до проблемы полномочий ООН. Такая тактика ставила Вашингтон в уязвимое положение. Стремившийся к достижению реального компромисса Иден приложил немало усилий для того, чтобы уговорить северокорейцев формально согласиться на признание миротворческой роли ООН, продвигая идеи, заложенные в основе американского «Плана С»⁷⁷.

⁷³ Заявление г-на Пирсона, министра иностранных дел Канады, 4 мая 1954 года // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. I. Док. № 17. Л. 108, 111; FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 196–200.

⁷⁴ Ibid. P. 115–117.

⁷⁵ Ibid. P. 222.

⁷⁶ Drumright to the Secretary. Discussion with President Rhee. July 23, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4294. 795.007–2354.

⁷⁷ В частности, 13 мая на очередном заседании Иден предложил пять принципов решения корейского вопроса, упомянув о целесообразности чёткого определения условий вывода войск ООН с Юга и включения в состав комиссии ООН по наблюдению за выборами представителей взаимоприемлемых и невоеввавших государств. См.: Заявление Идена, главы делегации Великобритании, 13 мая 1954 года // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. II. Л. 63–64.

FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 264.

Чжоу Эньлай, сообщая в китайский МИД о ходе переговоров, отмечал, что предложения Идена производили двусмысленное впечатление, и, хотя было очевидно, что он пытается заключить сделку, в его предложениях всё же просматривалась возможность встречных уступок⁷⁸. На определённом этапе американцам начало казаться, что британцу удастся склонить оппонентов к компромиссу: уступка со стороны коммунистов немедленно поставила бы США в сложное положение. Тем не менее требования КНДР, КНР и СССР в отношении ООН остались непоколебимыми: войска коалиции должны покинуть территорию за полгода до выборов, а сами выборы на Севере должны проходить под наблюдением «приемлемой» комиссии, а не комиссии ООН⁷⁹.

В отличие от США, уже всерьёз раздумывавших о завершении корейской фазы Женевской конференции⁸⁰, коммунисты не оставляли попыток добиться компромисса. 15 мая состоялись консультации глав делегаций СССР, КНР и КНДР, участники которых пришли к выводу о высокой вероятности тупика в переговорах в случае, если американцы продолжат настаивать на выводе иностранных войск не до, а после общекорейских выборов и

проведении последних под наблюдением ООН. Компромиссным решением, с точки зрения коммунистов, мог стать надзор за выборами со стороны нейтральных стран⁸¹. Также принципиально важным было условие предварительной разработки нового избирательного закона межкорейской комиссией, которая состояла бы из равного числа представителей Севера и Юга⁸².

Эти предложения были представлены на очередном пленарном заседании 22 мая 1954 года, однако практически сразу потонули в потоке критики со стороны министра иностранных дел Республики Корея Пён Ёнтхэ⁸³, который заявил, что представленный план всего лишь поможет коммунистам инфилтрироваться на Юг и захватить там власть⁸⁴. Делегация Южной Кореи в тот же день представила свой план объединения из четырнадцати пунктов, большинство которых было абсолютно неприемлемо для северян. Этот документ был представлен в демонстративно бескомпромиссном стиле, а американская делегация безоговорочно его поддержала⁸⁵.

В конце мая 1954 г. инициатором компромисса выступил министр иностранных дел Таиланда принц Ван Вайтайакон. Его

⁷⁸ Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Regarding the Situation at the Tenth Plenary Session, 14 May 1954 // Cold War International History Project Bulletin. 2008. Issue 16. P. 19.

⁷⁹ На заседании 22 мая об этом бескомпромиссно заявили Чжао Эньлай и Нам ИР. См.: РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. II. Л. 134–135, 143, 145; FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 262.

⁸⁰ Ibid. P. 314.

⁸¹ Наблюдательные функции могла взять на себя уже существовавшая Наблюдательная комиссия нейтральных стран.

⁸² Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Requesting Instructions on the Korean Issue and Regarding the Situation at the Fourth Plenary Session on the Indochina Issue, May 15, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, PRC FMA 206-Y0049. Translated by Gao Bei. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110623> (accessed: 07.12.2020); Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Requesting Instructions on the Korean Issue and Regarding the Situation at the Fourth Plenary Session on the Indochina Issue, 15 May 1954 // Cold War International History Project Bulletin. 2008. Issue 16. P. 23.

⁸³ В тот момент – министр иностранных дел, с июня по ноябрь 1954 г. премьер-министр Республики Корея.

⁸⁴ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 313.

⁸⁵ Ключевые положения этого плана предполагали проведение общекорейских выборов в соответствии с южнокорейским законодательством, с соблюдением принципа пропорционального представительства, под наблюдением ООН. Вывод контингента ООН до завершения этого процесса не предполагался. «Предложение Корейской Республики об объединении Кореи 22 мая 1954 года; Выступление генерала Уолтера Беддела Смита, заместителя государственного секретаря Соединённых Штатов Америки 28 мая 1954 года» // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. III. Л. 2–4, 67–74.

идея заключалась в создании специально-го органа в составе представителей заинтересованных стран (вероятнее всего, СССР, США, Франции, Великобритании, КНР, КНДР и Республики Корея) для того, чтобы продолжить переговоры «в случае наличия благоприятных обстоятельств»⁸⁶. Между тем Соединённые Штаты к тому времени уже утвердились во мнении, что достичь согласия с коммунистами не удастся⁸⁷. У.Б. Смит, возглавлявший на этом этапе делегацию США, сообщил 22 мая в Вашингтон, что прекращение переговоров по Корее можно будет представить как свидетельство неспособности противоположной стороны. Он также отмечал, что такой поворот обрадует власти Юга и создаст более благоприятные для США условия на предстоящих переговорах по Индокитаю⁸⁸. Предложение принца Вана не вписывалось в эту линию. Американцы опасались, что согласие на данный формат вызовет недовольство Ли Сыньмана, будет способствовать легитимизации роли КНР как одной из пяти великих держав и снижению престижа ООН, а потому выступали против «второй фазы» корейских переговоров в любой форме⁸⁹.

4 июня на совещании членов коалиции ООН американцы предложили организовать с коммунистами встречу в закрытом режиме и в ультимативной форме поставить перед ними вопрос, согласны ли они на объединение Кореи после проведения выборов, свобода которых будет обеспечиваться контролем и наблюдением ООН. В случае отказа или «ложного согласия» следующее за закрытой встре-

чей пленарное заседание должно было стать последним в корейской части Женевской конференции. Иден, заручившись поддержкой делегатов Содружества наций, предложил сделать ключевым элементом ультиматума согласие коммунистов на проведение свободных выборов, но делегаты Филиппин, Нидерландов, Турции, Бельгии, Греции и Республики Корея поддержали американскую позицию, и положение о решающей роли ООН в потенциальном процессе урегулирования устояло⁹⁰.

Показательно, что узнавшие об этой дискуссии делегаты СССР, КНР и КНДР приняли её как знак того, что некоторые союзники США пытаются противостоят запланированному американцами и южнокорейцами срыву женевских переговоров, а потому было решено продолжать работу по выдвиганию компромиссных предложений⁹¹. В этой связи попытка договориться об общих принципах урегулирования была всё-таки предпринята, причём по инициативе коммунистов. Делегации социалистических стран приняли решение придать более общий характер своему изначальному предложению, а все спорные моменты рассмотреть позднее. Чжоу Эньлай сообщил в Пекин, что цель трёх делегаций – дать коалиции ООН как можно меньше поводов отвергнуть новое предложение. В случае получения очередного отрицательного ответа предлагалось считать, что США и их союзники уже не собираются договариваться о чём бы то ни было⁹². 5 июня новое предложение коммунистов, выдержанное в компромиссном ключе и констатировавшее наметившееся

⁸⁶ Выступление министра иностранных дел Таиланда принца Ван Вайтаякона // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. III. Л. 62–64; FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 315.

⁸⁷ Ibid. P. 300.

⁸⁸ Ibid. P. 314–315.

⁸⁹ Ibid. P. 327.

⁹⁰ Ibid. P. 342–344.

⁹¹ Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Regarding the Situation at the Fourteenth Plenary Session, June 13, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, PRC FMA 206-Y050. Translated by Gao Bei. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111496> (accessed: 07.12.2020).

⁹² Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Regarding the Situation at the Ninth Restricted Session, 1 June 1954 // Cold War International History Project Bulletin. 2008. Issue 16. P. 30.

сближение позиций по ряду вопросов, было представлено Молотовым на тринадцатой пленарной сессии⁹³.

Даллес со скепсисом воспринял эту новость, сообщив в Женеву, что предложение Молотова позволяет решить лишь один спорный вопрос из множества накопившихся. Особое недовольство госсекретаря вызвало продолжившееся игнорирование коммунистами роли ООН — в советском предложении говорилось о проведении выборов под наблюдением «приемлемой международной комиссии»⁹⁴. Учитывая сложности в формулировании единой позиции членов коалиции ООН, а также постоянные угрозы Ли Сынмана отправить южнокорейскую делегацию домой, Даллес предложил прекратить «играть в опасную игру Молотова»⁹⁵.

Опасения американцев укрепились после того, как Смит провёл с Молотовым неформальную беседу и выяснил, что под «приемлемой международной комиссией» тот понимает орган, наполовину составленный из коммунистов. Американцам удалось добиться поддержки союзников, которые признали, что предложение СССР выглядит привлекательным, но не решает фундаментальных вопросов и может лишь запутать мировое общественное мнение. Необходимости в закрытой встрече союзники США уже не видели⁹⁶. После этого участникам конференции оставалось лишь определиться с тактикой прекращения переговоров⁹⁷.

Последнее заседание корейской фазы Женевской конференции состоялось 15 июня 1954 года. Американцы и их союзники до конца саботировали попытки коммунистов договориться об общих принципах корейского урегулирования или хотя

бы выпустить совместное заявление о намерении продолжать работу по восстановлению единства Кореи⁹⁸.

* * *

В историографии распространено мнение, что безрезультатность корейской фазы Женевской конференции связана с возобладанием тенденций «холодной войны», несовместимостью позиций коммунистов и стран «свободного мира», а также неготовностью обеих сторон идти на компромисс. Отечественные исследователи, как правило, обращают внимание на большую договороспособность делегаций коммунистических стран. В.И. Батюк акцентирует «безупречность» действий советских дипломатов, «сумевших вывести из изоляции своего союзника, коммунистический Китай» и успешно противостоять американским планам урегулирования, пользуясь для этого «языком классической дипломатии» [Батюк 2018: 63].

Тем не менее политическая конференция, созванная ради завершения войны и воссоединения страны, окончилась безрезультатно. Мир не был подписан, а Корея остаётся разделённой до сегодняшнего дня. По сути, корейская проблема стала предлогом для того, чтобы собрать за столом переговоров министров иностранных дел воевавших держав, констатировать сложившийся *status quo* на Корейском полуострове и сместить фокус внимания на Индокитай. Хотя итоговый документ Женевской конференции носил компромиссный характер, неуступчивость американской стороны заставила советскую делегацию существенно отклониться от первоначально занятой позиции, причём содержание итогового документа

⁹³ Заявление министра иностранных дел СССР В.М. Молотова 5 июня 1954 года // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. III. Л. 133–142, 143–144; FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 351–352.

⁹⁴ Ibid. P. 351.

⁹⁵ Ibid. P. 356.

⁹⁶ Ibid. P. 357–358.

⁹⁷ Memorandum for Under Secretary Smith. Termination of Korean Phase. June 1, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/6–154.

⁹⁸ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 381.

было близко положениям 711-й резолюции ГА ООН⁹⁹.

Южнокорейский историк Ю Бёнён отмечает, что «провал политической конференции по объединению Кореи был ожидаем. Ни одна из великих держав не была готова заплатить слишком высокую цену за объединение Кореи. Все стороны, представленные в Женеве, были заинтересованы в сохранении status quo» [цит. по: Торкунов и др. 2008: 185. См. также: Урнов 2012: 66; Yong-Pyo Hong 2000: 71]. Так ли это было на самом деле? Что помешало подписанию мирного договора?

О.А. Вестад резонно отмечает, что, по крайней мере, две из участвовавших в женевских заседаниях делегации — КНДР и Республика Корея — не считали такой исход благом. Лидеры этих государств Ким Ирсен и Ли Сынман в своё время возражали против заключения перемирия; они настаивали на «освобождении всей страны» [Westad 2019: 180] и желали видеть Корею единым государством с собой во главе. Другой современный исследователь напоминает, что Китай традиционно воспринимал Корею как часть китаецентричного мира [Pardo 2020: 19], и поэтому в Пекине итоги Женевской конференции также не были восприняты как успех, тем более что китайские добровольцы, разделив с Северной Кореей тяготы войны, понесли тяжелейшие потери, а на Женевской конференции представители китайской делегации столкнулись с откровенно пренебрежительным отношением дипломатов США.

Хотя за столом переговоров в Женеве в конце апреля 1954 г. собрались представители девятнадцати государств, переговорный процесс носил двусторонний характер. Сторонами в нём были коалиции. Для США это обстоятельство стало серьезным вызовом из-за сложной структуры возглавляемой ими коалиции.

Функционирование военно-политических союзов «предполагает сочетание элементов кооперации и конкуренции»

[Истомин 2017б: 7], соотношение которых с течением времени может меняться. Особенно зримо эти свойства проявляются в периоды перехода от войны к миру, когда под влиянием взаимодействия участников событий «конструируются образы и дефиниции происходящего», способные непосредственно влиять на институционализацию результатов военных действий и политических процессов [Vasquez 2009: 191]. Одним из таких результатов был Договор о взаимной обороне между США и Южной Кореей, в октябре 1953 г. оформивший в рамках коалиции ООН двусторонний «стереотипный асимметричный союз» [Истомин 2017а: 101], созданный для того, чтобы в будущем Вашингтон смог использовать его в качестве «инструмента управления и контроля» [Kim 2011: 360, 362]. При помощи этого альянса администрация Эйзенхауэра определила место Южной Кореи в собственной оборонной стратегии. С точки зрения интересов США в этом регионе переговоры в Женеве мало что могли добавить к этому результату.

«Особые» отношения Вашингтона и Сеула накануне и во время Женевской конференции создавали отдельную интригу внутри коалиции ООН. Большинство её членов были заинтересованы в скорейшем завершении конфликта и устранении условий для его эскалации. Угроза возникновения новой мировой войны, на этот раз уже с применением атомного оружия, считалась реальной. Её источником считали не только наступление коммунизма, но и воинственность южнокорейского руководства. Положение патрона в американо-южнокорейском тандеме позволяло Соединённым Штатам сдерживать авантюризм Ли Сынмана. Вместе с тем главной проблемой для них был рост авторитета и международного влияния коммунистических государств. Серьёзным раздражающим фактором стало появление КНР. Укрепление единства коалиции для США стало важным приоритетом. Таким образом,

⁹⁹ FRUS. 1952–1954. Vol. VII. Part 1. P. 1225.

коалиция ООН во время подготовки и работы Женевской конференции функционировала в режиме «двойного сдерживания», ограничивая конфронтационность как противников (СССР, КНР, КНДР), так и самих союзников (РК) (об альянсах «двойного сдерживания» см.: [Истомин 2017а: 98]).

Ключевое значение для понимания результатов Женевской конференции имеет учёт характера Корейской войны. Она началась как гражданская война и практически сразу была интернационализирована. Современный исследователь Дональд Стоукер относит войну в Корее к категории ограниченных войн. Главным отличием «ограниченной» войны от «неограниченной» он считает политические цели, которые ставят перед собой воюющие стороны. Неограниченной война становится в том случае, если она ведётся ради смены существующего режима [Stoker 2019: 65].

Взгляд на историю Корейской войны сквозь призму такой типологии позволяет объяснить некоторые нюансы переговорной тактики США. Вступая в войну в июне 1950 года, администрация Трумэна не ставила перед собой цель завоевание Северной Кореи; речь шла о том, чтобы защитить Южную Корею и спасти режим Ли Сынмана. Хотя в течение войны стратегия Вашингтона менялась, к моменту подписания перемирия в июле 1953 г. целью войны было восстановление границы по 38-й параллели. Постановка более амбициозной задачи в тот момент неизбежно влекла за собой опасность переноса боевых действий за пределы Корейского полуострова, возможное применение ядерного оружия и иные последствия, которые делали будущее непредсказуемым, а победу в войне маловероятной.

Среди возможных нежелательных для США последствий особое место занимали опасность распада коалиции ООН и обострение противоречий между составивши-

ми её костяк государствами Запада. К моменту начала войны в Корее возраст НАТО едва превысил один год, и рисковать целостностью альянса Вашингтон не желал [см.: Risse-Kappen 2005: 44–56]. По этой причине подготовленные для Женевы планы «А», «В» и «С», ввиду их очевидной неприемлемости для оппонентов, изначально не рассматривались в качестве основы для объединения Кореи. Они были предназначены для того, чтобы сохранить единство в рядах «свободного мира» [Brands 1987: 74].

Администрацию Эйзенхауэра часто упрекают в выборе слишком осторожной и консервативной тактики, в неспособности эффективно воспользоваться полицентризм в социалистическом лагере [Immerman 1990: 65–66]. В данном случае дело, очевидно, было не только в выборе тактики, но и в особенностях воззрений государственного секретаря Д.Ф. Даллеса, как правило не проводившего грани между коммунизмом и национализмом, убеждённого в том, что мировой коммунизм монолитен и управляется из Москвы, и не допускавшего мысли о том, что КНР и КНДР в отдельных случаях могли руководствоваться собственными интересами и действовать по своей инициативе. Интонация непримиримости в его общении с оппонентами практически исключала возможности достичь компромисса. По воспоминаниям очевидцев, в нарушение дипломатического протокола Даллес игнорировал присутствие на пленарных заседаниях руководителя делегации КНР Чжоу Эньлая и на всём протяжении переговоров «вёл себя с брезгливостью пуританина, попавшего в дом с дурной репутацией».

Когда У. Черчиллю доложили о поведении Даллеса в Женеве и о том, что тот покинул конференцию задолго до её окончания, ветеран британской дипломатии констатировал: «У Далла нет воображения, он ничего не понимает в происходящем, и он очень бестактен...»¹⁰⁰. После отъезда госсек-

¹⁰⁰ Согласно протоколам конференции, в последний раз Даллес присутствовал на заседаниях 2 мая [Kinzer 2013: 192].

кретаря в Вашингтон обстановка за столом переговоров стала менее напряжённой, но общая направленность диалога практически не изменилась.

Доступные сегодня документы позволяют сделать вывод о серьёзности намерений советской стороны вплоть до самого конца корейской фазы конференции выработать компромиссное решение. При этом уже во второй половине мая 1954 г. США в принятии решений исходили прежде всего из мотивов пропаганды и всерьёз думали о завершении переговоров. В результате шанс решить корейский вопрос был проигнорирован, и Женевская конференция превратилась в средство фундаментализации американской стратегии на северо-востоке Тихоокеанского региона.

В отличие от коалиции ООН, Москва и её партнёры сумели быстро согласовать позицию по Корее, но эта монолитность, в сочетании с настойчивым продвижением

КНР в «клуб великих держав»¹⁰¹, возбуждала подозрительность США. Именно Вашингтон выступил инициатором прекращения поиска компромисса и сохранения разделённого статуса Кореи. Вместе с тем, принимая во внимание политические цели США в войне и на переговорах о мире, корейскую фазу Женевской конференции можно назвать успехом американской дипломатии. Американцы сумели без потерь выйти из непростой ситуации, лавируя между позицией Республики Корея и мировым общественным мнением, они фактически настояли на условиях *status quo* и сохранили лидерство в коалиции Организации Объединённых Наций.

Итоги корейской фазы Женевской конференции закрепили разделение Кореи на два враждебных друг другу государства и надолго закрыли вопрос о возможности объединения страны.

Список литературы

- Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991 гг.) Очерки истории. М.: Весь мир, 2018. 336 с.
- Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955). М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 592 с.
- Волохова А.А. Переговоры о перемирии в Корее (1951–1953 гг.) (по материалам Архива внешней политики России) // Корё Сарам. 2015. URL: <https://koryo-saram.ru/peregovory-o-peremirii-v-koree-1951-1953-gg-po-materialam-arhiva-vneshnej-politiki-rossii/> (дата обращения: 07.12.2020).
- Галенович Ю.М. За кулисами советско-китайских отношений («Судьба толмача»). М.: НП ИД «Русская панорама», 2018. 704 с.
- Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М.: Аквилон, 2016. 318 с.
- Истомин И. Современная западная теория военно-политических альянсов: Достижения и лакуны // Международные процессы. 2017а. Т. 15. № 4. С. 93–114.
- Истомин И.А. Перераспределение потенциалов США и их союзников и его политические последствия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017б. № 2. С. 3–36.
- Манчестер У., Рейд П. Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина политической карьеры. 1940 – 1965. М.: Центрполиграф, 2016. 1183 с.
- Никитин А.И. Эволюция изучения проблематики конфликтов в контексте международной безопасности в постсоветской России // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 48–59.
- Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. 672 с.
- Робертс Дж. Шанс для мира? Советская кампания в пользу завершения «холодной войны». 1953–1955 годы // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 35–75.
- Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа груп, 2008. 544 с.
- Урнов А.Ю. Война в Корее // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 62–69.

¹⁰¹ См., например: Советско-китайские отношения. 1952–1955. М.: Книгоград, 2015. С. 194.

- Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. США и умиротворение Ли Сын Мана в преддверии Женевской конференции 1954 г. // ЭНОЖ «История». 2019. № 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008095-3-1/> (дата обращения: 07.12.2020).
- Barnes R. The US, the UN and the Korean War: Communism in the Far East and the American Struggle for Hegemony in the Cold War. L.; Bloomsbury Academic, 2014. 372 p.
- Beckley M. The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of US defense pacts // International Security. 2015. Vol. 39. No. 4. P. 7–48.
- Brands H. The Dwight D. Eisenhower Administration, Syngman Rhee, and the "Other" Geneva Conference of 1954 // Pacific Historical Review. 1987. February. Vol. 56. No. 1. P. 59–85.
- Caldwell J.D. Anatomy of Victory: why the United States triumphed in World War II, ought to a stalemate in Korea, lost in Vietnam, and failed in Iraq. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2019. 568 p.
- Chen Jian, Yang Kuisong. Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance // Brothers in arms: the rise and fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963 / ed. by Westad O.A. Redwood: Stanford Univ. Press, 1998. P. 246–294.
- Cohen W.I. The Cambridge History Of American foreign relations. Vol. IV: America in the Age of Soviet Power, 1945 – 1991. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. 283 p.
- Foot R. Anglo-American relations in the Korean crisis: the British effort to avert an expanded War, December 1950 – January 1951 // Diplomatic History, Winter 1986. Vol. 10. №1. P. 43–57.
- Gough T. US Army Mobilization and logistics in the Korean war: a research approach. Wash.: Center for Military History United States Army, 1987. 126 p.
- Graebner N.A., Burns R.D., Siracusa J.M. (Eds.) America and the Cold War, 1941 – 1991: a realist interpretation. Vol. I. Santa Barbara: Praeger, 2010. 282 p.
- Immerman R. The United States and the Geneva Conference of 1954: A New Look // Diplomatic History. 1990. Vol. XIV. № 1. P. 43–66.
- Kim Heesu Anglo-American relations and the attempts to settle the Korean question, 1953–1960. Ph.D. diss. L.: School of Economics and Political Science, 1996. 341 p.
- Kim T. Why alliances entangle but seldom entrap states // Security Studies. 2011. Vol. 20. No. 3. P. 350–377.
- Kinzer S. The Brothers. John Foster Dulles, Allen Dulles, and their secret world war. N.Y.: Times Books, 2013. 402 p.
- Lee S.H. Outposts of Empire: Korea, Vietnam and the origins of the Cold War in Asia, 1949–1954. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1995. 320 p.
- Li Xiaobing. China's War in Korea: strategic culture and geopolitics. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 245 p.
- Pardo R.P. North Korea – US relations from Kim Jong Il to Kim Jong Un. N.Y., Routledge: Ramon Pacheco Pardo, 2020. 260 p.
- Pembroke M. Korea: where the American century began. L.: One World, 2018. 346 p.
- Rapp-Hooper M. Shields of the Republic: The Triumph and Peril of America's Alliances. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 2020. 272 p.
- Risse-Kappen Th. Cooperation among democracies: the European influence on U.S. foreign policy. Princeton: Princeton Univ. Press, 2005. 250 p.
- Robb Th.K., Gill D.J. (2019). Divided Allies: Strategic cooperation against the Communist Threat in the Asia-Pacific during the early Cold War. Ithaca, Cornell Univ. Press, 2019. 288 p.
- Ruane K. Anthony Eden, British Diplomacy and the Origins of the Geneva Conference of 1954 // The Historical Journal. 1994. Vol. 37. № 1. P. 153–172.
- Stoker D. Why America Loses Wars: limited war and US strategy from the Korean War to the present. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019. 331 p.
- Szalontai B. Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet – DPRK relations and the roots of North Korean Despotism, 1953–1964. Wash.: Woodrow Wilson Center Press, Stanford Univ. Press, 2005. 368 p.
- Weathersby K. Stalin, Mao, and the end of Korean War // Brothers in arms: the rise and fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945 – 1963 / ed. by Westad O.A. Stanford Univ. Press, 1998. P. 90–116.
- Vasquez J.A. The war puzzle revisited. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 477 p.
- Weitsman P.A. Wartime Alliances versus Coalition Warfare: How Institutional Structure Matters in the Multilateral Prosecution of Wars // Strategic Studies Quarterly. Summer 2010. P. 113–136.
- Wells S.F. Fearing the worst: how Korea transformed the Cold War. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2020. 472 p.
- Westad O.A. The Cold War: a world history. N.Y.: Basic Books, 2019. 710 p.
- Whittaker D. The United Nations In Action. L.: UCL Press Limited, 1995. 308 p.
- Yong-Pyo Hong State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953–60. L.: Palgrave Macmillan, 2000. 229 p.

US COALITION DIPLOMACY ON THE KOREAN ISSUE

RECORD OF THE GENEVA CONFERENCE OF 1954*

VALERY YUNGBLYUD

DENIS SADAKOV

Vyatka State University, Kirov, 610000, Russia

Abstract

The negotiation of parameters for the settlement of an armed conflict is always a complex process in which the interests of all its immediate participants and other concerned parties collide. One of the most striking examples of such confrontations is the settlement process at the end of the Korean War of 1950–1953, which culminated in the Geneva Conference of 1954. The purpose of the article is to specify the role of the United States as the leader of the UN coalition in the negotiations, as a result of which, after three years of war involving about two dozen countries, the situation returned to its original state – the pre-war border between North and South Korea was restored, and the most active and influential members of the opposing alliances agreed to a truce. The archival documents that have become available in recent years allow us to significantly supplement the ideas formed in domestic and foreign historiography about the reasons for the incompleteness of the peace settlement process in Korea after the end of the war of 1950–1953. The article examines the contribution of the US diplomacy to creating of the Korean agenda at the conference, and shows that the UN coalition had been functioning in the "double deterrence" mode by the start of the negotiations in Geneva. The role of the United States as the leader of the military-political alliance in the development of plans for the peninsula unification is clarified. The conclusion is justified that already in the second half of May 1954, the United States, when making decisions, primarily proceeded from the motives of propaganda and considered seriously the conclusion to negotiations. As a result, the chance to resolve the Korean issue was ignored and the Geneva Conference turned into a means of fundamentalizing the American strategy in the Northeast Pacific region. It is shown that the results of the conference were in line with the immediate expectations of Washington and its long-term strategy in the Asia-Pacific region. The results of the Korean phase of the Geneva Conference consolidated the division of Korea into two hostile states and for a long time closed the question of possible union of the country.

Keywords:

United States; the Korean War; the Geneva Conference of 1954; coalition diplomacy; the United Nations; the division of Korea; Cold War; J. F. Dulles.

References

- Barnes R. (2014). *The US, the UN and the Korean War: Communism in the Far East and the American Struggle for Hegemony in the Cold War*. L.; Bloomsbury Academic. 372 p.
- Brands H. (1987). The Dwight D. Eisenhower Administration, Syngman Rhee, and the "Other" Geneva Conference of 1954. *Pacific Historical Review. February*. Vol. 56. No. 1. P. 59–85.
- Batyuk V.I. (2018). *Kholodnaja vojna mezhdu SShA i SSSR (1945–1991 gg.)* Ocherki istorii. [The Cold War between the USA and the USSR (1945–1991) History Essays]. Moscow: Ves' mir. 336 p.
- Beckley M. (2015). *The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of US defense pacts* // *International Security*. Vol. 39. No. 4. P. 7–48.

* The research is supported by the Russian Science Foundation (Project number 19-18-00501 «Internationalization of internal conflicts in US foreign policy (1945–2001): planning, informational support, military and political participation»).

- Brands H. (1987). *The Dwight D. Eisenhower Administration, Syngman Rhee, and the "Other" Geneva Conference of 1954* // Pacific Historical Review. February. Vol. 56. No. 1. P. 59–85.
- Bystrova N.E. (2007). *SSSR i formirovanie voenno-blokovogo protivostojaniya v Evrope (1945–1955)* [The USSR and the formation of the military bloc confrontation in Europe (1945–1955)]. Moscow: Giperboreja; Kuchkovo pole. 592 p.
- Caldwell J.D. (2019). *Anatomy of Victory: why the United States triumphed in World War II, ought to a stalemate in Korea, lost in Vietnam, and failed in Iraq*. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers. 568 p.
- Chen Jian, Yang Kuisong. (1998). Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance. In Westad O.A. (ed.) *Brothers in arms: the rise and fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*. Redwood: Stanford Univ. Press. P. 246–294.
- Cohen W.I. (2005). *The Cambridge History Of American foreign relations. Vol. IV: America in the Age of Soviet Power, 1945–1991*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 283 p.
- Egorova N.I. (2016). "Narodnaja diplomatiya" yadernogo veka: Dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzheniya, 1955–1965 gody. ["People's Diplomacy" of the Nuclear Age: Peace Supporters Movement and Disarmament Problem]. Moscow: Akvilon. 318 p.
- Foot R. (1986). Anglo-American relations in the Korean crisis: the British effort to avert an expanded War, December 1950 – January 1951. *Diplomatic History*. Winter. Vol. 10. №1. P. 43–57.
- Galenovich Ju.M. (2018). *Za kulisami sovetско-kitajskikh otnoshenij ("Sudba tolmach")*. [Behind the scenes of the Soviet-Chinese relations ("The fate of the Translator")]. Moscow: NP ID Russkaya panorama. 704 p.
- Gough T. (1987). *US Army Mobilization and logistics in the Korean war: a research approach*. Wash.: Center of Military History United States Army. 126 p.
- Graebner N.A., Burns R.D., Siracusa J.M. (eds) (2010). *America and the Cold War, 1941–1991: a realist interpretation*. Vol I. Santa Barbara: Praeger. 282 p.
- Immerman R. (1990). The United States and the Geneva Conference of 1954: A New Look. *Diplomatic History*. Vol. XIV. No. 1. P. 43–66.
- Istomin I. (2017a). Sovremennaya zapadnaya teoriya voenno-politicheskikh alijansov: Dostizheniya i lakuny [Western theory of international military alliances: The state of the disciplin]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 15. No. 4. P. 93–114.
- Istomin I.A. (2017b). Pereraspredelenie potentsialov SShA i ikh soyusnikov i ego politicheskie posledstviya [Political implications of redistributions of capabilities between the United States and their major Allies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 2. P. 3–36.
- Kim Heesu (1996). *Anglo-American relations and the attempts to settle the Korean question, 1953–1960*. Ph.D. diss. L.: School of Economics and Political Science. 341 p.
- Kim T. (2011). Why alliances entangle but seldom entrap states. *Security Studies*. Vol. 20. No. 3. P. 350–377.
- Kinzer S. (2013). *The Brothers. John Foster Dulles, Allen Dulles, and their secret world war*. N.Y.: Times Books. 402 p.
- Lee S.H. (1995). *Outposts of Empire: Korea, Vietnam and the origins of the Cold War in Asia, 1949–1954*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 320 p.
- Li Xiaobing. (2019). *China's War in Korea: strategic culture and geopolitics*. Singapore: Palgrave Macmillan. 245 p.
- Manchester U., Rejd P. (2016). *Winston Spencer Churchill Zashitnik korolevstva. Vershina politicheskoy kar'ery. 1940–1965* [Winston Spencer Churchill Defender of the Kingdom. The pinnacle of a political career. 1940–1965]. Moscow: Centrpoligraf. 1183 s.
- Miyoshi J.S. (2013). *Brothers at War: The Unending Conflict in Korea*. L.: W. W. Norton & Co. 607 p.
- Nikitin A.I. (2016). Evolyutsiya izucheniya problematiki konfliktov v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti v postsovetsoj Rossii. [Evolution of conflict studies in the context of international security in post-Soviet Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 5 (50). P. 48–59.
- Pardo R.P. (2020). *North Korea – US relations from Kim Jong Il to Kim Jong Un*. N.Y., Routledge: Ramon Pacheco Pardo. 260 p.
- Pechatnov V.O., Manykin A. S. (2012). *Istoriya vneshnej politiki SShA* [History of US Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 672 p.
- Pembroke M. (2018). *Korea: where the American century began*. L.: One World. 346 p.
- Rapp-Hooper M. (2020). *Shields of the Republic: The Triumph and Peril of America's Alliances*. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press. 272 p.
- Risse-Kappen Th. (2005). *Cooperation among democracies: the European influence on U.S. foreign policy*. Princeton: Princeton Univ. Press. 250 p.

- Robb Th.K., Gill D.J. (2019). *Divided Allies : Strategic cooperation against the Communist Threat in the Asia-Pacific during the early Cold War*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 288 p.
- Roberts G. (2008). Shans dlja mira? Sovetskaja kampanija v pol'zu zavershenija «holodnoj vojny». 1953–1955 gody [Chance for Peace? Soviet campaign for the end of the Cold War. 1953–1955]. *Novaja i novejšaja istorija*. 2008. No. 6. P. 35–75.
- Ruane K. (1994). Anthony Eden, British Diplomacy and the Origins of the Geneva Conference of 1954. *The Historical Journal*. Vol. 37. No. 1. P. 153–172.
- Shen Zhihua, Xia Yafeng. (2015). *Mao and the Sino–Soviet Partnership, 1945–1959. A New History*. Lanham: Lexington Books. 401 p.
- Stoker D. (2019). *Why America Loses Wars: limited war and US strategy from the Korean War to the present*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 331 p.
- Szalontai B. (2005). *Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet – DPRK relations and the roots of North Korean Despotism, 1953–1964*. Wash.: Woodrow Wilson Center Press, Stanford Univ. Press. 368 p.
- Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.F. (2008). *Korejskij poluostrrov: metamorfozy poslevoennoj istorii* [Korean Peninsula: Metamorphoses of Post-War History]. Moscow: OLMA Media grup. 544 p.
- Vasquez J.A. (2009). *The war puzzle revisited*. Cambridge: Cambridge University Press. 477 p.
- Volohova A.A. (2015). Peregovory o peremirii v Koree (1951–1953 gg.) (po materialam Arhiva vneshnej politiki Rossii) [Negotiations on truce in Korea (1951–1953) (based on materials of the Russian Foreign Policy Archive)]. *Korjo Saram*. URL:<https://koryo-saram.ru/peregovory-o-peremirii-v-koree-1951-1953-gg-po-materialam-arhiva-vneshnej-politiki-rossii/> (data obrashhenija: 07.12.2020).
- Urnov A.Ju. (2012). Vojna v Koree [Korean War]. *Azija i Afrika segodnja*. 2012. No. 10. P. 62–69.
- Weathersby K. (1998). Stalin, Mao, and the end of Korean War. In Westad O.A. (ed.) *Brothers in arms: the rise and fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*. Stanford Univ. Press. P. 90–116.
- Weitsman P.A. (2010). Wartime Alliances versus Coalition Warfare: How Institutional Structure Matters in the Multilateral Prosecution of Wars. *Strategic Studies Quarterly*. Summer. P. 113–136.
- Wells S.F. (2020). *Fearing the worst: how Korea transformed the Cold War*. N.Y.: Columbia Univ. Press. 472 p.
- Westad O.A. (2019). *The Cold War: a world history*. N.Y.: Basic Books. 710 p.
- Whittaker D. (1995). *The United Nations in Action*. L.: UCL Press Limited. 308 p.
- Yong-Pyo Hong (2000). *State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953–60*. L.: Palgrave Macmillan. 229 p.
- Yungblud V.T., Sadakov D.A. (2019). SShA i umirotvorenije Li Syn Mana v preddverii Zhenevskoj konferencii 1954 g. [USA and the pacification of Syngman Rhee on the eve of the 1954 Geneva Conference]. *ENOZh "Istorija"*. No. 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008095-3-1/> (date of access: 07.12.2020).

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

АМАЗОНСКИЙ ПАКТ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

БОРИС МАРТЫНОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

АЛЛА БОРЗОВА

БОРИС НЕКРАСОВ

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу деятельности Организации Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки (ОДСА, «Амазонский пакт») в контексте реализации Целей в области устойчивого развития (ЦУР), а также изучению взаимодействия стран-членов ОДСА при решении социально-экономических и экологических проблем в амазонском ареале с опорой на неолиберальную теорию международных отношений. Стратегия устойчивого развития получила поддержку в странах Латиноамериканского региона, где растёт понимание, что новые вызовы требуют активизации действий не только на государственном, но на региональном и глобальном уровнях. При этом ситуация, сложившаяся в ряде интеграционных структур в Латинской Америке, затрудняет региональное взаимодействие в реализации общих программ, направленных на содействие устойчивому развитию. Деятельность Амазонского пакта, напротив, приобретает всё большее значение в достижении ЦУР в одном из наиболее уязвимых ареалов мира – Амазонии. В статье впервые в отечественной литературе освещены достижения ОДСА в процессе реализации ЦУР, взаимодействие между странами в плане обеспечения многоаспектной безопасности в Амазонии. Предложены конкретные направления работы, где странам ОДСА необходимо приложить дополнительные усилия. В заключение авторы пришли к следующим выводам: 1) проблемы устойчивого развития, характерные для амазонского ареала, носят трансграничный и комплексный характер, а для их решения стоит проводить совместную политику; 2) механизм взаимодействия стран в формате ОДСА играет значимую роль в решении социально-экономических и экологических вызовов в амазонском ареале; 3) сотрудничество ОДСА как с неправительственными учреждениями, так и с внерегиональными игроками расширяет возможности при реализации совместных проектов в амазонском ареале; 4) ОДСА служит примером организации наднационального уровня, способствующей достижению ЦУР в конкретно взятом ареале, оказывая при этом положительное влияние на процесс достижения ЦУР к 2030 г. в мировом масштабе.

Ключевые слова:

ООН; ЦУР; устойчивое развитие; ОДСА; Амазонский пакт; Амазония; амазонский ареал; безопасность; сотрудничество; глобальные вызовы.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.11.2020

Дата принятия к публикации: 27.01.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: bfmartynoff@gmail.com

borzova_ayu@pfur.ru

nekrasov.b.i@my.mgimo.ru

Негативные последствия роста промышленного производства, неразумного природопользования и ухудшения окружающей среды повышают значение социально-экономического измерения мировой политики. На этом фоне закономерен интерес к изучению вызовов достижению Целей развития тысячелетия (ЦРТ) [Ларионова 2020], проблем устойчивого развития [Давыдов 2019], взаимодействия государств в формате международных структур в поиске путей экологически устойчивого развития. В частности, увеличивается объём исследований по вызовам устойчивому развитию в странах Латинской Америки. В том числе можно отметить работы таких отечественных авторов, как А.Ю. Борзова, Б.Ф. Мартынов, Л.Б. Николаева, В.П. Сударев и Л.Н. Симонова, В.М. Тайар, И.В. Ильин и А.Д. Урсул, В.Л. Хейфец, Я.Г. Шемякин, А.А. Шинкаренко [Борзова 2015; 2019; Мартынов 2010; 2017; Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов 2017; Тауаг 2020; Урсул 2020; От биполярного к многополярному миру... 2019; Шинкаренко 2017; Pyín, Ursul 2020; Nikolaeva 2018; 2020; Shemyakin 2019]. Работы этих исследователей подтверждают, что в странах Латинской Америки растёт понимание того, что успешно противостоять новым вызовам невозможно в национальных рамках и что требуются совместные действия на региональном уровне.

Проблемы, связанные с защитой экосистемы бассейна р. Амазонки, были освещены в работах таких специалистов, как М. Фрейтас, М.К. Сильва Фрейтас, П.М. Гарсиа Пачон, Л.Ф. Гусман Хименес, Р.М. Фишер, Дж.К. Перейра, Э. Виола [Freitas, Silva Freitas 2013; 2018; 2020; García Pachón, Guzmán Jiménez 2018; Fischer 2019; Pereira, Viola 2020]. Такие исследователи, как А. Борбели, М.А. Тигре, Х.Л. Мехиа Росас, Х. М. Диас Хаймес, Д. Рендон Манрике, В.Т. Белло Гуачета, Л. Ринкон Аррояве [Borbély 2014; Tigre 2017; Mejía

Rosas, Díaz Jaimes, Rendón Manrique, Bello Guachetá, Rincón Arroyave 2019], выделяют проблемы, связанные с ростом организованной преступности и наркотрафика в Амазонии, обращают внимание на нарушение прав человека в отношении коренных народов при добыче природных ресурсов, описывают историю становления Организации Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки (ОДСА).

Вместе с тем процесс развития взаимодействия между странами–участницами ОДСА по выявлению вызовов, связанных с реализацией Целей устойчивого развития и обеспечением безопасности в Амазонии, пока не получил специального освещения в научной литературе. В связи с этим новизна статьи заключается в том, что мы не только определили основные проблемы, связанные с экологической и социально-экономической ситуацией в бассейне р. Амазонки, но и систематизировали особенности формирования общего подхода стран Амазонского пакта к достижению Целей в области устойчивого развития (ЦУР). Кроме того, мы описали становление их совместной деятельности и определили перспективные направления сотрудничества, обратив внимание на трудности при их реализации.

1

2015 год был отмечен важным этапом в осознании мировым сообществом масштабов экологических и социально-экономических угроз, что нашло отражение в принятии Парижского соглашения по климату и резолюции ООН 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» («Повестка-2030»)¹. Последний документ ознаменовал продолжение совместной работы стран–участниц ООН в развитие усилий по достижению целей развития тысячелетия (ЦРТ) до 2015 года. Заявленные в 2015 г. 17 целей устойчивого развития (ЦУР), резю-

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». ООН. 25.09.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 15.10.2020).

Таблица 1
Цели устойчивого развития ООН

1	Повсеместная ликвидация нищеты во всех её формах
2	Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства
3	Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте
4	Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех
5	Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек
6	Обеспечение наличия и рациональное использование водных ресурсов и санитарии для всех
7	Обеспечение доступа к недорогостоящим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех
8	Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех
9	Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций
10	Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними
11	Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населённых пунктов
12	Обеспечение рациональных моделей потребления и производства
13	Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями
14	Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития
15	Защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия
16	Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчётных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях
17	Укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального партнёрства в интересах устойчивого развития

Источник: Список целей в области устойчивого развития (ЦУР). ООН. 25.09.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainable-development/ru/sustainable-development-goals> (дата обращения: 15.10.2020).

мированные в табл. 1, и 169 соответствующих им задач заложили ключевые направления деятельности в области международного развития [Ларионова 2020].

Выполнение каждой цели контролируется Статистической комиссией ООН в рамках разработанной в 2017 г. системы глобальных показателей в достижении ЦУР². Отдельно был создан Политический форум высокого уровня по устойчивому

развитию при Экономическом и Социальном Совете ООН, в рамках которого принимаются решения о конкретных действиях на основе доклада о ходе достижения ЦУР, представляемого Генеральным секретарем. В докладе о достижении ЦУР в 2020 г. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш отметил, что «ещё до пандемии COVID-19 прогресс достижения ЦУР был неравномерным, а темпы продви-

² Работа Статистической комиссии, связанная с деятельностью по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН. 06.07.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf (дата обращения: 16.10.2020).

жения вперёд недостаточными для достижения обозначенных целей к 2030 году»³.

Страны Латинской Америки сталкиваются с существенными социально-экологическими проблемами: ростом числа стихийных бедствий, снижением биоразнообразия, сокращением площади тропических лесов, деградацией почв и загрязнением водных систем, что негативно сказывается на качестве жизни населения и усугубляет проблемы, связанные с трансграничной преступностью. В связи с этим вопросы защиты окружающей среды и противодействия последствиям изменения климата стали занимать видное место в региональных отношениях [Николаева 2019].

В конце XX–начале XXI в. в Латинской Америке прошли важные международные встречи по проблеме устойчивого развития. В 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро была проведена Конференция ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД)⁴, где были приняты Повестка дня на XXI век⁵ и Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК)⁶, содержавшие обязательства стран по достижению конечной цели – предотвращению глобального изменения климата. Спустя двадцать лет, в 2012 г., там же прошла конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20». Все страны региона поддержали РКИК, Конвенцию о биологическом разнообразии от 1992 г. и Киотский протокол. В 2016 г. был создан Форум стран Латинской Америки и Карибского бассейна [ЛАКБ] по устойчивому развитию, объединивший усилия стран региона на этом направлении [Урсул 2020].

Страны Латинской Америки столкнулись с противоречивой ситуацией: с одной стороны, возрастает необходимость защиты окружающей среды и разумного использования природных ресурсов, с другой – сохраняет актуальность потребность в экономическом развитии, в котором основную роль играет интенсивная добыча природных ресурсов. Если в 1970 г. в регионе добывалось около 2,29 гигатонны природных ресурсов (0,85% от ВВП стран региона), то в 2015-м – 8,89 гигатонны (3,66 % от ВВП) [Борзова, Павлова 2019]. В экологическом плане реализация 200 инфраструктурных проектов в 20 странах Латинской Америки за последние 40 лет сопровождалась конфликтами, которые были вызваны деградацией экосистем и загрязнением окружающей среды, отсутствием компенсаций и помощи индейским общинам при освоении природных ресурсов на их территориях, невыполнением правительствами своих обещаний и несправедливым распределением доходов. В 1990–2015 годах было утрачено порядка 97 млн га леса и расширена на 69 млн га площадь сельскохозяйственных земель [Борзова, Павлова 2019], а пожары 2019–2020 годов в Амазонии только усилили этот процесс.

В 2018 г. страны–члены Группы по координации Повестки 2030 в ЛАКБ при содействии специализированных структур ООН (ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, МОТ, ЮНЕП) пересмотрели показатели ЦУР и согласовали основной набор приоритетных индикаторов с учётом региональных особенностей. В результате для стран ЛАКБ было выделено 154 показателя, которые охватывают 17 целей и 94 из 169 задач⁷.

³ The Sustainable Development Goals Report 2020. 2020. p.2. [Электронный ресурс]. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020.pdf> (accessed: 17.10.2020).

⁴ Крупнейшая конференция ООН, известная также как «Саммит Земли», в которой участвовало более 8 тысяч делегатов, а также около 3 тысяч представителей неправительственных международных организаций.

⁵ Повестка дня на XXI век. ООН. 14.06.1992. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 20.10.2020).

⁶ Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата. ООН. 09.05.1992. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 22.10.2020).

⁷ Informe del proceso de priorización de indicadores para el seguimiento estadístico regional de los Objetivos de Desarrollo Sostenible en América Latina y el Caribe. Grupo de Coordinación Estadística para

К 2020 г. 23 страны ЛАКБ добровольно представили 32 национальных доклада по ЦУР, на основании которых можно сделать вывод о том, что государства региона достигли прогресса в целях 6, 8, продвинулись в целях 1 и 7, но не произошло изменений в целях 3, 4, 10, 12–15 и 16. Для сравнения: в мире в целом с 2015 г. наибольший прогресс был достигнут в реализации целей 1, 9, 11, наименьший – 2 и 15⁸.

По данным Форума стран ЛАКБ по устойчивому развитию, за 2019 г. в регионе произошло серьёзное углубление неравенства в местных обществах, вызванное социальной, экономической, налоговой политикой государств. Несмотря на рост доступности высшего образования (в 2000 г. 22% получили высшее образование, в 2015 г. – 46%), сокращение на 43% числа тех, кто не мог получить начальное образование, рост охвата населения системой здравоохранения, на которое в 2000 г. выделялось в среднем около 1,4% ВВП, а в 2015 г. – 2,2%, начинают усугубляться социально-экономические проблемы. С 2015 г. прекратилось снижение бедности и крайней нищеты, обозначилась тенденция к ее росту. По данным, полученным при изучении 18 стран региона, в 2002 г. было 44,5% бедных и 11,2 % находились в состоянии крайней нищеты, в 2018 г. бедные составили 29,6%, а нищие – 10,2 % (это соответственно 182 и 63 млн человек)⁹. Отмечается рост безработицы, особенно среди лиц африканского или индейского происхождения, усилилась поляризация в обществе и осложнилась ситуация на рынке труда [Ивановский 2020].

Несмотря на расширение сельскохозяйственного производства в регионе, по данным ФАО, число голодающих растёт. С 2014 по 2016 год их число возросло на 2,4 млн и достигло 42,5 млн (6,6% населения). Ещё одним негативным явлением стало использование детского труда (в возрасте от 5 до 17 лет). По Латинской Америке в целом на детский труд пришлось 7,3% (10,5 млн чел в 2015), но ситуация по отдельным странам сильно различается: в Перу – 21,8%, в Эквадоре – 6,5, в Колумбии – 7,3, в Бразилии – 6,54, в Боливии – 26,4%¹⁰.

Реагируя на экстремальную неравномерность распределения экономических благ в латиноамериканских социумах и признавая её ключевым препятствием для осуществления Повестки-2030, Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) трактует Повестку-2030 только в сочетании с обеспечением доступа большинства населения к этим благам. Таким образом, звучит формула «инклюзивное устойчивое развитие», которое предполагает масштабное действие механизма перераспределения. Иными словами, развитие не сможет быть устойчивым, не будучи инклюзивным [Давыдов 2019]. В отчёте ЭКЛАК по достижению ЦУР за 2019 г. отмечена необходимость изменения модели развития, внесение коррективов в национальные планы развития с учётом новых вызовов и угроз как на национальном, так и на межгосударственном уровне¹¹. Если на региональном уровне первостепенная роль в этом процессе отводится Сообществу стран Латинской

la Agenda 2030 en América Latina y el Caribe. CEPAL. 2018. p. 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cepal.org/sites/default/files/events/files/cea-comite-ejecutivo-17.3-informe-proceso-priorizacion-indicadores-seguimiento-estadistico-regional-ods-alc.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

⁸ Informe de avance cuatrienal sobre el progreso y los desafíos regionales de la Agenda 2030 para el Desarrollo Sostenible en América Latina y el Caribe. CEPAL. 2020. p.47. [Электронный ресурс]. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/445517/S1900433_es.pdf (дата обращения: 18.10.2020).

⁹ Op.cit.

¹⁰ Op.cit.

¹¹ The 2030 Agenda and the Sustainable Development Goals: An opportunity for Latin America and the Caribbean. Goals, Targets and Global Indicators. CEPAL. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cepal.org/en/publications/40156-2030-agenda-and-sustainable-development-goals-opportunity-latin-america-and> (accessed: 18.10.2020).

Америку и Карибского бассейна (СЕЛАК), то в контексте амазонской проблематики – Организации Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки (ОДСА).

2

Огромный массив влажного тропического леса амазонского ареала сосредоточил в себе пятую часть общемировых запасов пресной воды, а рост потребления последней, как известно, может сделать её главным дефицитным ресурсом Земли начиная уже с 2050-х годов. Этот ареал обладает к тому же наибольшим количеством биоресурсов – представителей тропической флоры и фауны – на нашей планете. Происходящие в амазонском ареале процессы влияют на климатические изменения общемирового масштаба, а социально-экологические вызовы носят трансграничный характер и требуют совместного подхода к решениям [Freitas 2002]. Понимание этого пришло к южноамериканским странам во второй половине XX века. Реализуя масштабные планы развития, они рассматривали Амазонию как источник дешёвой древесины, золота, драгоценных камней и минералов, редких видов флоры и фауны, не заботясь о сохранении природной среды и будущем её обитателей. Например, руководство Бразилии в тот период было заинтересовано в строитель-

стве гидроэнергетических плотин (в частности, ГЭС Итайпу) и новых автомагистралей (Трансамазонское шоссе). Стремясь к развитию, правительство не считалось с его экологической ценой [Мартынов 2008].

Как следует из табл. 2, проблемы амазонского ареала носят трансграничный характер, что создаёт предпосылки для проведения совместной политики амазонских стран в области здравоохранения и развития инфраструктуры, активизации приграничных контактов и ликвидации экологических «горячих точек». В 1990–2015 годах в дельте Амазонки площадь лесного массива сократилась с 52,2 до 47,7%. Изменение подхода к землепользованию стало влиять на состояние водного баланса, что приводит к засухам и дефициту питьевой воды, осложняя, в свою очередь, социальную ситуацию. Таким образом, взаимосвязь экологических, социальных и экономических проблем становится все более очевидной для политических лидеров ряда стран ЛАКБ, что находит отражение в реализуемых ими преобразованиях [Борзова, Павлова 2019].

В контексте общественной безопасности следует также отметить, что криминально-террористические структуры, вольготно чувствующие себя в труднодоступном амазонском ареале и получаю-

Таблица 2
Проблемы амазонского ареала

Проблемы безопасности амазонского ареала	
в экологической сфере	в общественной сфере
<ol style="list-style-type: none"> 1. Природные катаклизмы (наводнения, засуха, оползни), которые приводят к загрязнению территории. 2. Ухудшение водного баланса, повышение температуры воды, влияющее на состояние флоры и фауны и изменение всей пищевой цепочки. 3. Сокращение биологического разнообразия. 4. Незаконная добыча ресурсов, приводящая к загрязнению бассейна р. Амазонки свинцом, ртутью, мышьяком и другими токсичными отходами. 5. Контрабанда эндемичными видами животных и растений. 6. Сокращение лесного массива. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Наркопроизводство и наркотрафик. 2. Организованная преступность. Деятельность незаконных вооружённых формирований. 3. Обеспечение жизненных потребностей населения амазонского ареала (доступ к воде, здравоохранение, образование, бедность и социальное неравенство). 4. Проблемы социализации индейских племён, обеспечения гражданских прав индейского населения и защиты традиционных ареалов их проживания. 5. Деградация и эрозия почв из-за использования удобрений и пестицидов, угрожающих как здоровью населения амазонского ареала, так и окружающей среде.

Источник: *La Amazonia y la Agenda 2030. 2016. URL: https://www.latinamerica.undp.org/content/rblac/es/home/library/environment_energy/la-amazonia-y-la-agenda-2030.html (дата обращения: 05.10.2020).*

шие мощную финансовую подпитку за счёт незаконной деятельности, в перспективе тяготеют к выходу из-под юрисдикции правительств амазонских стран, вплоть до образования на этих территориях особых криминально-террористических анклавов. Негативный опыт существования «Фаркландии» в Колумбии и «Сендеро Люминосо» в Перу лишь подтверждает это. Среди социально-экономических угроз, влияющих на общественную безопасность в амазонском ареале, присутствуют как старые конфликты: стихийные бедствия, голод, эпидемии, криминальная преступность, — так и новые, связанные с качественной трансформацией привычных сторон человеческой деятельности. Это наркотрафик, пиратство, миграция, радикальный экстремизм, похищение людей и торговля ими, контрабанда оружия, нефти, драгоценных камней, золота [Мартынов 2017: 24]. Важно отметить, что эти угрозы и вызовы всё чаще сливаются воедино, и их синергия не признаёт государственных границ.

Особую остроту приобретает наркопроблема, когда фактически идёт процесс прорастания наркоторговли в транснациональные криминально-террористические сети при всевозрастающих претензиях организаторов наркотрафика на самостоятельную роль в политике. В перспективе — ещё большее слияние политического экстремизма с наркобизнесом, что уже имело место в 1990-х годах, когда наркодилеры и организованные преступные группы стали фактическими хозяевами положения на обширных территориях Колумбии и перуанской Амазонии [Мартынов 2017]. Криминальная наркоактивность формирует параллельную власть и нелегальную экономику, которая подчас превышает возможности национальных государств. Кроме вреда, наносимого здоровью людей, наркобизнес, как правило, обеспечивает сам себя и получает финансовую подпитку за счёт контрабанды наркотиков, захвата заложников, рэкета, коррупции и другой криминальной активности, включая контрабанду человеческих органов. Наиболее

яркий пример этого — колумбийская наркомафия.

Относящиеся к «андскому наркотреугольнику» Колумбия, Перу и Боливия выступают основными производителями кокаина в Южной Америке. Эквадор и Бразилия являются «транзитно-перевалочными пунктами», через территорию которых наркотики попадают в Северную Америку, Африку и Европу. При этом ухудшение криминогенной ситуации в одной стране отражается на всех государствах амазонского бассейна, поэтому для решения проблем требуются совместные усилия их всех. Логичным ответом на противодействие вызовам, которые носят комплексный, «конвергентный» характер, стало принятие всеми государствами «Амазонского пакта» концепции «широкой» («многоуровневой и интегративной») безопасности.

Эти решения осложняются, однако, законодательной спецификой отдельных стран. Например, в Боливии разрешено культивировать в ограниченных объёмах коку в качестве «продукта, потребление которого обусловлено национальной традицией». Её листья традиционно использовались коренным населением Перу, Боливии и Эквадора в различных целях (в быту, в медицине, в религиозных ритуалах). Гиды и туристы употребляют тонизирующий напиток на основе коки для борьбы с симптомами высотной болезни — «эль сороче» [Мартынов 2017: 228]. Для успешной борьбы с производством и потреблением наркотиков недостаточно лишь силового подавления или ликвидации лидеров наркокартелей. Необходима целенаправленная комплексная работа с коренным населением, вовлечённым (зачастую вынужденно), в данную сферу. Например, негативные последствия политики уничтожения посевов, в том числе и экологические, низкая результативность альтернативных программ, не подкреплённых мерами экономической поддержки, рецидивы политики «с позиции силы» — всё это стало причиной солидарного протеста населения андских стран, получившего название «войны за коку». Проблема до-

полнительно осложнялась тем, что уничтожение посевов наркосодержащих культур в одних странах или районах, как правило, приводило к их культивации в других областях, что убедительно демонстрировало трансграничный характер самой проблемы. По данным исследования, проведённого Высшей военной школой Колумбии, в Перу, Колумбии и Боливии суммарно производится до 80 тонн кокаина в год, и в его производстве и транспортировке задействовано более 12 млн чел., а в районе трех границ (Перу, Колумбия, Бразилия) было обнаружено от 90 до 100 лабораторий по производству кокаина и серия тайных складов¹² [ESG 2019].

Усилия стран амазонского ареала в борьбе с производством и потреблением наркотиков должны быть нацелены на экономическое развитие районов возделывания коки с целью переориентации местного крестьянства на выращивание других сельскохозяйственных культур. При этом производство сельскохозяйственных культур должно стать выгоднее производства коки, что пока невозможно ввиду постоянного роста спроса на наркотики на рынках США и Европы. Силовая борьба с производством наркотиков в амазонских странах и уничтожение наркокультур пестицидами, что предлагают США, отрицательно сказываются на состоянии экологии и здоровье местных жителей. Ухудшает ситуацию и применение дефолиантов, что нередко приводит к акциям протеста со стороны коренного населения. Вместе с этим жители амазонского ареала сталкиваются с незаконной добычей полезных ископаемых, контрабандой драгоценных камней, ценных пород деревьев и экзотических живот-

ных и пр., что само по себе дополнительно криминализирует и без того напряжённую ситуацию¹³. Опасные масштабы приобретает проблема миграции.

Вызовы, характерные для амазонского ареала в экологической и социально-экономической сферах, имеют комплексный характер и требуют системного подхода и взаимодействия стран при их решении. Кроме того, экологические конфликты зачастую носят и социальный характер, поскольку от разрушения окружающей среды и захвата земли страдают самые бедные жители и коренное население. Эти вызовы ставят под угрозу жизнь проживающих в данном регионе. Их логично рассматривать посредством концепции *многоуровневой интегративной безопасности (МИБ)*, которая увязывается со стратегией устойчивого развития.

3

Во второй половине XX в. правительства ряда южноамериканских стран, расположенных на территории амазонского ареала, стали осознавать потребность в реализации совместных подходов по решению выявленных проблем. Бассейн р. Амазонки начал рассматриваться в качестве общего достояния, которое должно охраняться и быть защищено законодательно в целях коллективного и рационального использования. Произошло понимание необходимости комплексного, системного подхода по сохранению флоры и фауны в контексте проблем устойчивого развития в этом регионе, что привело к разработке конкретных программ по взаимодействию амазонских государств в этой сфере [Мартынов 2008].

¹² Escuela Superior de Guerra. Amenazas a la seguridad de la región Amazónica. Narcotráfico y minería ilegal. Amazonía. Poder y Estrategia parte de la línea de investigación: «Estrategia, geopolítica y seguridad hemisférica» perteneciente al Grupo de Investigación «Centro de Gravedad», reconocido y categorizado en (A) por Colciencias registrado con el código COL0120899 vinculado al Departamento Ejército, adscrito y financiado por la Escuela Superior de Guerra «General Rafael Reyes Prieto», Colombia. [Электронный ресурс] URL: <https://esdeguelibros.edu.co/index.php/editorial/catalog/download/33/28/528-1?inline=1> (дата обращения: 22.09.2020).

¹³ Fundación Futuro Latinoamericano. «Tendencias de la conflictividad socioambiental en América Latina y propuestas para su abordaje». [Электронный ресурс] URL: https://www.ffla.net/en/component/docman/doc_details/320-tendencias-de-la-conflictividad-socioambiental-en-américa-latina-y-propuestas-para-su-abordaje.html (дата обращения: 21.09.2020).

3 июля 1978 г. Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Перу, Суринам и Эквадор подписали Договор об Амазонской кооперации и приступили к координации деятельности по социально-экономическому развитию этого ареала. В дальнейшем Договор об Амазонской кооперации был преобразован в Организацию Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки (ОДСА) со штаб-квартирой в г. Бразилиа.

Важность этой организации в контексте достижения ЦУР до 2030 г. в амазонском ареале подчёркивает подписанное в июне 2020 г. рамочное соглашение о сотрудничестве между ЭКЛАК¹⁴ и ОДСА¹⁵, в котором определены конкретные сферы и механизмы по реализации инициатив в области устойчивого развития. В частности, были выделены такие направления, как техническое содействие, направленное на укрепление взаимодействия в амазонском ареале; систематизация информации о бассейне р. Амазонки; развитие прикладных исследований по сохранению биоразнообразия, сокращению социального неравенства, решению проблем коренных народов и уязвимых групп населения, а также разработку прогнозов по развитию амазонского ареала в контексте ЦУР. В соглашении предусмотрено участие представителей ОДСА в мероприятиях, проводимых под эгидой ЭКЛАК, для обмена опытом в борьбе с социальным неравенством и другими асимметриями развития.

ЦУР нашли отражение в таких документах ОДСА, как: Стратегическая программа действий по комплексному управлению водными ресурсами бассейна р. Амазонки¹⁶; Программа стратегического сотрудничества в 2010–2018 годах¹⁷; Трансграничный диагностический анализ бассейна р. Амазонки¹⁸.

Как следует из табл. 3, страны Амазонского пакта предоставляют национальные отчёты по ЦУР, имеют координационные механизмы для межминистерского и межнационального взаимодействия, развивают систему мониторинга и индикаторов, чтобы иметь возможность отчитываться о прогрессе в достижении ЦУР на национальном и субрегиональном уровнях, а планы по достижению ЦУР включаются в планы развития Колумбии, Гайаны, Перу и других стран¹⁹.

Рассматривая проблемы и достижения в реализации 17 ЦУР (табл. 4) в амазонском ареале, логично выделить 3 категории:

1. Социально-экономический характер – цели 1 – 5; 7 – 12; 16.
2. Экологический характер – цели 6; 13–15.
3. Глобальный характер сотрудничества – цель 17.

При выполнении ЦУР *первой категории* стоит отметить, что рассматриваемые страны координируют действия с целью профилактики, контроля и устранения болез-

¹⁴ ЭКЛАК — Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна при ООН, на исп. CEPAL.

¹⁵ CEPAL y la OTCA firman Acuerdo Marco de Cooperación para el desarrollo sostenible en la Región Amazónica. OTCA. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/assets/documents/20200629/e17ccf971afc01592bfb1a0031d2c46b.pdf> (дата обращения: 08.10.2020).

¹⁶ Стратегическая программа действий по управлению водными ресурсами бассейна р. Амазонки. ОДСА, официальный сайт. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/assets/documents/20181022/6f7dcfeec03f588923aa99a5f915507b.pdf> (дата обращения: 22.09.2020).

¹⁷ Программа стратегического сотрудничества на период с 2010 по 2018 г. ОДСА, официальный сайт. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/assets/documents/20160629/bfa5dfe5a1ca92b4efdb102ee8e54634.pdf> (дата обращения: 22.09.2020).

¹⁸ Трансграничный диагностический анализ бассейна р. Амазонки. ОДСА, официальный сайт. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/assets/documents/20181022/b36fbda5c4773007a4021b7b269b49148.pdf> (дата обращения: 22.09.2020).

¹⁹ Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo (PNUD), sobre la base de Departamento Nacional de Planeación (DNP). Inclusión de los Objetivos de Desarrollo Sostenible en los planes de desarrollo territoriales, 2016-2019. 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://colaboracion.dnp.gov.co/CDT/Sinergia/Documentos/ODS_en_los_PDT.PDF (дата обращения: 22.09.2020).

Таблица 3
ЦУР и страны Амазонского пакта

Страна Амазонского пакта	Индекс устойчивого развития 2019 (из 162 стран)	Индекс устойчивого развития 2020 (из 166 стран)	Предоставление добровольных национальных отчётов по ЦУР	Механизмы координации по реализации Повестки 2030
Боливия	80	79	Ожидается в 2020	Министерство по устойчивому развитию и окружающей среде
Бразилия	57	53	2017	Национальная комиссия по ЦУР при Министерстве по окружающей среде
Венесуэла	108	118	2016	Совет вице-президентов и межведомственная координационная группа
Гайана	–	124	2019	Отсутствует координационный механизм для реализации ЦУР, этим занимается Министерство финансов
Колумбия	67	67	2016, 2018	Межведомственная комиссия высокого уровня по реализации ЦУР при Министерстве по окружающей среде и устойчивому развитию
Перу	51	61	2016, 2020	Национальный центр стратегического планирования (CEPLAN) при Министерстве по окружающей среде
Суринам	88	86		Министерство по региональному развитию
Эквадор	46	46	2018	Национальный секретариат по планированию и развитию (SENPLADES)

Источник: Sustainable Development Report 2020. 2020. URL: <https://sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2020> (accessed: 10.10.2020).

ней среди коренного населения бассейна р. Амазонки (цель 3)²⁰. В борьбе с COVID-19 ОДСА проводит совместные мероприятия с Панамериканской организацией здравоохранения²¹. Постоянный секретариат ОДСА служит связующим звеном между органами здравоохранения стран–членов организации, получая и обрабатывая запросы, распределяя материальную помощь, составляя единую базу полученных пожертвований²².

На средства, выделяемые Межамериканским банком развития (МАБР) в рам-

ках Амазонского пакта расширяется сотрудничество по предотвращению воздействия токсичных веществ на коренных жителей Амазонии²³, проводятся практические семинары по обмену опытом в лечении таких болезней, как желтая лихорадка, малярия, вирус Зика, вирус Чикунгунья.

Одной из острейших проблем остаётся проблема бедности и нищеты коренного населения амазонского ареала, где уровень бедности варьируется от 45% в бразильской Амазонии до почти 80% в некоторых

²⁰ Países de la OTCA reunidos por la salud y la atención de la pandemia de Covid 19 en Pueblos Indígenas de la Región Amazónica. OTCA. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/news/details/960> (дата обращения: 09.08.2020).

²¹ OTCA y OPS realizan webinar sobre el acceso a vacunas contra Covid-19 en pueblos indígenas. OTCA. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/news/details/951> (дата обращения: 08.08.2020).

²² OTCA y países amazónicos buscan apoyo de donadores internacionales para hacer frente al Coronavirus en la Región Amazónica. OTCA. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/news/details/860> (дата обращения: 15.08.2020).

²³ Propuesta para desarrollo del manual de indicadores. OTCA. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/assets/documents/20170202/d12ccdf88d1caea6c72f66b48107a1b6.pdf> (дата обращения: 19.08.2020).

Таблица 4
Реализация ЦУР в странах Амазонского пакта на 2020 г.

Страна Амазонского пакта	Прогресс в реализации	Незначительный рост	Стагнация или нет данных	Ухудшение ситуации
Боливия	8, 13	3, 5, 6, 9, 11	2, 10, 16	1, 4, 7, 12, 14, 15, 17
Бразилия	4, 6, 7, 13, 17	2, 3, 5, 11	1, 8, 9, 10, 12, 14, 15	16
Венесуэла	7	5, 8, 13, 15	2, 3, 6, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 17	1, 4
Гайана	1, 7, 15, 16	2, 3, 5, 6, 14	4, 9, 10, 11, 12, 17	8, 13
Колумбия	6, 7, 13, 14	1, 2, 3, 4, 5, 11	8, 9, 10, 12, 15, 16	17
Перу	4, 7, 8	1, 3, 5, 6, 11, 14	2, 9, 10, 12, 13, 16, 17	15
Суринам		2, 3, 5, 6, 7, 8, 14, 15, 16	9, 10, 11, 12, 13, 17	1, 4
Эквадор	6, 7, 11, 13, 14	1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 16	15, 10, 12	17

Источник: Sustainable Development Report 2020. 2020. URL: <https://sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2020> (accessed: 10.10.2020).

районах Гайаны²⁴. Если не отвечать на вызов социального неравенства, коренное население втягивается в незаконную деятельность, связанную с производством и продажей наркотиков. Усилия стран амазонского ареала в этом плане должны быть сосредоточены на экономическом развитии районов с целью переориентации местного крестьянства на выращивание продовольственных культур. Здесь следует отметить работу Координационного органа организаций коренных народов бассейна р. Амазонки²⁵, который играет важную роль в реализации цели 1. ОДСА реализует Программу по защите коренных народов, находящихся в добровольной изоляции и устанавливающих первоначальные контакты (цель 10)²⁶. При поддержке ПРООН и Всемирного банка реализуется проект «Планы на жизнь», в рамках которого коренным народам оказывается поддержка в реализации целей устойчивого развития с учетом их традиционных знаний (цель 11).

Стоит отметить успешный пример развития свободной экономической зоны в крупнейшем городе амазонского ареала – Манаусе (цель 8), где удалось добиться успехов в развитии без увеличения объёма добычи полезных ископаемых или другой деятельности, которая могла бы наносить ущерб социально-экономической ситуации. Здесь более 600 компаний, ориентированных в основном на производство электроники, создают до полумиллиона рабочих мест, стимулируя отход от низкодоходного сельского хозяйства. Проект «Зелёных муниципалитетов», «Болса Верде», «Болса Флореста» в Бразилии, конкретные программы в районе Альто Майо, Сан-Мартин в Перу финансово заинтересовывают сельские и индейские общины сохранять биоразнообразие, поскольку наряду с прямыми выплатами они получают доступ к льготным кредитам, выходу на рынки сбыта, если соблюдают экологические критерии. Только в муниципалитете

²⁴ Informe de avance cuatrienal sobre el progreso y los desafíos regionales de la Agenda 2030 para el Desarrollo Sostenible en América Latina y el Caribe (Santiago, 24-26 de abril 2019) 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/44551/S1900433_es.pdf?sequence=7&isAllowed=y (дата обращения: 15.09.2020).

²⁵ Заседание в рамках диалога по вопросу расширения участия коренных народов в работе ООН. Исследовательский центр документации и информации по делам коренных народов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.docip.org/ru/nashi-uslugi-resheniya/novosti/news-detail-ru/article/zasedanie-v-ramkakh-dialoga-po-voprosu-rasshireniya-uchastija-korennykh-narodov-v-rabote-oon/> (дата обращения: 19.01.2020).

²⁶ Marco estratégico para la protección de los pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial. OITSA. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.amazoniasocioambiental.org/wp-content/uploads/2018/08/Sistematizacion_Edici%C3%B3n-frida.3.pdf (дата обращения: 16.08.2020).

Парагоминас (штат Пара, Бразилия) темпы обезлесения снизились с 8000 кв. км в 2004 г. до 2000 кв. км в 2014 г.²⁷

Совместные подходы стран-членов ОДСА в области обеспечения экологической безопасности сфокусировались на реализации проектов по следующим составляющим: водные ресурсы, лесные ресурсы, биологическое разнообразие.

«Программа по совместным действиям в области контроля над водными ресурсами бассейна реки Амазонки»²⁸ направлена на обмен информацией для улучшения мониторинга водных ресурсов. При поддержке со стороны Глобального экологического фонда (ГЭФ) и Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) осуществляется проект по «Комплексному управлению трансграничными водными ресурсами бассейна р. Амазонки с учётом климатических изменений»²⁹ (цели 6 и 14). В его рамках были изучены влияние климатических изменений на жизнь коренного населения и уязвимость самой экосистемы, которая стала рассматриваться как единая гидрографическая сеть; кроме того, был подготовлен единый гидрогеологический атлас амазонского ареала³⁰, что стимулировало региональный диалог по управлению во-

дными ресурсами р. Амазонки. В результате совместной работы Бразильского национального агентства водных ресурсов с ОДСА было подготовлено свыше 200 экспертов для предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Говоря о сотрудничестве стран-членов ОДСА в области ответственного лесопользования с целью предотвращения и ликвидации лесных пожаров, следует отметить подписанный в сентябре 2019 г. *Летисийский пакт* о защите лесов Амазонии³¹ (цели 13 и 15). Он включает в себя обязательства по совместному мониторингу, борьбе с обезлесением и деградацией экосистем, обменом информацией по борьбе с лесными пожарами и пр. Отдельно в *Летисийском пакте* были обозначены практические меры по защите общинных территорий, укреплению местного самоуправления, поощрению механизмов эффективного участия местных общин в сохранении ресурсов Амазонии³². В ОДСА реализуются такие проекты, как: «Мониторинг районов обезлесения, лесозаготовок и изменений в землепользовании в бассейне реки Амазонки»³³ и «Укрепление сотрудничества стран-участниц ОДСА в области ответственного лесо-

²⁷ La Amazonia y la Agenda 2030. UNDP-RBLAC-AmazonAgenda2030ES.pdf [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjhJGMwsvbAhVokIsKHS5ECMEQFJAeegQIAxAD&url=http%3A%2F%2Fwww.undp.org%2Fcontent%2Fdam%2Frbllac%2Fdocs%2FResearch%2520and%2520Publications%2FEnergy%2520and%2520Environment%2FUNDP-RBLAC-AmazonAgenda2030ES.pdf&usq=AOvVaw2VIQOd0v5mtFSFIJszxk3q> (дата обращения: 19.03.2021).

²⁸ Proyecto Amazonas: Acción Regional en el Área de Recursos Hídricos. OTCA. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/assets/documents/20171214/564cd9c0fe6202087c08b263e86527d4.pdf> (accessed: 16.08.2020).

²⁹ Proyecto Manejo Integrado y Sostenible de los Recursos Hídricos Transfronterizos de la Cuenca del Río Amazonas, considerando la variabilidad y el cambio climático. OTCA. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://otca.info/gef/apresentacao> (дата обращения: 16.08.2020).

³⁰ Creado el primer Atlas de Vulnerabilidad Hydroclimática de la Cuenca Amazónica. OTCA. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/news/details/25> (дата обращения: 16.08.2020).

³¹ Plan de acción. Pacto de Leticia por la Amazonía 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.minambiente.gov.co/images/2019/Plan_de_accion_Pacto_de_Leticia_por_la_Amazonia.pdf (accessed: 16.08.2020).

³² Amazonía: Países latinoamericanos firman declaración en Colombia para proteger al pulmón del planeta. RT. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/326290-paises-amazonicos-unen-colombia-protoger-planeta> (дата обращения: 16.09.2020).

³³ Monitoreo de la Deforestación, Aprovechamiento Forestal y Cambios en el Uso del Suelo en el Bosque Pan amazónico. OTCA. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/projects/details/1> (дата обращения: 16.08.2020).

пользования и сохранения биоразнообразия в лесах бассейна р. Амазонки»³⁴.

Взаимодействие стран–участниц ОДСА по сохранению биологического разнообразия реализуется через «Проект по управлению, мониторингу и контролю за различными видами флоры и фауны, а также борьбе с торговлей исчезающими эндемичными видами»³⁵ (цель 15). В итоге была создана единая система по контролю за незаконной торговлей редкими видами флоры и фауны, что стало важным вкладом в реализацию «Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения» от 1973 года³⁶.

С целью противодействия трансграничной преступности Эквадор, Перу и Колумбия создали в 2012 г. Комиссию по границе, где предусматривалось создание специальных подразделений для патрулирования общей акватории р. Амазонки. Бразилия создала «Интегрированную систему мониторинга границ» (SISFRON)³⁷ и «Систему наблюдения за бассейном Амазонки» (SIVAM)³⁸. Подобная система создается и на территории Перу, что позволяет вести электронный, авиа- и радиолокационный контроль за территорией Амазонии³⁹. Следующим логичным шагом в данном контексте было бы углубление сотрудничества

ОДСА в области обеспечения безопасности, создание коллективных сил оперативного реагирования по противодействию чрезвычайным ситуациям. Повседневная реальность требует от стран амазонского ареала более чёткой координации антинаркотической и правоохранительной политики, поскольку многочисленные структуры общерегионального сотрудничества занимают в основном вопросы «большой» экономики и политики, а институты ОАГ слишком забюрократизированы.

Отдельно стоит сказать о том, что именно Бразилия в начале 2000-х годов показала пример по укреплению своих суверенных прав в Амазонии. Заключение «Амазонского пакта» в 1978 г. военным правительством Бразилии обозначило важный рубеж в переходе от восприятия этого богатейшего ареала как «зелёного ада» до стратегически важного региона, залога будущего развития страны. Уже в первом документе, принятом демократическим правительством Бразилии, в «*Политике национальной обороны*» (1996), Амазония стала фигурировать в качестве важного объекта национальной обороны⁴⁰. Опасения по поводу утраты этой территории были сформулированы Министерством обороны Бразилии в 2007 году⁴¹, а уже в последую-

³⁴ Fortalecimiento de capacidades en gestión forestal sustentable y conservación de biodiversidad. OTCA. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/projects/details/2> (дата обращения: 18.08.2020).

³⁵ Proyecto Regional para la Gestión, Monitoreo y Control de Especies de Fauna y Flora Silvestres Amenazadas por el Comercio (Proyecto Bioamazonía – Conservación de especies amenazadas por un comercio no sustentable). OTCA. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/projects/details/7> (дата обращения: 16.08.2020).

³⁶ Convención sobre el Comercio Internacional de Especies Amenazadas de Fauna y Flora Silvestres. OTCA. 1973. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cites.org/esp/disc/text.php> (дата обращения: 18.08.2020).

³⁷ A Look at SISFRON, Brazil's Integrated Border Monitoring System. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://dialogo-americas.com/articles/a-look-at-sisfron-brazils-integrated-border-monitoring-system/> (дата обращения: 18.08.2020).

³⁸ Brazil's SIVAM Surveillance System to Monitor Amazon – 2001-11-26. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.voanews.com/archive/brazils-sivam-surveillance-system-monitor-amazon-2001-11-26> (дата обращения: 18.08.2020).

³⁹ Sistema de Vigilancia Amazónico y Nacional (SIVAN-SIPAN) 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://www.infodefensa.com/archivo/files/INFORME_DELOITTE_SIVAN.pdf (дата обращения: 18.08.2020).

⁴⁰ Brasil 1996: La Política de la defensa nacional. «Paz y seguridad en las Américas». Dec. 1996. № 10.

⁴¹ «Amazônia Brasileira ameaçada». DEFESABR. 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.defesabr.com/MD/md_amazonia.htm (дата обращения: 16.08.2020).

ших документах – *Стратегии национальной обороны* (2008) и «*Белой книге по вопросам национальной обороны*» (2012) «зелёная» Амазония, наряду с «голубой»⁴², была признана «первоочередным объектом» в обеспечении безопасности Бразилии⁴³. Аналогичные или близкие положения, касающиеся важности амазонского региона в плане национальной безопасности и обороны, содержатся в документах других амазонских стран, в частности Перу (2005)⁴⁴ и Эквадора (2018)⁴⁵.

Бразильский банк развития (BNDSA) создал в 2008 г. Фонд Амазония для финансирования работы различных организаций, в том числе и ОДСА, направленный на борьбу с незаконной вырубкой лесов [Тимофеева, Будыкина 2020]. Примерно 23 млн реалов было выделено для развития системы мониторинга в этом регионе⁴⁶, а к 2021 г. банк поддержит 103 проекта социально-экологической направленности на общую сумму 1 млрд 859 млн реалов⁴⁷.

Страны-члены ОДСА взаимодействуют как на региональном, так и на международном уровне с другими игроками, что становится практическим воплощением цели 17. ОДСА сотрудничает с такими учреждениями, как Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Программа развития ООН

(ПРООН), Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Панамериканская организация здравоохранения (ПАОЗ), Межамериканский банк развития (МАБР), Международная организация по тропической древесине (МОТД).

Европейский Союз является для стран Латинской Америки основным проводником государственных программ по линии Север–Юг, нацеленных на решение глобальных проблем [Тайар 2020]. В этом контексте для ОДСА к ключевым странам-донорам относятся Германия и Нидерланды.

При поддержке со стороны Германского общества международного сотрудничества реализуется «Проект по укреплению институционального сотрудничества в рамках ОДСА»⁴⁸, направленный на борьбу с незаконной вырубкой деревьев и мониторингом обезлесения в бассейне р. Амазонки. Германский банк развития (НБР) реализует проекты по повышению эффективности мониторинга за сохранением биологического разнообразия Амазонки⁴⁹. Благодаря сотрудничеству с Германией в 2015 г. в бассейне р. Амазонки была построена 325-метровая исследовательская башня АТТО⁵⁰, предназначенная для изучения климатических изменений, происходящих в тропиче-

⁴² Обширные районы акватории Южной Атлантики на расстоянии 300 – 350 км от побережья штатов Сан-Пауло и Эспириту-Санту, где сосредоточены большие запасы нефти в подсолевых отложениях на дне океана.

⁴³ Livro Branco de Defesa nacional. Brasília, 2012. [Электронный ресурс]. URL: defesa.gov.br/arquivos/estado_e_defesa/livro_branco/ibdn_esp_net_.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

⁴⁴ Libro Blanco de la Defensa Nacional. 2005. [Электронный ресурс]. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/157095/Peru%202005_spanish.pdf (дата обращения: 15.10.2020)

⁴⁵ Política de la Defensa Nacional del Ecuador. Libro Blanco. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defensa.gob.ec/wp-content/uploads/2019/01/Pol%C3%ADtica-de-Defensa-Nacional-Libro-Blanco-2018-web.pdf> (дата обращения: 15.10.2020).

⁴⁶ BNDES aprueba R\$ 23 millones para monitoreo de la selva amazónica en los países de la OTCA. 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bndes.gov.br/SiteBNDES/bndes/bndes_es/Institucional/Press/Noticias/2013/20130503_otca.html (дата обращения: 15.10.2020).

⁴⁷ Projects Portfolio. The Amazon Fund. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fundoamazonia.gov.br/en/carteira-de-projetos> (дата обращения: 02.02.2020).

⁴⁸ Monitoreo de la Cobertura Forestal en la Región Amazónica. OTCA. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/projects/details/1> (дата обращения: 08.08.2020).

⁴⁹ Comienza Proyecto para la gestión, monitoreo y control de especies de fauna y flora silvestres amenazadas por el comercio. OTCA. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/news/details/86> (дата обращения: 08.08.2020).

⁵⁰ The Amazon Tall Tower Observatory. АТТО. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.attoproject.org/about-atto/basics> (accessed: 08.08.2020).

Таблица 5
ЦУР и результаты деятельности в формате ОДСА

Результат деятельности в формате ОДСА	
Экологический аспект ЦУР	Общественный аспект ЦУР
<ol style="list-style-type: none"> 1. Выработан подход к совместному управлению водными ресурсами р. Амазонки. Амазонский ареал стал рассматриваться как единая гидрографическая сеть. 2. Совместная охрана трансграничных водных ресурсов р. Амазонки. Было подготовлено свыше 200 экспертов в этой сфере. 3. Созданы специальные пункты для мониторинга за лесопользованием в каждой из стран–членов ОДСА. Национальный институт космических исследований Бразилии ведет подготовку специалистов в области лесного мониторинга. 4. Контроль за сохранением редких видов флоры и фауны, которым угрожает незаконная торговля. Создана единая электронная система выдачи разрешений на торговлю различными видами флоры и фауны. 5. В результате реализации совместных проектов в ОДСА созданы объединения национальных учреждений, отвечающих за сохранение экосистемы бассейна р. Амазонки. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. В целях ликвидации организованной преступности и наркобизнеса между странами ОДСА осуществляется обмен разведанными и проводится совместное патрулирование общей акватории бассейна р. Амазонки. 2. Реализация совместных программ в сфере здравоохранения, направленных на удовлетворение жизненных потребностей коренных народов, находящихся в добровольной изоляции и устанавливающих первоначальные контакты. 3. Проводятся меры по информированию и профилактике различных заболеваний в амазонском ареале. ОДСА взяла на себя ведущую роль по оказанию помощи населению в борьбе с COVID-19 в Амазонии.

Источник: составлено авторами исследования.

ских лесах. Она позволяет собирать информацию на площади примерно 100 км².

Сотрудничество ОДСА с Нидерландами развивается через Генеральный директорат по международному сотрудничеству в рамках «Проекта по разработке и внедрению интегрированного управления лесными экосистемами»⁵¹. Голландская сторона финансирует проведение мероприятий по предотвращению незаконной вырубке деревьев и оценке масштабов лесных рубок.

Таким образом, осознание государствами амазонского ареала губительных последствий бездействия в отношении окружающей среды, когда экологический дисбаланс углубляет социальное неравенство и влияет на экономические показатели, положило начало совместным подходам, направленным на достижение устойчивого развития в Амазонии. В итоге в этом ареале не создаётся «вакуума», который мог бы привести к прямому вмешательству в этот регион внешних сил или стать причиной его уско-

ренной криминализации. Результаты применения совместных подходов стран–членов ОДСА в решении вызовов и угроз в амазонском ареале представлены в табл. 5.

* * *

Реализация ЦУР – наиболее амбициозная и масштабная программа в области развития из всех, когда-либо согласованных на многостороннем межправительственном уровне. Она охватывает экономический, социальный и экологический аспекты и предусматривает создание благополучных условий для жизни людей на многие поколения вперёд.

Понимание странами Амазонского региона тесной связи экологических проблем с социальным неравенством и экономическими проблемами привело к созданию Амазонского пакта и положило начало выработке совместных подходов, направленных на достижение устойчивого развития в Амазонии. Развитие взаимодействия

⁵¹ Amazon Regional Program. ОТСА. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otca-oficial.info/projects/details/15> (accessed: 22.08.2020).

стран–участниц Амазонского пакта, привлечение правительственных и неправительственных структур, внерегиональных игроков к разработке и реализации долгосрочных проектов позволяет констатировать, что взаимодействие в формате ОДСА способствует достижению устойчивого развития в амазонском ареале, что вносит существенный вклад в процесс достижения ЦУР к 2030 году.

Распространение инфекции COVID-19 и последующие экономические потрясения оказывают негативное воздействие на достижение ЦУР, создают временные препятствия для координации коллективных действий мирового сообщества в рамках реализации этой программы. Но эти

проблемы также содействуют углублению взаимодействия между национальными системами здравоохранения, развитию эпидемиологического контроля, выработке политики по инвестированию в технологическую базу устойчивого развития для снижения негативного воздействия на окружающую среду. Амазонский пакт показывает пример координации на субрегиональном уровне в экологической, социальной, экономической политиках, в противодействии наркотрафику и в обеспечении безопасности, что в дальнейшем может привести к изменению модели производства и потребления, расширению применения ВИЭ и снижению негативного воздействия на окружающую среду.

Список литературы

- Борзова А.Ю.* Подходы Бразилии к устойчивому развитию (экологический аспект) / Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: Доклады и материалы Второго международного форума. Том I // Отв. ред. В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец. СПб.: Гамма, 2015. С. 855–866.
- Борзова А.Ю., Павлова М.П.* Сотрудничество стран Латинской Америки и Карибского бассейна по поддержанию устойчивого развития региона // Латинская Америка. 2019. № 8. С. 47–60. DOI: 10.31857/S0044748X0005579-5.
- Давыдов В.М.* Устойчивое развитие как общий знаменатель // Международная жизнь. 2019. №10. С. 32–45.
- Ивановский З.В.* Латинская Америка в конце десятилетия. Социальные проблемы, политические сдвиги и новые вызовы // Свободная мысль. 2020. Т. 1680. № 2. С. 71–84. DOI: 10.31857/S0044748X0009865-0.
- Ларионова М.В.* Вызовы достижения Целей развития тысячелетия (ЦРТ) (2020) // Вестник международных организаций. Т. 15. № 1. С. 155–176. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-07.
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов / Отв. ред. В.П. Сударев, Л.Н. Симонова. М.: ИЛА РАН, 2017. 208 с.
- Мартынов Б.Ф.* Бразилия – гигант в глобализирующемся мире. М.: ИЛА РАН; Наука, 2008. 320 с.
- Мартынов Б.Ф.* Бразилия: приоритеты и фобии восходящей державы // Индекс безопасности. М., 2010. № 4 (95). С. 43–58.
- Николаева Л.Б.* Латинская Америка в поиске пути экологически устойчивого развития // Латинская Америка. 2019. № 5. С. 90–99. DOI: 10.31857/S0044748X0004723-4.
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / Под ред. д. полит.н., проф. Б.Ф. Мартынова. М.: Весь Мир, 2017. 272 с.
- Тимофеева Ю.А., Будыкина К.Ю.* Пожары в Амазонии и отношения между MERCOSUR и ЕС // Латинская Америка. 2020. № 7. С. 79–88.
- Урсул А.Д.* Латиноамериканский вектор достижения глобальной устойчивости // Мировая политика. 2020. № 2. С. 102–115. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.2.33376.
- От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / Под ред. В.Л. Хейфец. М.: Изд-во РОССПЭН, 2019. 494 с.
- Шинкаренко А.А.* Неозкстративизм и «зелёная» геополитика в Латинской Америке // Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: Доклады и материалы Третьего международного форума / Отв. ред. В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 447–456.
- Borbély A.* El lugar y el papel de la Organización del Tratado de Cooperación Amazónica (OTCA) en la geopolítica brasileña y sudamericana // Belvedere Meridionale. 2014. Vol. 26. No. 2. P. 57–69. DOI: 10.14232/belv.2014.2.5.

- Ilyin I.V., Ursul A.D.* Dimensión global de la transición latinoamericana al desarrollo sostenible // Iberoamérica. 2020. No. 2. P. 5–25. DOI: 10.37656/s20768400-2020-2-01.
- Fischer R.M.* La Amazonía y la Agenda 2030. Reflexiones sobre una reseña // Revista de estudios brasileños. 2019. Vol. 6. No. 11. P. 211–216. DOI: 10.14201/reb2019611211216.
- Freitas M.* Amazonia: the nature of the problems and the problems of the nature // International Review of Sociology. 2002. Vol. 12, No. 3. P. 363–388. DOI: 10.1080/0390670022000041385.
- Freitas M., Silva Freitas M.C.* Sustainability, Amazonia and environment: propositions and challenges // International Journal of Environmental Studies. 2013. Vol. 70. No. 4. P. 467–476. DOI: 10.1080/00207233.2013.823030.
- Freitas M., Silva Freitas M.C.* Regional Development For Sustainability In Amazonia: Controversies And Challenges // Geography, Environment, Sustainability. 2018. Vol. 11. No. 4. P. 112–131. DOI: 10.24057/2071-9388-2018-11-4-112-131.
- Freitas M., Silva Freitas M.C.* The Future of Amazonia: Inheritance or Ruin? Peter Lang Publishing, 2020. 124 p. DOI:10.3726/b16717.
- García Pachón M.P., Guzmán Jiménez L.F.* Análisis del manejo de la cuenca amazónica: una mirada a través del Tratado de Cooperación Amazónica. El Derecho y la Gestión de Aguas Transfronterizas // Quintas Jornadas de Derecho de Aguas. Pontificia Universidad Católica del Perú. 2020. P.179–204.
- Mejía Rosas J.L., Díaz Jaimés J.M., Rendón Manrique J., Bello Guachetá W.T., Rincón Arroyave L.* Amenazas a la seguridad de la Región Amazónica. Narcotráfico y Minería Ilegal. Amazonía // Poder, Geostrategia y Seguridad. 2019. P. 183–240.
- Nikoláeva L.B.* Economía latinoamericana de cara a los cambios climáticos. Nuevas prioridades // Iberoamérica. 2018. No. 4. P. 5–26.
- Nikoláeva L.B.* El Consenso de Paris y cambios en la política ambiental // Iberoamérica. 2020. No. 3. P. 50–71. DOI: 10.37656/s20768400-2020-3-03.
- Pereira J.C., Viola Ed.* Close to a Tipping Point? The Amazon and the Challenge of Sustainable Development under Growing Climate Pressures // Journal of Latin American Studies. 2020. Vol. 52. No. 3. P. 467–494. DOI: 10.1017/S0022216X20000577.
- Shemyakin Y.G.* Identidad: la base civilizacional del desarrollo sostenible // Iberoamérica. 2019. No. 4. P. 86–104.
- Tayar V.M.* La Unión Europea y América Latina: el desarrollo sostenible con hincapié en la ecología // Iberoamérica. 2020. No. 3. P. 72–97. DOI: 10.37656/s20768400-2020-3-04.
- Tigre M.A.* Regional Cooperation in Amazonia. A Comparative Environmental Law Analysis. Series: International Environmental Law. 2017. Vol. 13. 580 p.

AMAZON COOPERATION TREATY ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

BORIS MARTYNOV

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

ALLA BORZOVA

BORIS NEKRASOV

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, 117198, Russia

Abstract

The article analyses with the use neoliberal theory of international relations the Amazon Cooperation Treaty Organization (ACTO) activities in the context of the Sustainable Development Goals (SDGs). The purpose of this study is to show the interaction between the member-states within the framework of ACTO in matters of socio-economic and environmental problems in the Amazon Basin. The Sustainable

Development Strategy has received support in Latin American region, where one can see a growing awareness that efficient response to new challenges requires increased action not only at the national, but also at the regional and global levels. Though the situation in a range of integration associations in Latin America impedes regional cooperation in the implementation of common programs aimed at promoting sustainable development, the ACTO activities become increasingly important in achieving the SDGs in one of the most vulnerable areas in the world – the Amazonia. This article covers for the first time the achievements of ACTO in the process of implementing the SDGs, interaction between countries in terms of ensuring multidimensional security in the Amazon Basin. At the same time it specifies areas where they need to make additional efforts. As a result of the study, we come to the following conclusions: 1) the problems of sustainable development specific to the Amazonian area have a cross-border and complex nature, which requires a joint policy of the Amazonian countries to solve them; 2) the mechanism of interaction between South American countries in the ACTO format is an important component in tackling socio-economic and environmental challenges in the Amazonian area; 3) thanks to the cooperation of ACTO with both governmental and non-governmental institutions and with extra-regional countries, joint projects are being implemented to address problems in the Amazonian area; 4) ACTO is an example of a supranational organization that contributes to the achievement of the SDGs, which has a positive impact on the process of achieving the SDGs by 2030 on a global scale.

Keywords:

UN; SDGs; sustainable development; Amazon Cooperation Treaty Organization; ACTO; Amazonia; Amazon Basin; security; cooperation; global challenges.

References

- Borbély A. (2014). El lugar y el papel de la Organización del Tratado de Cooperación Amazónica (OTCA) en la geopolítica brasileña y sudamericana [The place and role of the Amazon Cooperation Treaty Organization (ACTO) in Brazilian and South American geopolitics]. *Belvedere Meridionale*. Vol. 26. No. 2. P. 57–69. DOI 10.14232/belv.2014.2.5.
- Borzova A. Yu. (2015). Podkhody Brazili k ustoychivomu razvitiyu (ekologicheskiy aspekt) [Brazil's approaches to sustainable development (environmental aspect)]. In: Kheyfets V.L., Kheyfets L.S. (eds) *Rossiya i Iberoamerika v globaliziruyushchetsya mire: istoriya i sovremennost': doklady i materialy Vtorogo mezhdunarodnogo foruma*. Vol. I. Saint Petersburg: Gamma. P. 855–866.
- Borzova A.Yu., Pavlova M.P. (2019). Sotrudnichestvo stran Latinskoy Ameriki i Karibskogo basseyna po podderzhaniyu ustoychivogo razvitiya regiona [Cooperation between Latin American and Caribbean countries to maintain sustainable development of the region]. *Latinskaya Amerika*. No. 8. P. 47–60. DOI: 10.31857/S0044748X0005579-5.
- Davydov V.M. (2019). Ustoychivoye razvitiye kak obshchiy znamenatel' [Sustainable development as a common denominator]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 10. P. 32–45.
- García Pachón M.P., Guzmán Jiménez L.F. (2018). Análisis del manejo de la cuenca amazónica: una mirada a través del Tratado de Cooperación Amazónica. El Derecho y la Gestión de Aguas Transfronterizas [Analysis of the management of the Amazon basin: a look through the Amazon Cooperation Treaty. The Law and Management of Transboundary Waters.]. *Quintas Jornadas de Derecho de Aguas*. Pontificia Universidad Católica del Perú. P. 179–204.
- Ilyin I.V., Ursul A.D. (2020). Dimensión global de la transición latinoamericana al desarrollo sostenible [Global dimension of the Latin American transition to sustainable development]. *Iberoamérica*. No. 2. P. 5–25. DOI: 10.37656/s20768400-2020-2-01.
- Ivanovskiy Z.V. (2020). Latinskaya Amerika v kontse desyatiletiya. Sotsial'nyye problemy, politicheskiye sdvigi i novyye vyzovy [Latin America at the end of the decade. Social problems, political shifts and new challenges]. *Svobodnaya mysl'*. No.1 P. 71–84. DOI: 10.31857/S0044748X0009865-0.
- Fischer R.M. (2019). La Amazonía y la Agenda 2030. Reflexiones sobre una reseña [The Amazon and the 2030 Agenda. Reflections on a review]. *Revista de estudios brasileños*. Vol. 6. No. 11. P. 211–216. DOI: 10.14201/reb2019611211216.
- Freitas M. (2002). Amazonia: the nature of the problems and the problems of the nature. [Amazonia: the nature of the problems and the problems of the nature]. *International Review of Sociology*. Vol. 12. No. 3. P. 363–388. DOI: 10.1080/0390670022000041385.
- Freitas M., Silva Freitas M.C. (2013). Sustainability, Amazonia and environment: propositions and challenges [Sustainability, Amazonia and environment: propositions and challenges]. *International Journal of Environmental Studies*. Vol. 70. No. 4. P. 467–476. DOI: 10.1080/00207233.2013.823030.

- Freitas M., Silva Freitas M.C. (2018). Regional Development For Sustainability In Amazonia: Controversies And Challenges [Regional Development For Sustainability In Amazonia: Controversies And Challenges]. *Geography, Environment, Sustainability*. Vol. 11. No. 4. P. 112–131. DOI:10.24057/2071-9388-2018-11-4-112-131.
- Freitas M., Silva Freitas M.C. (2020). *The Future of Amazonia: Inheritance or Ruin?* Peter Lang Publishing. 124 p. DOI:10.3726/b16717.
- Kheyfets V.L. (ed.) (2019). *Ot bipolyarnogo k mnogopolyarnomu miru: latinoamerikanskiy vektor mezhdunarodnykh otnosheniy v XXI veke*. [From bipolar to multipolar world: Latin American vector of international relations in the 21st century]. Moscow: Rosspen. 494 p.
- Larionova M.V. (2020). Vyzovy dostizheniya Tselei razvitiya tsysyacheletiya (TSRT) [Challenges to achieving the Millennium Development Goals (MDGs)]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*. Vol. 15. No. 1. P. 155–176. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-07.
- Martynov B.F. (2008). Braziliya – gigant v globaliziruyushchemsya mire. [Brazil is a giant in a globalizing world] Moscow. ILA RAN. Nauka. 320 p.
- Martynov B.F. (2010). Braziliya: priorityety i fobii voskhodyashchey derzhavy [Brazil: Priorities and Phobias of a Rising Power]. *Indeks bezopasnosti*. Moscow. No. 4 (95). P. 43–58.
- Martynov B.F. (ed.) (2017). *Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoy Amerike i stranakh Karibskogo basseyna* [Modern Organized Crime in Latin America and the Caribbean]. Moscow: Ves' Mir. 272 p.
- Mejía Rosas J.L., Díaz Jaimés J.M., Rendón Manrique J., Bello Guachetá W.T., Rincón Arroyave L. (2019). Amenazas a la seguridad de la Región Amazónica. Narcotráfico y Minería Ilegal [Threats to the security of the Amazon Region. Drug Trafficking and Illegal Mining]. *Amazonia. Poder, Geoestrategia y Seguridad*. P. 183–240.
- Nikolaeva L.B. (2018). Economía latinoamericana de cara a los cambios climáticos [Latin American economy in the face of climate change]. Nuevas prioridades. *Iberoamérica*. No. 4. P. 5–26.
- Nikolaeva L.B. (2019). Latinskaya Amerika v poiske puti ekologicheskoi ustoychivogo razvitiya [Latin America in search of an environmentally sustainable development path]. *Latinskaya Amerika*. No. 5. P. 90–99. DOI: 10.31857/S0044748X0004723-4
- Nikolaeva L.B. (2020). El Consenso de París y cambios en la política ambiental [The Paris Consensus and changes in environmental policy]. *Iberoamérica*. No. 3. P. 50–71. DOI: 10.37656/s20768400-2020-3-03.
- Timofeyeva Yu.A., Budykina K.Yu. (2020). Pozhary v Amazonii i otnosheniya mezhdru MERCOSUR i YES [Fires in the Amazon and the relationship between MERCOSUR and the EU]. *Latinskaya Amerika*. No. 7. P. 79–88.
- Ursul A.D. (2020). Latinoamerikanskiy vektor dostizheniya global'noy ustoychivosti [Latin American vector of achieving global sustainability]. *Mirovaya politika*. No. 2. P. 102–115. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.2.33376.
- Pereira J.C., Viola Ed. (2020). Close to a Tipping Point? The Amazon and the Challenge of Sustainable Development under Growing Climate Pressures. *Journal of Latin American Studies*. Vol. 52. No. 3. P. 467–494. DOI: 10.1017/S0022216X20000577.
- Shemyakin Y.G. (2019). Identidad: la base civilizacional del desarrollo sostenible [Identity: the civilizational basis of sustainable development]. *Iberoamérica*. No. 4. P. 86–104.
- Shinkarenko, A.A. (2017). Neoekstraktivizm i «zelenaya» geopolitika v Latinskoy Amerike [Neo-extractivism and "green" geopolitics in Latin America]. In: Kheyfets V.L., Kheyfets L.S. (eds) *Rossiya i Iberoamerika v globaliziruyushchemsya mire: istoriya i sovremennost'*. Doklady i materialy Tret'yego mezhdunarodnogo foruma. Saint Petersburg: Skifiya-print. P. 447–456.
- Sudarev V.P., Simonova L.N. (eds) (2017). *Latinskaya Amerika na perelome global'nykh i regional'nykh trendov*. [Latin America at the turn of global and regional trends]. Moscow: ILA RAN. 208 p.
- Tayar V.M. (2020). La Unión Europea y América Latina: el desarrollo sostenible con hincapié en la ecología [The European Union and Latin America: sustainable development with an emphasis on ecology]. *Iberoamérica*. No. 3. P. 72–97. DOI: 10.37656/s20768400-2020-3-04.
- Tigre M.A. (2017). *Regional Cooperation in Amazonia. A Comparative Environmental Law Analysis*. BRILL. 580 p.

ИННОВАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КРУПНЕЙШИХ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ

ТРЕНДЫ И ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ

ИВАН ДАНИЛИН

Научно-исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Резюме

Сверхкрупные платформы – цифровые многоотраслевые корпорации, контролирующие ключевые интернет-рынки, – по праву считаются ведущими игроками цифровой экономики и входят в число крупнейших транснациональных корпораций. Несмотря на то что многие базовые факторы их успеха до сих пор сохраняют актуальность, усиление конкуренции, исчерпание низкой базы роста и иные вызовы привели их в конце 2000-х – начале 2010-х годов к ставке на опережающее развитие инновационно-технологического потенциала. Процесс поддерживался мощным притоком инвестиций. Начались форсированный рост расходов сверхкрупных платформ на исследования и разработки (ИР), венчурные инвестиции, скупка стартапов, формирование огромных инновационных экосистем. Уже к концу 2010-х годов сверхкрупные платформы превратились в ведущих глобальных игроков в сфере технологий и инноваций, акцентирующих при этом развитие наиболее перспективных цифровых технологий (включая искусственный интеллект, облачные вычисления, робототехнику) и рынков будущего. Складывается уникальная ситуация. Сверхкрупные платформы во всё более значительной мере становятся самостоятельным фактором развития национальных инновационных систем (НИС), цифровой трансформации и обеспечения глобальной конкурентоспособности США и КНР как стран-лидеров цифровой экономики. В перспективе платформенные компании, по всей видимости, сохраняют акцент на инновационной трансформации – тем более что дальнейший экстенсивный рост ИР и технологических инвестиций вряд ли реален в новых финансовых условиях. При этом сравнительно большую роль в этих процессах, по-видимому, будет играть внешний контекст. Это – изменение регуляторных условий функционирования данных платформ (в том числе для преодоления актуальных вызовов монополизации цифровых рынков); пересмотр глобальных торгово-экономических режимов и технологическая война США и КНР; нарастание глобальной конкуренции. Наиболее вероятно, что результатом изменений станет дальнейший рост роли платформ в НИС, их превращение в новый фактор экономической и цифровой мощи – и новое поле конкуренции сверхдержав.

Ключевые слова:

сверхкрупные платформы; цифровая экономика; исследования и разработки; стартапы; национальные инновационные системы; цифровая трансформация; перспективные технологии; экосистемы.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2020

Дата принятия к публикации: 25.02.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: danilin.iv@imemo.ru

Один из важнейших современных экономических трендов состоит в формировании и быстром развитии *цифровой экономики*, доля которой в мировом ВВП уже выросла до 4% [Barefoot et al. 2018; International Monetary Fund 2018; UNCTAD 2019]. В настоящей работе мы пользуемся узкой трактовкой данного понятия – как совокупности интернет-рынков (онлайн-торговля, агрегаторы услуг, специализированные сервисы наподобие облачных вычислений и пр.) и сопутствующих секторов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В отличие от широкой трактовки [Huawei и Oxford Economics 2017; Yue 2017; International Monetary Fund 2018; Zhang and Chen 2019; UNCTAD 2019], включающей все виды ИКТ и использование ИКТ в прочих секторах экономики, данный подход представляется нам более релевантным, так как позволяет фиксировать актуальные рыночные и технологические тренды непосредственно в этом сегменте экономики.

Ведущую роль в развитии цифровой экономики играют так называемые **платформы** – *интернет-ресурсы и владеющие ими компании, как минимум, часть операций которых построена на принципах дву- и многосторонних рынков, включая шеринг* [OECD 2016; Evans and Gawer 2016; OECD 2017; Паркер и др. 2017; Langley and Leyshon 2017; Parentea et al. 2018; OECD 2019; UNCTAD 2019]. Особенно важны сверхкрупные платформы – небольшое число глобальных корпораций (иногда также именуемых *Big Tech*), контролирующих ключевые интернет-рынки и инвестиционные потоки и качественно превосходящие прочих игроков по таким показателям, как капитализация, масштаб операций и проч. В аналитической и всё чаще

в научной литературе эту группу компаний именуют по первым буквам их названий: американские FAMGA или, иначе, GAFAM (*Facebook, Apple, Microsoft¹, Google и Amazon*) и китайские BAT (*Baidu, Alibaba, Tencent*).

В данной статье мы рассмотрим один из важнейших вопросов, связанных с экономикой платформ и перспективами цифровой экономики в целом. Речь идёт о меняющемся характере инновационного развития сверхкрупных платформ и его влиянии на инновационный потенциал стран происхождения.

1

Сверхкрупные платформы играют доминирующую роль в сфере цифровой экономики. FAMGA и BAT не имеют равных по таким показателям, как доля от привлечённых инвестиций и от совокупной капитализации (более 69%) или оценочной стоимости (свыше 80%) интернет-платформ; охват пользователей в глобальном масштабе и доля на ключевых сегментах интернет-рынков (от 50 до 100%) [Evans and Gawer 2016; European Commission 2016; OECD 2017; Fijneman et al. 2018; Cheung 2019; OECD 2019; The Census Bureau of the U.S. Department of Commerce. 2019; Lipsman 2019; UNCTAD 2019; Belgavi et al. 2019; International Monetary Fund-World Bank 2019; World Bank 2020]².

За последние 10 лет крупнейшие платформы вошли ещё и в число крупнейших транснациональных корпораций. Наиболее иллюстративна динамика изменения их капитализации, то есть фактически оценка глобальным финансовым сообществом их роли на рынке и потенциала развития. По состоянию на начало 2010 г. капитализация FAMGA составляла более 650 млрд

¹ Вместо Microsoft нередко упоминается Netflix или же число компаний вообще редуцируется до 4 (GAFA).

² National Economic Performance Maintained within an Appropriate Range in 2018 with Main Development Goals Achieved. National Bureau of Statistics of China. January 21, 2019. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201901/t20190121_1645832.html (accessed: 22.09.2019); Matsuda N. Alibaba cements its position as China's No. 1 e-commerce player // Nikkei Asia Review. July 07, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Business-trends/Alibaba-cements-its-position-as-China-s-No.-1-e-commerce-player> (accessed: 24.07.2019).

долларов США, а ВАТ – около 77 млрд³. При этом в начале десятилетия лишь *Google*, *Apple* и *Microsoft* были в списке крупнейших по капитализации компаний [World Bank 2020: 141]. Стремительный рост капитализации *Big Tech* начался со второй половины 2010-х годов. К концу октября 2020 г. совокупная капитализация FAMGA достигла фантастического значения – более 7 трлн долларов, а ВАТ – более 1,6 трлн долларов⁴, то есть почти 9% всего мирового рынка акций (по состоянию на ноябрь 2020 г. оценивался в 95 трлн долларов⁵).

В основе успехов и лидерства сверхкрупных платформ лежат несколько факторов.

Это, прежде всего, по-настоящему «подрывные» (в понимании К. Кристенсена [Кристенсен 2004]) продукты и бизнес-модели, соответствующие принципам «созидательного разрушения» Й. Шумпетера. Помимо быстрого роста продаж и доли на рынках присутствия, это косвенно подтверждается, например, их неоднозначным влиянием на региональную экономику. В частности, о том, что деятельность интернет-платформ нередко ведет к разорению различных малых и средних пред-

приятий, снижению занятости (или замещению высокооплачиваемых рабочих мест на низкооплачиваемые) и иным негативным последствиям часто говорят оппоненты этих сверхкрупных компаний [LaVecchia, Mitchell 2016; Dolata 2017; Fan 2018; UNCTAD 2019; World Bank 2020]⁶.

Свою роль сыграла и специфическая ситуация на рынках. Культурно-демографические изменения (появление поколения «миллениалов») были дополнены технологическими прорывами и появлением новых видов техники (массовое распространение сетей 3G и 4G, появление смартфонов и планшетных компьютеров), способствуя ускоряющемуся росту индустрии со второй половины 2000-х годов. Показательно, что развитие цифровой экономики опережало последние полтора-два десятилетия темпы роста ведущих экономик мира [Huawei и Oxford Economics 2017; Yue 2017; Zhang and Chen 2019; Barefoot et al. 2018; International Monetary Fund 2018; UNCTAD 2019]. Одновременно после завершения «революции» смартфонов инвесторы интенсивно искали новые перспективные технологические активы (The Next Big Thing) [Simon 2016: 41–54]⁷. В этих

³ Рассчитано на основе данных: Marketwatch. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketwatch.com> (дата обращения: 25.11.2020). Данные по оценке капитализации Facebook (IPO состоялось в 2014 г., оценки даны на основе заключённых сделок с акциями): *Schonfeld E.* Facebook's Market Cap On SecondMarket Is Now \$25 Billion (Bigger Than Yahoo's) // *Techcrunch*. 4.06.2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://techcrunch.com/2010/06/04/facebook-secondmarket-25-billion/> (accessed: 25.11.2020). Оценки по ВАТ (IPO Alibaba также состоялось лишь в 2014 г., а IPO Tencent состоялось в Гонконге): *Qiang X.* Baidu, Tencent, Alibaba forming oligopoly on Chinese Internet // *China Daily*. 18.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2011-02/18/content_12042514.htm (accessed: 25.11.2020).

⁴ Данные на 27–28 октября 2020 г. Конец октября в качестве верхней границы оценок мы избрали, чтобы отразить максимальную капитализацию компаний в 2020 г. вне флуктуаций курса акций Alibaba на волне противоречий с регуляторами КНР. Рассчитано на основе данных ресурса YCharts [Электронный ресурс]. URL: [YCharts.com](https://ycharts.com) (дата обращения: 25.11.2020) и Yahoo Finance [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.yahoo.com> (дата обращения: 25.11.2020).

⁵ *DeCambre M.* Value of the world-wide stock market soars to record \$95 trillion, despite resurgence of coronavirus // *Marketwatch*. 12.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketwatch.com/story/value-of-the-world-wide-stock-market-soars-to-record-95-trillion-despite-resurgence-of-coronavirus-11605196894> (accessed: 25.11.2020).

⁶ *Dowsett S., Fares M.* Selling with the enemy: Why rival retailers embrace Amazon.com // *Reuters*. 09.04.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-brands-apparel/selling-with-the-enemy-why-rival-retailers-embrace-amazoncom-idUSKCN1RLOE7> (accessed: 23.08.2019).

⁷ *Winkler R.* Venture Capitalists Chase Next Tech Wave After Smartphones // *The Wall Street Journal*. Updated 24.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/venture-capitalists-hunt-for-the-next-big-thing-1477278001> (accessed: 21.11.2019).

условиях сверхкрупные платформы, быстро завоёвывающие рынки и удачно вписавшиеся в тренд цифровой мобильности, оказались по-настоящему удачным объектом инвестиций. Как следствие уже на ранних этапах для интернет-рынков стали значимы процессы концентрации капитала, формируя предпосылки для образования сверхкрупных компаний, их глобальной экспансии и мощных технологических инвестиций.

2

На фоне впечатляющего роста в начале 2010-х годов сверхкрупные платформы активизировали свои инновационные стратегии. Причиной тому стала комбинация внутренних и внешних вызовов.

Во-первых, быстрое расширение основного бизнеса требовало развития специализированных сервисов и обеспечивающих их технологий. Это касалось всех сфер деятельности, от логистики (например, складские роботы для онлайн-ритейла) до предиктивной аналитики и обслуживания клиентов (искусственный интеллект для

соцсетей, веб-поиска, e-commerce). *Во-вторых*, акцент на технологиях и инновациях определялся ростом конкуренции, в том числе в условиях глобальной экспансии платформ. *В-третьих*, на перспективу формировались риски, связанные с исчерпанием эффекта низкой базы роста, необходимостью наращивания прибыли как условия сохранения привлекательности для инвестиционного сообщества (с учётом акцента платформ на рост часто в ущерб прибыли). *Наконец*, налицо было ускорение развития ряда перспективных (emerging) технологий – искусственного интеллекта и больших данных, автономных транспортных средств и дронов и иных. Инвестиции в эти новые направления сулили компаниям-платформам лидерство на «рынках будущего», а следовательно, новые прибыли, горизонты конкурентоспособности и возможности развития. К тому же у платформ были прекрасные стартовые возможности: огромные финансовые ресурсы, доступ к первичным данным пользователей, в ряде случаев – синергия с основным бизнесом.

Таблица 1
Расходы на ИР и иные технологические работы сверхкрупных платформ

Год	Facebook	Apple	Microsoft	Alphabet (Google)	Amazon*	Baidu	Alibaba**	Tencent
2010	0,144	1,782	8,714	3,762	1,734	0,109	0,086	0,249
2011	0,388	2,429	9,043	5,162	2,909	0,212	0,319	0,415
2012	1,399	3,381	9,811	6,793	4,564	0,37	0,459	0,662
2013	1,415	4,475	10,411	7,137	6,565	0,678	0,610	0,829
2014	2,666	6,041	11,381	9,832	9,275	1,125	0,827	1,230
2015	4,816	8,067	12,046	12,282	12,54	1,571	1,72	1,438
2016	5,919	10,045	11,988	13,948	16,085	1,462	2,138	1,782
2017	7,754	11,581	13,037	16,625	22,62	1,987	2,479	2,584
2018	10,273	14,236	14,726	21,419	28,837	2,294	3,628	3,465
2019	13,6	16,217	16,876	26,018	35,931	2,635	6,085	4,3

* – профильные расходы определены как «технологии и контент».

** – профильные расходы определены как «разработка продуктов».

Источник: составлено автором на основе официальной годовой отчётности компаний за 2010–2019 годы.

Отчёты компаний США подготовлены по форме 10-K Комиссии по ценным бумагам США (SEC). Отчёты Alibaba (кроме 2010 г.) и Baidu подготовлены по форме 20-F SEC. Все отчёты Tencent и отчёт Alibaba за 2010 г.

подготовлены по стандартам Гонконгской фондовой биржи. Отчётный период для всех документов 31 декабря – кроме Alibaba в 2011–2018 годах (отчётный период 31 марта) и Apple (отчётный период 29 сентября).

Данные по Tencent за все годы и по Alibaba за 2010–2014 годы в оригинальных отчётах приведены в юанях и пересчитаны автором на основе среднегодового курса юаня к доллару США.

Наиболее релевантным индикатором изменения стратегий сверхкрупных компаний стал опережающий рост их расходов на исследования и разработки (ИР) и сопутствующие технологические работы (табл. 1).

Процесс начался ещё в конце 2000-х годов. Не беря в расчёт *Microsoft* и *Apple*, которые постепенно расширяли свой основной бизнес (электроника, программное обеспечение) за счёт новых интернет-рынков и технологий, пионером здесь выступила *Google*. Со второй половины 2000-х годов компания осознала необходимость диверсификации источников дохода за пределами контекстной онлайн-рекламы и стала активно вкладываться в передовые технологические проекты.

Однако наиболее важные изменения произошли в первой половине 2010-х годов. В 2010 г. совокупные технологические расходы сверхкрупных платформ составляли всего около 16,6 млрд долларов. Причём 63% от этой суммы приходилось опять же на ветеранов цифровых рынков *Microsoft* и *Apple* (определяющую роль играли дорогостоящие разработки их традиционных продуктов), а ещё 23% – на *Google*. По итогам же 2019 г. сумма ИР и иных технологических затрат сверхкрупных платформ увеличилась относительно 2010 г. почти в 7 раз. Наиболее выраженные темпы прироста ИР наблюдались у цифровых новичков: интернет-компаний, созданных в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Например, ИР *Facebook* за период 2010 – 2019 годов выросли более чем в 94 раза (!) – со 144 млн до 13,6 млрд долларов, у *Alibaba* – более чем в 70 раз (с 860 тыс. до 6,1 млрд долларов), *Baidu* – в 24 раза (со 109 млн до

2,6 млрд), у *Amazon* – почти в 21 раз (с 1,7 до 35,9 млрд).

Важным индикатором изменений стал прорыв сверхкрупных платформ в топ-20 и топ-50 корпораций по затратам на ИР. Если ещё в 2010 г. ни одна из них не присутствовала в этих списках, то к 2020 г. [Joint Research Centre 2020] вне его остался лишь *Amazon* – и то по чисто формальной причине (из-за специфики корпоративной отчётности точный объём его ИР, в строгом понимании термина, неясен⁸). С 2018 г. *Alphabet* заняла устойчивое первое место среди крупнейших корпораций мира по затратам на ИР [Joint Research Centre 2018].

В целом по итогам 2019 г. ИР и иные технологические затраты «большой восьмерки» сверхкрупных платформ достигли более 121,5 млрд долларов. Для того чтобы проиллюстрировать относительный масштаб этой цифры, заметим, что она составляет около 10,8% от ИР крупнейших 2500 компаний мира, чьи инвестиции в науку и технологии, в свою очередь, определяют около 90% всех глобальных бизнес-ИР [Joint Research Centre 2020; Global R&D Funding Forecast 2019]. ИР сверхкрупных платформ в 1,5–2 раза выше совокупных затрат на исследования и разработки крупнейших компаний в таких отраслях, как автомобилестроение или фармацевтика, и более чем в 10 раз больше, чем у ведущих компаний аэрокосмической сферы [Joint Research Centre 2020; Global R&D Funding Forecast 2019].

Высок у сверхкрупных платформ и такой показатель, как наукоёмкость, или, иначе, интенсивность ИР – отношение ИР к доходам (табл. 2). К 2019 г. у всех сверхкрупных платформ, кроме *Apple* (6%⁹), наукоёмкость

⁸ *Amazon* не выделяет ИР как отдельную категорию затрат, сохраняя её внутри более широкого определения «технологии и контент». Интересно, что и другие компании онлайн-торговли предпочитают столь же расплывчатые определения: *Alibaba* – «разработка продуктов», *JD.com* – как и *Amazon* – «технологии и контент». К сожалению, не представляется возможным понять, является ли подобная практика отражением объективной сложности учёта специфических технологических работ e-commerce, или же это просто средство «мягкого» манипулирования настроениями инвесторов, всегда положительно оценивающих высокие затраты на ИР компаний секторов «хай-тек».

⁹ Данные из корпоративных отчётов *Apple* по стандартам Комиссии по ценным бумагам США указывают на интенсивность ИР в пределах 6%, однако по расчётам Объединённого исследовательского центра Еврокомиссии, приведённое в докладе [Joint Research Centre 2020] значение

Таблица 2
Интенсивность ИР сверхкрупных платформ

Год	Facebook	Amazon	Microsoft	Alphabet (Google)	Apple	Alibaba	Baidu	Tencent
2010	7,3	5,1	13,4	12,8	2,7	10,4	9,1	8,6
2014	12,5	10,4	13,1	14,9	3,3	9,7	14,2	9,6
2019	19,0	21,0	13,0	16,1	6,0	9,9	17,1	8,1

Источник: составлено автором на основе официальной годовой отчетности компаний за 2010–2019 годы включительно, верифицировано с использованием данных [Joint Research Centre 2020].

была выше 8%. При этом у *Alphabet (Google)*, *Facebook* и *Baidu* значения показателя превышали 15%, то есть находились на уровне компаний—мировых инновационных лидеров и существенно превышали средние показатели для отрасли ИКТ. Комментарии требуют лишь формально неожиданные данные по *Alibaba* и *Tencent*. Высокие значения показателей по состоянию на 2010 г. объясняются, вероятно, догоняющим на тот момент характером их развития и низкой базой инновационного роста, предполагавшими опережающий относительно доходов рост вложений в ИР. А небольшое падение наукоёмкости в последующие годы стало следствием быстрого увеличения доходов на фоне бума цифровой экономики КНР. Другими словами, темпы прироста расходов на ИР попросту не поспевали за увеличением доходов. Важнее, что интенсивность ИР обеих компаний всё равно оставалась очень высокой.

Помимо мощных ИР и сопутствующих работ, ведущие платформы являются также крупными инвесторами в молодые технологические компании-стартапы, включая «единороги» [CB Insights 2016; Woetzel et al. 2017a; Woetzel et al. 2017b; Asia Tech Investment Report 2017; CB Insights 2017b]¹⁰.

В частности, FAMGA (12,5%) и BAT (46%) лидируют по доле от глобальных инвестиций в стартапы-«единороги», большая часть которых или развивает новые платформы и сопутствующие бизнес-модели, или разрабатывает иные перспективные цифровые технологии [CB Insights 2016; CB Insights 2017a; CB Insights 2017b].

Помимо ускоренного роста ИР и технологических инвестиций, инновационные стратегии сверхкрупных платформ претерпевают качественные изменения. В фокусе оказываются самые передовые технологии (искусственный интеллект, квантовые решения и пр.) и направления (цифровое здравоохранение, системы автономного вождения и др.), которые в настоящее время рассматриваются в качестве магистральных для цифровой трансформации экономики и, шире, глобального инновационного развития.

Показатели свидетельствуют об усилении их позиций на перспективных технологических рынках. Возьмем, например, рынок облачных услуг (182,4 млрд долларов в 2018 году)¹¹. В отдельных его сегментах — прежде всего, в сфере инфраструктурных услуг облачных систем (так называемых IaaS¹²) — сверхкрупные платформы

соответствующего показателя равно 6,2%. В данном случае мы опираемся на собственные расчёты *Apple* как более релевантный источник. Сравнительно низкая наукоёмкость *Apple* объясняется спецификой их работы по созданию новых электронных систем, где акцент делается на управлении требованиями к поставщикам вместо собственных ИР.

¹⁰ Стартапы с оценкой капитализации (на стадии до первичного размещения акций) в 1 млрд долларов и выше.

¹¹ Gartner Forecasts Worldwide Public Cloud Revenue to Grow 17.5 Percent in 2019 // Gartner. April 2, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2019-04-02-gartner-forecasts-worldwide-public-cloud-revenue-to-g> (accessed: 01.12.2019).

¹² IaaS — «Infrastructure as a Service», т.е. предоставление программно-аппаратных средств в сфере облачных вычислений для сторонних контрагентов.

контролируют более 70% рынка (в том числе свыше 45% приходится на *Amazon*)¹³. Аналогичная ситуация наблюдается на рынке видео- и мобильных онлайн-игр, где за счёт успешных приобретений и ИР лидером стала китайская *Tencent* (свыше 15% рынка) [Casano et al. 2018]¹⁴, на рынках удалённого доступа к системам искусственного интеллекта (*AIaaS*) и пр.

Казалось бы, эти выводы можно поставить под сомнение в связи с неоднозначной патентной активностью *Big Tech*. Здесь опять же опустим *Microsoft* и *Apple*, традиционные сегменты бизнеса которых предполагают высокую интенсивность патентования. К концу 2020 г. в число 250 крупнейших компаний-патентообладателей мира (в расчёте по активным патентным семьям, а не единичным патентам в национальных юрисдикциях) вошли лишь *Alphabet* (13-е место, 21,8 тыс. патентных семей), *Facebook* (106-е место, 4,9 тыс.) и *Tencent* (218-е место, 2,3 тыс.)¹⁵. Но, во-первых, в секторе услуг динамика и объёмы патентования всегда были существенно ниже, чем в обрабатывающей промышленности, на которую до сих пор приходится 2/3 патентов даже в постиндустриальных, наиболее развитых странах¹⁶.

Во-вторых, важна структура патентных портфелей компаний-платформ. Значительные объёмы здесь составляют опять же передовые цифровые решения – от искусственного интеллекта до блокчейн. При этом сверхкрупные платформы входят в число крупнейших патентообладателей в данных сферах¹⁷.

Э

Как следствие рассмотренных выше процессов из поставщиков отдельных наукоёмких услуг – или даже традиционных услуг, но предоставляемых на основе новых технологических решений, – сверхкрупные платформы постепенно превращаются в глобальных технологических лидеров по ключевым направлениям цифровой трансформации. Этот процесс, помимо прочего, ведёт к важным изменениям на уровне национальных инновационных систем (НИС) и глобальной инновационной конкуренции – особенно с учётом разворачивающейся новой цифровой революции.

Прежде всего, речь идёт о растущей роли сверхкрупных платформ в ресурсном обеспечении развития науки и технологий в странах происхождения.

¹³ Gartner Says Worldwide IaaS Public Cloud Services Market Grew 31.3% in 2018 // Gartner. July 29, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2019-07-29-gartner-says-worldwide-iaas-public-cloud-services-market-grew-31point3-percent-in-2018> (accessed: 01.12.2019).

¹⁴ Top 25 Public Companies by Game Revenues // NewZoo. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://newzoo.com/insights/rankings/top-25-companies-game-revenues/> (accessed: 08.11.2019).

¹⁵ IFI 250: Largest Global Patent Holders. IFI CLAIMS Patent Services. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ificlaims.com/rankings-global-assets-2020.htm> (accessed: 22.11.2020).

¹⁶ См. о роли промышленности в патентовании, например, в США: National Science Board. 2018. Science and Engineering Indicators 2018. NSB-2018-1. Alexandria, VA: National Science Foundation. P. 8-14 – 8-15. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/assets/1178/invention-knowledge-transfer-and-innovation.pdf> (accessed: 02.10.2020).

¹⁷ *Okashi Y.* China overtakes US in AI patent rankings // Nikkei Asian Review. 10.03.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Business-trends/China-overtakes-US-in-AI-patent-rankings> (accessed: 02.10.2020); *Zheng S.* 2019 blockchain patent filings show Chinese firms taking the lead // The Block. 6.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theblockcrypto.com/genesis/61046/2019-blockchain-patent-filings-show-chinese-firms-taking-the-lead> (accessed: 02.10.2020); *Calvin N., Leung J.* Who owns artificial intelligence? A preliminary analysis of corporate intellectual property strategies and why they matter AI. Working Paper. Future of Humanity Institute, University of Oxford. February 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fhi.ox.ac.uk/wp-content/uploads/Patents_FHI-Working-Paper-Final-.pdf (accessed: 02.10.2020); *Gkritsi E.* Alibaba is the top global blockchain patent holder // Technode. 03.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://technode.com/2020/07/03/alibaba-leads-global-blockchain-patent-but-china-lags-behind-us-and-s-korea/> (accessed: 02.10.2020).

По состоянию на 2018 г.¹⁸ технологические затраты американских сверхкрупных платформ относительно бизнес-затрат на ИР США достигли рекордных 27,7% (!). В КНР доля ИР сверхкрупных китайских платформ в совокупных бизнес-ИР существенно ниже – около 6,1%. Тем не менее она быстро растёт, и этот процесс, скорее всего, получит второе рождение в 2020-х годах. Это обусловлено собственными корпоративными стратегиями китайских *Big Tech*, где дальнейшее опережающее увеличение ИР рассматривается как залог конкурентоспособности; научно-технологической политикой КНР со ставкой на развитие национального потенциала – особенно в условиях американо-китайской технологической войны; ожидаемым вхождением в 2020-х годах в число сверхкрупных платформ целой группы новых компаний (от *JD.Com* до *Meituan-Dianping*). Даже противостояние властей с *Alibaba* и, шире, рост напряжённости в отношениях регуляторов и платформ в КНР вряд ли окажет существенное негативное влияние на этот тренд¹⁹.

Поскольку в обеих странах бизнес финансирует более 70% национальных ИР, можно констатировать, что в обеспечении ресурсной базы исследований и разработок сверхкрупные платформы уже играют в своих НИС близкую к системообразующей роль.

Не менее выраженное влияние *Big Tech* оказывает на развитие венчурного рынка и взаимосвязанных с ним инновационно-технологических процессов. В данной сфе-

ре сверхкрупные платформы уже вошли в число ведущих, а в случае с интернет- и рядом иных цифровых технологий, даже стали структуроформирующими игроками. По оценкам американских экспертов, на группу ВАТ и связанные с ними финансовые и корпоративные структуры к 2017 г. приходилось около 40% всех инвестиций и приобретений стартапов в КНР [CB Insights 2016; Woetzel et al. 2017a; Woetzel et al. 2017b; Asia Tech Investment Report 2017; CB Insights 2017b]. Доля FAMGA на венчурном рынке США скромнее, но также значима. Даже приблизительные расчёты на основе данных специализированного ресурса CB Insights дают нам от 12 до 20% от всех американских венчурных инвестиций – при том, что FAMGA предпочитает покупать «готовые» компании, а не инвестировать в их развитие по линии своих венчурных структур.

Заметим в данной связи, что мощные венчурные инвестиции *Big Tech* влияют и на рост бизнес-ИР стартапов, тем самым опосредованно увеличивая роль сверхкрупных платформ в ресурсном обеспечении развития науки и технологий.

Наконец, следует отметить постепенное превращение *Big Tech* в драйвера цифровой революции обеих стран и, соответственно, национального экономического развития на перспективу – что также оказывает прямое влияние на качественные характеристики и динамику развития НИС. Помимо ИР и венчурной активности, это обусловлено огромными инвестициями сверхкрупных платформ в опытно-демонстрационные

¹⁸ 2018 год избран в силу наличия достоверной статистики по национальным ИР для обеих стран (данные за 2019 и 2020 годы по США на момент написания статьи находились в обработке). Источник по США: *Wolfe R.M.* U.S. Businesses Reported \$441 Billion for R&D Performance in the United States During 2018, a 10.2% Increase from 2017. U.S. National Science Foundation InfoBriefs. NSF 20-316. 26.08.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsf20316/> (accessed: 02.10.2020). По КНР: Communiqué on National Expenditures on Science and Technology in 2018. National Bureau of Statistics of China. 31.08.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201909/t20190902_1695121.html (accessed: 02.12.2019).

¹⁹ См., например: *Li Y.* Why China Turned Against Jack Ma [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/24/technology/china-jack-ma-alibaba.html?campaignId=7KRWF> (accessed: 11.03.2020); *Zhai K., Wei L.* China Lays Plans to Tame Tech Giant Alibaba // *The Wall Street Journal*. 11.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-regulators-plan-to-tame-tech-giant-alibaba-jack-ma-11615475344> (accessed: 11.03.2020).

проекты и масштабирование перспективных решений – от автономных транспортных средств до услуг в сфере искусственного интеллекта и от *фиттеха* до *медтеха* [Феномен Трампа: 295–311; Danilin 2020]²⁰.

Важно учитывать эффекты перелива и иные косвенные эффекты инновационной деятельности *Big Tech* в цифровой сфере [Fan 2018; Edvardsson and Tronvoll 2019; Данилин 2020; Инновационная конкуренция 2020: 99–118]²¹. В ответ на новые технологические возможности появляются новые предприятия, в экосистемах платформ, среди компаний-партнёров и потребителей возникают новые технологии, бизнес-модели, компетенции. Стратегии *Big Tech* стимулируют ускоренную цифровизацию конкурентов (например, форсированный выход в онлайн традиционных медиа и торговых сетей). Наконец, на региональном уровне наблюдается диверсификация экономической деятельности, а также развитие инновационных центров компетенций, кластеров, инфраструктуры, кадрового потенциала.

Пандемия COVID-19 и последовавший кризис привели к дальнейшему укреплению роли сверхкрупных платформ в экономике и в процессах цифровой трансфор-

мации США и КНР (и, опосредованно, мира в целом). В ответ на вызовы пандемии, в том числе рост спроса на удалённый доступ к услугам, *Big Tech* активизировали свою инновационную активность, а также инвестиции в региональную и национальную инновационную и технологическую инфраструктуру (см., например, по КНР: [Danilin 2020]). Это создаёт условия для дальнейшего роста роли сверхкрупных платформ в НИС и инновационных системах крупных экономик и, прежде всего, американской и китайской.

Необходимо отметить и негативные стороны растущего влияния сверхкрупных платформ на инновационное развитие стран происхождения. В первую очередь это относится к ограничению конкуренции и снижению динамизма венчурных рынков. Речь идёт о феномене «мёртвых зон» (Killer Zones), возникающем в результате скупки цифровыми гигантами перспективных стартапов – потенциальных соперников, а также подавлении потенциальных конкурентов или стартапов, входящих в экосистемы других платформ [Newman 2019; Kamepalli et al. 2020; Инновационная конкуренция 2020]²². Именно поэтому в настоящее время вопрос выработки кор-

²⁰ См. также годовые корпоративные отчёты рассматриваемых компаний, в которых приведён достаточный фактический материал по их деятельности по развитию передовых цифровых технологий.

²¹ См., например, о влиянии партнёрства с *Amazon* на независимые малые и средние предприятия обрабатывающей промышленности: The AMAZON effect in manufacturing. Industry Today. 04.04.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://industrytoday.com/article/the-amazon-effect-in-manufacturing/> (accessed: 08.12.2019); Neil S. The Factory Faces the Amazon Effect // Automation World. 11.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.automationworld.com/products/motion/article/13319050/the-factory-faces-the-amazon-effect> (accessed: 08.12.2019). По влиянию платформ на региональное инновационное развитие КНР (как самый яркий пример) см.: Tencent to invest 500 bln yuan on new infrastructure in next 5 years // Xinhua. 31.05.2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-05/31/c_139102970.htm (accessed: 08.10.2020); Ma S. Private sector set to drive investment in industrial upgrade // China Daily. 16.06.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202006/16/WS5ee83040a310834817253531.html> (accessed: 08.10.2020).

²² См., например, об этом: Griffith E. Will Facebook Kill All Future Facebooks? // The Wired. 25.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wired.com/story/facebook-aggressive-moves-on-startups-threaten-innovation/> (accessed: 08.10.2020); Li Y. Tech Titans Wage War in China's Next Internet Revolution // The Wall Street Journal. 21.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/tech-titans-wage-war-in-chinas-next-internet-revolution-1513853405> (accessed: 08.10.2020); Manufacturing struggles to adapt. (Special report) // The Economist. 26.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/special-report/2017/10/26/manufacturing-struggles-to-adapt> (accessed: 23.08.2019); American tech giants are making life tough for startups // The Economist. 2.06.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/special-report/2018/06/02/american-tech-giants-are-making-life-tough-for-startups>

ректного антимонопольного законодательства для *Big Tech* оказывается в центре внимания крупнейших экономик мира [Инновационная конкуренция 2020].

Впрочем, все эти процессы лишь подтверждают то огромное влияние, которое *Big Tech* оказывают на НИС. Вопрос состоит в выработке приемлемого компромисса, который бы сохранил важные для НИС инновационные функции сверхкрупных платформ при снижении негативных последствий их монополистического поведения. В свете богатого опыта развития антимонопольного регулирования есть все основания полагать, что такая формула будет найдена к середине – второй половине 2020-х годов.

* * *

Инновационная трансформация сверхкрупных платформ – это естественный и логичный ответ на вызовы будущего. Помимо обеспечения глобальной конкурентоспособности и поиска новых источников роста, этот феномен имеет прямые последствия для национального инновационного развития США и Китая, но также и иных стран. Это касается прежде всего перспективных цифровых технологий и «рынков будущего», где *Big Tech* становятся самостоятельным фактором прогресса и совокупного ресурсного обеспечения научно-технической сферы стран происхождения, формирования инновационной инфраструктуры и передовых компетенций – в том числе на региональном уровне. Всё более заметна их роль в продвижении цифровой трансформации экономики как принципиального условия глобальной конкурентоспособности и инновационного развития. Таким образом, сверхкрупные платформенные компании становятся

одним из ключевых игроков и действующих сил НИС и развития экономики знаний США и Китая, претендующих на инновационно-технологическое лидерство в XXI веке. Заметим, что в данном случае – с известной осторожностью – можно провести аналогию с прошлыми волнами экономико-технологических трансформаций. Ведущую роль в них также сыграли сверхкрупные компании на новых для того времени технологических рынках (*Ford* и *General Motors* для автомобилестроения; *AT&T*, *Hewlett-Packard*, *IBM*, *Intel* и иные компании 1960-х годов для электроники; *IBM*, *Apple*, *Microsoft* для компьютерной революции и пр.).

Всё это, в свою очередь, подразумевает увеличивающееся влияние *Big Tech* ещё и на совокупный потенциал обеих сверхдержав, превращая платформы в новый фактор национальной мощи и конкурентоспособности. Более того, в условиях цифровой революции отдельным вопросом оказывается и роль *Big Tech* в обеспечении цифрового суверенитета. Подтверждением этих тезисов мы видим в попытках США при Дональде Трампе ограничить присутствие в том числе китайских сверхкрупных платформ на рынке США. Причём, как представляется, приход Джозефа Байдена в Белый дом, хотя и изменит некоторые акценты и аспекты этой политики, вряд ли приведёт к «нормализации» подходов в отношении китайских цифровых корпораций.

За пределами технооптимистических оценок (см., например [Паркер и др. 2017]) динамика этих процессов и ассоциированных с ними вызовов пока не до конца очевидна. Тем не менее средне- и долгосрочные тенденции повышают актуальность дальнейшей инновационной трансформации сверхкрупных платформ. Тем более

com/business/2018/06/02/american-tech-giants-are-making-life-tough-for-startups (accessed: 08.10.2020); Cortese A. Alibaba vs. Tencent: The War Shaping China's Tech Industry // Pandaily. August 12, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://pandaily.com/alibaba-vs-tencent-the-war-shaping-chinas-tech-industry/> (дата обращения: 08.10.2020); Dowsett S., Fares M. Selling with the enemy...; Mattioli D., Lombardo C. Amazon Met With Startups About Investing, Then Launched Competing Products // The Wall Street Journal. 23.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/amazon-tech-startup-echo-bezos-alexas-investment-fund-11595520249?mod=djemalertNEWS> (accessed: 08.10.2020).

что простые решения и подходы в новых условиях и при росте инновационной конкуренции вряд ли будут эффективны, а ожидать столь же выраженного притока ресурсов со стороны финансовых рынков, как в 2010-х годах, уже не приходится. Многие будут зависеть от внешнего контекста, в том числе развития регулирования; диалога между *Big Tech*, с одной стороны, и государством и обществом — с другой; ситуации на мировых рынках (включая динамику американо-китайской торгово-технологической войны и диалог

США с Евросоюзом по регуляторным режимам в цифровой сфере); секьюритизации развития платформенных компаний.

Итогом наблюдаемых изменений станет, вероятно, сохранение или, скорее, рост значения сверхкрупных платформ (при увеличении их числа) для НИС и инновационных процессов США и КНР, а также для конкурентоспособности обеих стран и их глобального экономического и цифрового влияния. Что формирует сравнительно новый мегатренд и новое поле глобальной конкуренции.

Список литературы

- Данилин И.В. Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. №1. С. 100–116.
- Инновационная конкуренция / Под ред. Н.И. Ивановой. М.: Весь Мир, 2020. 216 с.
- Кристенсен К. Дилемма инноватора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 239 с.
- Паркер Дж., ван Альстин М., Чаудари С. Революция платформ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.
- Феномен Трампа: Монография / под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИНИОН, 2020. 642 с.
- 2019 Global R&D Funding Forecast. A Supplement to the R&D Magazine. 2019. 36 p. [Электронный ресурс]. URL: https://issuu.com/wtwhmedia/docs/190101-2019_global_funding_forecast (accessed: 20.12.2019).
- Amazon. Small business means big opportunity. Amazon SMB impact report. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://cts.businesswire.com/ct/CT?id=smartlink&url=https%3A%2F%2Famazon.to%2F2019-SMB-Impact-Report&sheet=51980577&newsitemid=20190507005381&lan=en-US&anchor=here&index=1&md5=289b94171fe4435cd1f24db5376b4fc6> (accessed: 20.12.2019).
- Barefoot K., Curtiss D., Jolliff W., Nicholson J.R., Omohundro R. Defining and Measuring the Digital Economy. Working Paper. The Bureau of Economic Analysis. U.S. Department of Commerce. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bea.gov/system/files/papers/WP2018-4.pdf> (accessed: 14.06.2019).
- Belgavi V., Chand A., Arryan A.V., Narang A. Emerging technologies disrupting the financial sector. Report of PwC – ASSOCHAM, PricewaterhouseCoopers Private Limited. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.in/assets/pdfs/consulting/financial-services/fintech/publications/emerging-technologies-disrupting-the-financial-sector.pdf> (accessed: 05.09.2019).
- Casanova L., Cornelius P.K., Dutta S. Financing Entrepreneurship and Innovation in Emerging Markets. San Diego: Academic Press, 2018. 318 p.
- CB Insights. The Asia Tech Investment Report. 2017a. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbinsights.com/reports/CB-Insights_Asia-Tech-Investment-Report.pdf?utm_campaign=Report%20-%20Content%20Emails&utm_source=hs_automation&utm_medium=email&utm_content=52306389&hsenc=p2ANqtz-FZ693KpStPhVH16bMJ-4dy353yjdHY4AP7aDatYDu714u8pncAJgigR7zhjmErv8Cm3NfswmXaZ9F2Oj2eGln0bbA&_hsmi=52306389 (accessed: 01.08.2019).
- CB Insights. The Unicorns Backed by FAMGA — Facebook, Apple, Microsoft, Google, Amazon. 2017b. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbinsights.com/research/unicorn-investments-facebook-apple-microsoft-google-amazon/> (accessed: 01.08.2019).
- CB Insights. Top Tech M&A Analysis. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbinsights.com/reports/Top-Tech-MA.pdf?utm_source=hs_automation&utm_medium=email&utm_content=38323092&hsenc=p2ANqtz-8zw72yMc5JRX3QR79qg0La8L5DCdzKbEz-SOX2IA2VrDtqFgPiVxarUAHmv-Sh8veVTpkvg5QYLpbYZbn4SZzReFlt9g&_hsmi=38323092 (accessed: 01.08.2019).
- Cheung M.-C. Global Ecommerce 2019. China. eMarketer. June 27, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.emarketer.com/content/china-ecommerce-2019> (accessed: 06.08.2019).

- Danilin I.V.* The Impact of the COVID Crisis on the Innovative Potential of China's Internet Platforms // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 90. No. 6. P. 779–788. DOI: 10.1134/S1019331620060271.
- Dolata U.* University of Apple, Amazon, Google, Facebook, Microsoft. Market Concentration – Competition – Innovation Strategies. Stuttgart University. Stuttgart Institute for Social Science. SOI Discussion Paper 2017-01. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/152249/1/880328606.pdf> (accessed: 02.11.2019).
- Edvardsson B., Tronvoll B.* How platforms foster service innovations // Organizational Dynamics. 2019. Volume 49. Issue 3. DOI: 10.1016/j.orgdyn.2019.04.007.
- European Commission.* Online Platforms. Commission Staff Working Document. SWD(2016) 172 final. Accompanying the document Communication on Online Platforms and the Digital Single Market. COM(2016). 288 final. 2016. [Электронный документ]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/commission-staff-working-document-online-platforms> (accessed: 11.02.2019).
- Evans P.C., Gawer A.* The Rise of the Platform Enterprise. A Global Survey. The Center for Global Enterprise. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.thecge.net/app/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf (accessed: 21.09.2019).
- Fan L.* Taobao Villages The Emergence of a New Pattern of Rural Ecommerce in China and its Social Implications. Discussion paper. Friedrich-Ebert-Stiftung. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/indonesien/15198-20180218.pdf> (accessed: 12.11.2019).
- Fijneman R., Kuperus K., Pasman J.* Unlocking the value of the platform economy. Dutch Transformation Forum. KPMG N.V. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://dutchitchannel.nl/612528/dutch-transformation-platform-economy-paper-kpmg.pdf> (accessed: 11.11.2019)
- Huawei и Oxford Economics.* Сопутствующий эффект цифровизации. Измерение реального воздействия цифровой экономики. Доклад. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.huawei.com/minisite/russia/digital-spillover/> (accessed: 11.11.2019).
- International Monetary Fund.* Measuring The Digital Economy. The Staff Report. 2018. 48 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/04/03/022818-measuring-the-digital-economy> (accessed: 12.02.2019).
- International Monetary Fund-World Bank.* Fintech: The Experience So Far. 2019. 73 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/361051561641115477/pdf/Fintech-executive-summary.pdf> (accessed: 08.09.2019).
- Joint Research Centre. The 2018 EU Industrial R&D Investment Scoreboard. The European Commission – Joint Research Centre. JRC113807. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 102 p. DOI: 10.2760/131813.
- Joint Research Centre. The 2020 EU Industrial R&D Investment Scoreboard. European Commission – Joint Research Centre. JRC123317. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. DOI:10.2760/203793.
- Kamepalli S.K., Rajan R., Zingales L.* Kill Zone. National Bureau of Economic Research. Working Paper 27146. NBER Working Paper Series. 2020. 48 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27146/w27146.pdf (accessed: 08.10.2020)
- Langley P., Leyshon A.* Platform capitalism: the intermediation and capitalisation of digital economic circulation // Finance and society. 2017. Vol. 3 (1). P. 11–31.
- LaVecchia D., Mitchell S.* Amazon's Stranglehold: How the Company's Tightening Grip Is Stifling Competition, Eroding Jobs, and Threatening Communities. Institute for Local Self-Reliance. 2016. [Электронный ресурс]. 79 p. URL: https://ilsr.org/wp-content/uploads/2016/11/ILSR_AmazonReport_final.pdf (accessed: 01.10.2019).
- Lipsman A.* Global Ecommerce 2019. eMarketer Report. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.emarketer.com/content/global-e-commerce-2019> (accessed: 07.09.2019).
- Newman J.M.* Antitrust in Digital Markets // Vanderbilt Law Review. 2019. Vol. 72 (5). P. 1516–1517.
- OECD.* New Forms of Work in the Digital Economy. Working Party on Measurement and Analysis of the Digital Economy. DSTI/ICCP/IIS(2015)13/FINAL. 2016 [Электронный документ]. URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP/IIS\(2015\)13/FINAL&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP/IIS(2015)13/FINAL&docLanguage=En) (accessed: 12.06.2019)
- OECD.* An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation. Paris: OECD Publishing, 2017. 216 p. DOI: 10.1787/53e5f593-en. (accessed: 11.11.2020)
- OECD.* Vectors of Digital Transformation. OECD Digital Economy Papers. No. 273. DSTI/CDEP/GD(2017)4/FINAL. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5ade2bba-en.pdf?expires=1571320653&id=id&accname=guest&checksum=5C01B398E81E953AA43894EE32FC57A0> (accessed: 01.08.2019).

- Parentea R.C., Geleilateb J.-M.G., Rong K.* The Sharing Economy Globalization Phenomenon: A Research Agenda // *Journal of International Management*. 2018. Vol. 24. P. 52–64. DOI: 10.1016/j.intman.2017.10.00.
- Simon J.P.* How to catch a unicorn. An exploration of the universe of tech companies with high market capitalisation. Institute for Prospective Technological Studies. JRC Technical Report. EUR 27822 EN. 2016. DOI: 10.2791/893975 (accessed: 17.12.2019).
- The Census Bureau of the U.S. Department of Commerce.* Quarterly Retail E-Commerce Sales. 4th Quarter 2018. CB19-25. March 13, 2019. URL: <https://www2.census.gov/retail/releases/historical/ecommm/18q4.pdf> (accessed: 10.09.2019).
- UNCTAD.* Digital Economy Report 2019. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva: United Nations, 2019. 172 p.
- Woetzel J., Seong J., Wang K.W., Manyika J., Chui M., Wong W.* Digital China: Powering the Economy to Global Competitiveness. Executive Summary. McKinsey Global Institute. 2017b. 24 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Industries/Technology%20Media%20and%20Telecommunications/High%20Tech/Our%20Insights/Digital%20China%20Powering%20the%20economy%20to%20global%20competitiveness/MGI_Digital-China_Executive-summary_Dec-2017.pdf (accessed: 11.10.2018).
- Woetzel J., Seong J., Wang K.W., Manyika J., Chui M., Wong W.* China's Digital Economy. A leading Global Force. McKinsey Global Institute. 2017a. 24 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Featured%20Insights/China/Chinas%20digital%20economy%20A%20leading%20global%20force/MGI-Chinas-digital-economy-A-leading-global-force.aspx> (accessed: 15.08.2018).
- World Bank.* World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. Washington, DC: World Bank, 2020. 289 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1457-0 (accessed: 11.11.2019)
- Yue H.* National Report on E-Commerce Development in China. United Nations Industrial Development Organization. Inclusive and Sustainable Industrial Development Working Paper Series. 2017. 35 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unido.org/api/orentext/documents/download/9921295/unido-file-9921295>. (accessed: 01.09.2018).
- Zhang L., Chen S.* China's Digital Economy: Opportunities and Risks, IMF Working Paper. WP/19/16. International Monetary Fund. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/~/media/Files/Publications/WP/2019/wp1916.aspx> (accessed: 17.09.2019).

INNOVATIVE TRANSFORMATION OF SUPERPLATFORMS

TRENDS AND IMPACT ON THE NATIONAL INNOVATION SYSTEMS

IVAN DANILIN

Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow 6 117997, Russian Federation

Abstract

Superplatforms – diversified digital corporations from the United States (Amazon, Google and others grouped in FAMGA/GAFAM) and China (Baidu, Alibaba, Tencent) dominating the Internet markets – are the leading actors of digital economy. In terms of revenue, markets, and capitalization they are already among the largest multinational corporations. Many basic factors of their success are still in place, but increased competition, diminishing importance of low base effects and other challenges forced them to

sharpen focus on innovations and emerging technologies since late 2000s – early 2010s. This process was supported by a strong influx of capital from financial markets. As a result, superplatforms executed strong growth of research and development (R&D) expenditures and investments in venture markets – especially in the domain of emerging technologies. By the end of 2010s, superplatforms appeared among leading technology and innovation actors of respective National Innovation Systems (NIS) in terms of their share of national business R&D, venture investments and because of unique role in promoting digital transformation of the U.S.A. and China. It may also be stated, that superplatforms now are an important factor of both potential and competitiveness of the superpowers, including issues of digital sovereignty. For the future, disruptive innovations and technologies will still be in focus of the superplatforms. This is especially true since superplatforms need new quality of innovative development: further accelerated increase of R&D and venture investments seem to be almost impossible in new realm of the financial markets. The process will be more influenced by the external factors, than in the previous decade. (Among them are changes in the regulatory environment – also to compensate challenging monopolistic behaviors of FAMGA and BAT; changing global trade and investment dynamics – including technological “war” between the U.S.A. and China; rise of global competition). As a result, we may envision further rise of importance of the superplatforms for NIS and their transformation into a new factor of economic and digital power – and new arena of global competition for the U.S.A. and China.

Keywords:

superplatforms; digital economy; research and development; venture markets; national innovation systems; digital transformation; emerging technologies; ecosystems.

References

- (2019). *2019 Global R&D Funding Forecast*. A Supplement to the R&D Magazine. 36 p. URL: https://issuu.com/wtwhmedia/docs/190101-2019_global_funding_forecast (accessed: 20.12.2019).
- Amazon (2019). *Small business means big opportunity*. Amazon SMB impact report. URL: <https://cts.businesswire.com/ct/CT?id=smartlink&url=https%3A%2F%2Famzn.to%2F2019-SMB-Impact-Report&sheet=51980577&newsitemid=20190507005381&lan=en-US&anchor=here&index=1&md5=289b94171fe4435cd1f24db5376b4fc6> (accessed: 20.12.2019).
- Barefoot K., Curtis D., Jolliff W., Nicholson J.R., Omohundro R. (2018). *Defining and Measuring the Digital Economy*. Working Paper. The Bureau of Economic Analysis. U.S. Department of Commerce. URL: <https://www.bea.gov/system/files/papers/WP2018-4.pdf> (accessed: 14.06.2019).
- Belgavi V., Chand A., Arryan A.V., Narang A. (2019) *Emerging technologies disrupting the financial sector*. Report of PwC – ASSOCHAM, PricewaterhouseCoopers Private Limited. URL: <https://www.pwc.in/assets/pdfs/consulting/financial-services/fintech/publications/emerging-technologies-disrupting-the-financial-sector.pdf> (accessed: 05.09.2019).
- Casanova L., Cornelius P.K., Dutta S. (2018). *Financing Entrepreneurship and Innovation in Emerging Markets*. San Diego: Academic Press. 318 p.
- CB Insights (2016). *Top Tech M&A Analysis*. URL: https://www.cbinsights.com/reports/Top-Tech-MA.pdf?utm_source=hs_automation&utm_medium=email&utm_content=38323092&hsenc=p2ANqtz-8zw72yMc5JRX3QR79qg0La8L5DCdzKbEz_SOX2IA2VrDtgFgPiVxarUAHmv-Sh8veVTpkvg5QYLpYZbn4SZzReFIt9g&hsmi=38323092 (accessed: 01.08.2019).
- CB Insights. (2017a). *The Asia Tech Investment Report*. URL: https://www.cbinsights.com/reports/CB-Insights_Asia-Tech-Investment-Report.pdf?utm_campaign=Report%20-%20Content%20Emails&utm_source=hs_automation&utm_medium=email&utm_content=52306389&hsenc=p2ANqtz--FZ693KpStPhVH16bMJ-4dy353yjdHY4AP7aDatY0u7i4u8pcnAJgjidR7zhjmErv8Cm3NfnfwmXaZ9F20j2eGlnObbA&hsmi=52306389 (accessed: 01.08.2019).
- CB Insights. (2017b). *The Unicorns Backed by FAMGA – Facebook, Apple, Microsoft, Google, Amazon*. URL: <https://www.cbinsights.com/research/unicorn-investments-facebook-apple-microsoft-google-amazon/> (accessed: 01.08.2019).
- Cheung M.-C. (2019) *Global Ecommerce 2019. China*. eMarketer. URL: <https://www.emarketer.com/content/china-ecommerce-2019> (accessed: 06.08.2019).
- Christensen C. (2004). *Dilemma Innovator* [Innovator`s Dilemma]. Moskva: Al`pina Biznes Books. 239 p.
- Danilin I.V. (2020). The Impact of the COVID Crisis on the Innovative Potential of China`s Internet Platforms. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 90 (6). 3. 779–788. DOI: 10.1134/S1019331620060271.

- Danilin I.V. (2020). Vlijanje cifrovih tehnologij na liderstvo v globalnih procesih: od platform k ryknam? [The Impact of Digital Technologies on Leadership in Global Processes: from Platforms to Markets?]. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 13. No. 1. P. 100-116. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-1-70-100-116.
- Dolata U. (2017). *University of Apple, Amazon, Google, Facebook, Microsoft. Market Concentration – Competition – Innovation Strategies*. Stuttgart University. Stuttgart Institute for Social Science. SOI Discussion Paper 2017-01. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/152249/1/880328606.pdf> (accessed: 02.11.2019).
- Edvardsson B., Tronvoll B. (2019). How platforms foster service innovations. *Organizational Dynamics*. Vol. 49. No. 3. DOI: 10.1016/j.orgdyn.2019.04.007.
- European Commission. (2016). *Online Platforms*. Commission Staff Working Document. SWD(2016) 172 final. Accompanying the document Communication on Online Platforms and the Digital Single Market. COM(2016). 288 final. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/commission-staff-working-document-online-platforms> (accessed: 11.02.2019).
- Evans P.C., Gawer A. (2016). *The Rise of the Platform Enterprise*. A Global Survey. The Center for Global Enterprise. URL: https://www.thecge.net/app/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf (accessed: 21.09.2019).
- Fan L. (2018). *Taobao Villages The Emergence of a New Pattern of Rural Ecommerce in China and its Social Implications*. Discussion paper. Friedrich-Ebert-Stiftung. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/indonesien/15198-20180218.pdf> (accessed: 12.11.2019).
- Kuznetsov A.V. (ed.) (2020). *Fenomen Trampa*. [Trump`s phenomena]. Moscow: INION. 642 p.
- Fijneman R., Kuperus K., Pasman J. (2018) *Unlocking the value of the platform economy*. Dutch Transformation Forum. KPMG N.V. URL: <https://dutchitchannel.nl/612528/dutch-transformation-platform-economy-paper-kpmg.pdf> (accessed: 11.11.2019)
- Huawei, Oxford Economics (2017). *Soputstvujushhij jeffekt cifrovizacii. Izmerenie realnogo vozdejstviya cifrovij jekonomiki* [Associate digitalization effects. Measuring the real impact of the digital economy]. Report. URL: <https://www.huawei.com/minisite/russia/digital-spillover/> (accessed: 11.11.2019).
- International Monetary Fund (2018). *Measuring The Digital Economy*. The Staff Report. 48 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/04/03/022818-measuring-the-digital-economy> (accessed: 12.02.2019).
- International Monetary Fund-World Bank. (2019). *Fintech: The Experience So Far*. 73 p. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/361051561641115477/pdf/Fintech-executive-summary.pdf> (accessed: 08.09.2019).
- Ivanova N.I. (ed.) (2020). *Innovacionnaja konkurencija* [Innovative Competition]. Moscow: Ves` Mir. 216 p.
- Joint Research Centre (2018). *The 2018 EU Industrial R&D Investment Scoreboard*. European Commission – Joint Research Centre. JRC113807. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 102 p. DOI: 10.2760/131813.
- Joint Research Centre (2020). *The 2020 EU Industrial R&D Investment Scoreboard*. European Commission – Joint Research Centre. JRC123317. Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI:10.2760/203793.
- Kamepalli S.K., Rajan R., Zingales L. (2020). *Kill Zone*. National Bureau of Economic Research. Working Paper 27146. NBER Working Paper Series. 48 p. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27146/w27146.pdf (assessed: 08.10.2020).
- Langley P., Leyshon A. (2017). Platform capitalism: the intermediation and capitalisation of digital economic circulation. *Finance and society*. Vol. 3 (1). P. 11–31.
- LaVecchia O., Mitchell S. (2016) *Amazon's Stranglehold: How the Company's Tightening Grip Is Stifling Competition, Eroding Jobs, and Threatening Communities*. Institute for Local Self-Reliance. 79 p. URL: https://ilsr.org/wp-content/uploads/2016/11/ILSR_AmazonReport_final.pdf (accessed: 01.10.2019).
- Lipsman A. (2019) *Global Ecommerce 2019*. eMarketer Report. URL: <https://www.emarketer.com/content/global-ecommerce-2019> (accessed: 07.09.2019).
- Newman J.M. (2019). Antitrust in Digital Markets. *Vanderbilt Law Review*. Vol. 72. No. 5. P. 1516–1517.
- OECD. (2016). *New Forms of Work in the Digital Economy*. Working Party on Measurement and Analysis of the Digital Economy. DSTI/ICCP/IIS(2015)13/FINAL. URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP/IIS\(2015\)13/FINAL&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP/IIS(2015)13/FINAL&docLanguage=En) (accessed: 12.06.2019).
- OECD. (2017). *An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation*. Paris: OECD Publishing. 216 p. DOI: 10.1787/53e5f593-en.
- OECD. (2019). *Vectors of Digital Transformation*. OECD Digital Economy Papers. No. 273, DSTI/CDEP/GD(2017)4/FINAL. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5ade2bba-en.pdf?expires=15713>

- 20653&id=id&acname=guest&checksum=5C01B398E81E953AA43894EE32FC57A0 (accessed: 01.08.2019).
- Parentea R.C., Geleilateb J.-M.G., Rong K. (2018). The Sharing Economy Globalization Phenomenon: A Research Agenda. *Journal of International Management*. Vol. 24. P. 52–64. DOI: 10.1016/j.intman.2017.10.00.
- Parker G.G., Van Alstyne M.W., Choudary S.P. (2016). *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – and How to Make Them Work for You*. N.Y.: W.W. Norton and Company. 348 p.
- Simon J.P. (2016). *How to catch a unicorn. An exploration of the universe of tech companies with high market capitalisation*. Institute for Prospective Technological Studies. JRC Technical Report. EUR 27822 EN. DOI: 10.2791/893975.
- U.S. Department of Commerce (2019). *Quarterly Retail E-Commerce Sales*. 4th Quarter 2018. CB19-25. The Census Bureau of the U.S. Department of Commerce URL: <https://www2.census.gov/retail/releases/historical/ecom/18q4.pdf> (accessed: 10.09.2019).
- UNCTAD (2019). *Digital Economy Report 2019*. United Nations Conference on Trade and Development, Geneva: United Nations. 172 p.
- Woetzel J., Seong J., Wang K.W., Manyika J., Chui M., Wong W. (2017a). *China's Digital Economy. A leading Global Force*. McKinsey Global Institute. 24 p. URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Featured%20Insights/China/Chinas%20digital%20economy%20A%20leading%20global%20force/MGI-Chinas-digital-economy-A-leading-global-force.ashx> (accessed: 15.08.2018).
- Woetzel J., Seong J., Wang K.W., Manyika J., Chui M., Wong W. (2017b). *Digital China: Powering the Economy to Global Competitiveness*. Executive Summary. McKinsey Global Institute. 24 p. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Industries/Technology%20Media%20and%20Telecommunications/High%20Tech/Our%20Insights/Digital%20China%20Powering%20the%20economy%20to%20global%20competitiveness/MGI_Digital-China_Executive-summary_Dec-2017.pdf (accessed: 11.10.2018).
- World Bank (2020). *World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains*. Washington, DC: World Bank. 289 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1457-0.
- Yue H. (2017). *National Report on E-Commerce Development in China*. United Nations Industrial Development Organization. Inclusive and Sustainable Industrial Development Working Paper Series. 35 p. URL: <https://www.unido.org/api/opentext/documents/download/9921295/unido-file-9921295>. (accessed: 01.09.2018).
- Zhang L., Chen S. (2019). *China's Digital Economy: Opportunities and Risks*. IMF Working Paper WP/19/16. International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/~/media/Files/Publications/WP/2019/wp1916.ashx> (accessed: 17.09.2019).

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

КОРЕЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

АЛЕКСАНДР ЛУКИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ОКСАНА ПУГАЧЁВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Статья представляет собой отклик на недавно опубликованный фундаментальный труд ведущих российских корееведов «Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)» за авторством А.В. Торкунова, Г.Д. Толораи и И.В. Дьячкова, ставший новым плодом уникальной программы современных корейских исследований МГИМО. Авторы статьи продолжают содержащийся в монографии глубокий и всесторонний анализ развития ситуации на Корейском полуострове и роли России в корейском урегулировании. Констатируя факт того, что достижение цели денуклеаризации Корейского полуострова, то есть отказа Пхеньяна от ядерного оружия, не только не приблизилось, но даже отдалилось, они высказывают сомнение в целесообразности отказа России от поддержки международных санкций и поворота в сторону большей поддержки КНДР. Они отмечают, что смягчение санкций может означать признание того, что Россия не только не считает более эту цель достижимой, но и хотела бы поощрить Северную Корею за ее отказ выполнять требования международного сообщества. Подобная позиция снижает роль России в корейском урегулировании, при этом других путей достижения отказа КНДР от ядерного оружия в обозримой перспективе не наблюдается. Авторы статьи полагают, что признание ядерного статуса КНДР повлечет за собой цепную реакцию в регионе, что ставит под угрозу безопасность восточных регионов России. Кроме того, увеличение числа ядерных держав снижает её вес в мире, девальвируя её статус ядерной державы. Таким образом, борьба за нераспространение ядерного оружия в целом и его ликвидацию в Северной Корее в частности должна остаться приоритетной задачей российской внешней политики.

Ключевые слова:

Корейский полуостров; КНДР; Республика Корея; ракетно-ядерная проблема Корейского полуострова; Россия; российско-северокорейские отношения; российско-южнокорейские отношения; США.

В новой международной ситуации, сложившейся после 2014 года, и характеризующейся растущими противоречиями с США и Западом, появляются многочисленные экспертные предложения по адаптации к ней внешнеполитического курса Москвы.

Одно из направлений такой адаптации – развитие более тесных отношений со странами, также находящимися в проблемных отношениях с Западом, – Ираном, Китаем, Турцией, КНДР и др. Вероятно, в ряде случаев такие предложения могут быть обоснованы.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.03.2021

Дата принятия к публикации: 15.04.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: lukinru@yahoo.com

ванными, однако, по нашему мнению, к таким случаям не относится КНДР, так как ситуация на Корейском полуострове – крайне специфическая и сопряжена с необходимостью решения здесь ядерной проблемы. Цель данной статьи – обосновать этот тезис и показать всю специфичность политики России на Корейском полуострове.

В мире есть страны, интересные не только сами по себе, но и ставшие символами некоторых явлений или тенденций мирового развития, которые часто используются политологами-международниками для иллюстрации той или иной теории. Сложилось так, что оба корейских государства, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Республика Корея (РК), образовавшиеся в результате раскола ранее единой страны после Второй мировой войны, стали именно такими странами-символами. Южная Корея (РК) символизирует экономический рывок в условиях ориентированного на развитие авторитарного режима, который, как и предсказывает теория модернизации, в конечном счете привёл к созданию среднего класса и успешной демократизации. Северная Корея (КНДР) – пример тоталитарного режима коммунистического толка, причём в самой его радикальной, экзотической форме. Несмотря на то что эти схемы значительно упрощают реальность обеих стран, они глубоко укоренились в общественном сознании.

Оба корейских государства важны для России. Сотрудничество со странами Восточной Азии необходимо нашей стране для решения одной из её стратегических задач – развития собственных азиатских регионов. Они расположены в непосредственной близости от российских границ и играют важную роль в региональном балансе сил. Наконец, ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) – один из острейших вопросов мировой политики, и Россия играет важную роль в поисках подходов к его решению [Armstrong et al. 2006; Cha 2013; Tan 2015; Park 2015; Jeh et al. 2019]. В этой связи выход в свет книги, посвящённой проблемам современных корейских государств, их внутренней и внеш-

ней политике, написанной группой исследователей, среди которых наиболее авторитетные российские эксперты, не может не вызвать интерес как у специалистов, так и в обществе в целом. Книга «Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)» написана авторским коллективом МГИМО МИД России в составе ректора этого вуза, академика РАН А.В. Торкунова, бывшего дипломата, а ныне профессора МГИМО и члена Группы экспертов по содействию комиссии СБ ООН по санкциям в отношении КНДР Г.Д. Толораи и доцента И.В. Дьячкова [2021]. Она представляет собой результат глубокого изучения внешней и внутренней политики двух корейских государств, которое ведётся в этом университете на протяжении многих десятилетий, и продолжает вышедшую более десятилетия назад комплексную монографию, посвящённую политическому и социально-экономическому развитию Корейского полуострова вплоть до межкорейской разрядки 2000–2008 годов [Торкунов, Денисов, Ли 2008]. Усилия школы МГИМО по изучению современной Кореи во многом уникальны, поскольку данная проблематика в России исследуется явно недостаточно. Специалистов по Корее у нас значительно меньше, чем, например, по соседним Китаю или Японии, и столь значительных работ выпускается немного. Естественно, за период с 2008 г. ситуация на Корейском полуострове и в мире существенно изменилась, что остро требовало её нового осмысления и оценок.

1

Во введении книги синтезирована основная проблематика изучения новейших тенденций в развитии ситуации на Корейском полуострове. Учёные размышляют о том, как происходящие в мире изменения, связанные со становлением нового мирового порядка, отразятся на Корейском полуострове. Они отмечают, что «Север и Юг продолжают идти разными путями, и “путеводные звёзды” у них разные, никаких свидетельств их сближения пока нет» [Ibid: 6–7], как и нет оснований рассчиты-

вать на коллапс северокорейского режима. Авторы книги даже полагают, что «изменения глобального устройства могут укрепить позиции Северной Кореи», десятилетиями пребывающей вне глобализации, в то время как Южная Корея, вероятно, останется «внешнеполитическим карликом» под опекой США «в условиях разворачивающегося американско-китайского конфликта» [Ibid: 4]. По их мнению, нынешние изменения мирового устройства «не сгладили, а скорее усилили конфликтный потенциал» корейского вопроса [Ibid: 3].

Структурно книга состоит из трёх разделов. В первом анализируются проблемы внутреннего и международного развития двух корейских государств, а также перспективы межкорейских отношений за последние 13 лет, включая недавние события 2020 г. Второй раздел сконцентрирован на изложении ракетно-ядерной проблемы Корейского полуострова и попыток её дипломатического решения после прихода к власти в США администрации Барака Обамы. В третьем рассматриваются российская дипломатия на корейском направлении, двусторонние отношения России с Северной и Южной Кореей.

Анализируя последние годы правления Ким Ченира в КНДР, исследователи отмечают усиление централизации власти в Пхеньяне и отказ от попыток преобразований, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. Внутренние факторы связаны с острой необходимостью обеспечения стабильности во властной верхушке и гладкой передачи власти в стране в условиях ухудшения здоровья северокорейского лидера. Внешним фактором стал приход к власти в Южной Корее консерваторов, враждебно настроенных к Северу и преисполненных навязчивых идей о скором коллапсе пхеньянского режима [Ibid: 19]. Режим во второй половине 2010-х годов «как бы “спрятался в скорлупу”», и «преодоление страной ядерного рубежа» привело к нарастанию международной изоляции КНДР [Ibid: 16–17].

Вместе с тем исследователи констатируют, что попытки Ким Ченира «вернуть

время вспять» и обратить назад некоторые послабления репрессивного режима начала 2000-х годов провалились. Результаты денежной реформы 2009 г. «оказались предсказуемо катастрофическими: столкнувшись с остановкой экономики и массовым отторжением со стороны населения, власти отступили» [Ibid: 26]. Негласно и постепенно восстановились «буржуазные тенденции» и зачатки рыночной активности. Однако боязнь разбалансировки политической системы и отсутствие квалифицированных экономистов не позволили разработать стратегию преобразований, в итоге власти ограничились лишь косметическими мерами, не способными решить хронические проблемы экономики.

В главах, посвящённых консолидации Ким Ченыном политической власти после смерти в 2011 г. его отца, исследователи анализируют особенности внутривнутриполитического курса нового руководителя КНДР. *Во-первых*, придя к власти, Ким Ченын серьёзно ограничил «позиции армии как политического фактора» [Ibid: 31]. «Главное – произошла смена парадигмы власти. Руководство стало осуществляться, как и в классических соцстранах, через партийные структуры, а не военную “вертикаль”, что практиковалось при Ким Ченире». *Во-вторых*, Ким Ченын отошёл от политики сонгун (приоритет вооружённых сил), провозгласив в марте 2013 г. на пленуме ЦК Трудовой партии Кореи курс *пёнчжин*, предполагавший параллельное развитие экономики и ядерных сил. Подобные меры и искусные интриги позволили Ким Ченыну «основательно перетрясти элиты и выдвинуть верных лично вождю людей» [Ibid: 32]. Кроме того, после преобразования системы государственного управления путём конституционной реформы Ким Ченын аккумулировал в своих руках всю полноту власти, заняв высшие должности во всех ключевых её структурах – партии, армии и государстве [Ibid: 37].

По мнению авторов книги, установление единоличной власти и внутривнутриполитической стабильности позволили Ким Ченыну обеспечить надёжный тыл и при-

ступить к ракетно-ядерным испытаниям. Вместе с тем абсолютное подчинение и отсутствие альтернативных мнений обернулись провалом переговорного процесса с США в 2018 году: «никто не решился удержать вождя от попытки “сыграть ва-банк” с южнокорейским президентом Мун Чжэином и американским президентом Д. Трампом» [Ibid: 41].

Рассматривая социально-экономическое развитие КНДР при Ким Ченыне, авторы приводят примеры незаметных преобразований рыночного характера в сельском хозяйстве, промышленности, финансовой сфере. Переход к политике *пёнчжин* они оценивают как прогресс по сравнению с предыдущим курсом *сонгун*, аргументируя это тем, что новый курс фактически выдвигал экономические цели на тот же уровень приоритетности, что и военные [Ibid: 54]. В то же время надежды на изменения в стране в связи с провозглашением достижения целей политики *пёнчжин* в 2018 г. и сменой ориентации на приоритетное развитие экономики не оправдались. Основные причины заключались в нарастающем по инициативе США международном санкционном давлении и дефиците внутренних ресурсов, в результате которых «и государственный сектор, и “независимый” уклад в 2018–2020 годах перешли к “борьбе за выживание” и на полувоенное положение» [Ibid: 59]. В стране возобладали консервативные тенденции и усилилась централизация.

Поворотным моментом во внутренней и внешней политике КНДР стал декабрь 2019 года, когда Северная Корея провозгласила новый курс «фронтального прорыва», предполагавший приоритет методов мобилизационной экономики, и объявила о возврате к традиционной политике «опоры на собственные силы». «Объяснение – осознание того, что страна будет очень долго, если не всегда, жить под гнётом санкционного давления» [Ibid: 61]. Пандемия коронавируса, в свою очередь, послужила фактором, облегчившим и ускорившим переход северокорейского руководства к жёсткой линии [Ibid: 426, 64–65].

2

Большое внимание в книге А.В. Торкунова, Г.Д. Толорая и И.В. Дьячкова посвящено процессам, происходившим в Южной Корее в период трёх последних администраций – Ли Мёнбака (2008–2013), Пак Кынхе (2013–2017) и Мун Чжэина (2017–настоящее время). Приход к власти в стране представителя консервативной партии Ли Мёнбака авторы книги характеризуют как «консервативный реванш», означавший полный пересмотр подходов леволибералов к внутренней и внешней политике, правление которых посчитали «потерянным десятилетием» [Ibid: 66]. При этом внешнеполитическая стратегия Ли Мёнбака, которая, как справедливо отмечается, «явно предполагала синергию с экономикой», была нацелена на повышение статуса Республики Корея на международной арене [Ibid: 60]. Таким образом, несмотря на некоторые успехи глобального позиционирования, в этот период Сеул сохранил свое положение «политического карлика».

Что касается внутренней политики, то, по мнению авторов, в целом экономическая политика Ли Мёнбака была успешной, но вследствие разного рода причин («нажимной» стиль политики Ли Мёнбака, невыгодное соглашение о свободной торговле с США, репутационные проблемы, ухудшение межкорейских отношений, сомнительные мегапроекты, «затягивание гаек» в общественно-политической сфере и внутривнутриполитическая борьба) президент стремительно терял популярность. Подводя итоги его правления, авторы заключают: «В 2007 году Республика Корея встречала Ли Мёнбака с ликованием, а в 2012 году уже хотела от него поскорее избавиться, надеясь, что со следующим лидером всё будет по-другому» [Ibid: 84].

Тем не менее от такого руководителя, президента Пак Кынхе, дочери «отца корейского экономического чуда» Пак Чонхи, страна избавилась даже раньше истечения срока её полномочий.

Глава, посвящённая её правлению в Южной Корее, даёт целостное представление об обстоятельствах прихода к власти, вну-

тренней и внешней политике, отношениях с народом, оппозицией и сопартийцами-консерваторами, её характере и стиле управления, политических скандалах и последующем импичменте. Исследователи отмечают, что «политическая карьера Пак Кынхе, её взлет и падение стали ярчайшей иллюстрацией отношений лидера и народа в Республике Корея после демократизации» [Ibid: 118]. Важной проблемой в этом отношении выступает общественное мнение, переменчивое, недоверчивое к власти имущим, очень требовательное и шепетильное к репутации и имиджу руководителя, особенно лидера государства [Ibid: 115–116], которым не преминут воспользоваться политические силы, находившиеся в оппозиции. Например, «политические элиты и население в равной мере были недовольны стилем руководства Пак Кынхе» [Ibid: 94]. Президент оказалась неспособна консолидировать элиты и не смогла найти общий язык со своим народом.

Для российского читателя небезынтересно читать о последствиях демократизации в Южной Корее, в результате которой ранее всеисильные диктаторы Чон Духван и Ро Дэу, жёстко расправлявшиеся с оппозицией, были приговорены соответственно к смертной казни и длительному сроку тюремного заключения по обвинению в коррупции (правда, затем освобождены по амнистии). Вместе с тем и пришедшие к власти бывшие оппозиционеры, которые при диктатуре преследовались, или, по крайней мере, члены их семей также не устояли перед коррупционными соблазнами.

Избранный президентом в 1998 г. вечный лидер оппозиции при диктатуре Ким Дэжун, похищенный в Токио агентами южнокорейского ЦРУ, чуть не убитый ими в 1973 г. при Пак Чончи и приговорённый к смертной казни при Чон Духване, объ-

вил борьбу с коррупцией, жертвой которой пали два его сына, очутившиеся в тюрьме за взятки. Но Мухён покончил жизнь самоубийством после того, как был обвинён во взятках на сумму 6 млн долларов США. Ли Мёнбаку пришлось принести официальные извинения после того, как его старший брат был приговорён к двум годам тюрьмы за взятку от бизнесмена, а впоследствии и он сам был приговорен к 17 годам тюрьмы по обвинению в злоупотреблении средствами и коррупции¹. И наконец, Пак Кынхе была подвергнута импичменту, в том числе и за финансовые нарушения².

Сильной стороной монографии является изложение политических событий в Южной Корее с опорой на объяснение внутривнутриполитической жизни азиатского государства особенностями менталитета народа, культуры и исторического опыта страны. В частности, отмечается, что «исторический опыт жизни в авторитарном государстве и нежелание возвращаться к такой системе – причины повышенной требовательности к президентам в Республике Корея» [Ibid: 85]. Не меньший интерес для читателя представляет описание личностных особенностей южнокорейских президентов и стилей их управления страной, которые некоторым из них стоили президентского кресла. На основе этого богатого материала можно понять, в чём же причина того, что высший пост в государстве стал чуть ли не самым опасным видом деятельности.

Вероятно, это можно объяснить тем, что традиционная политическая культура Южной Кореи меняется медленнее, чем политическая система. Система перестроилась под правовую модель, где в идеале руководителей и государственных служащих должны набирать в соответствии с их способностями и личными талантами. При этом Южная Корея – азиатская страна.

¹ Кирьянов О. Экс-президент Южной Кореи Ли Мен Бак приговорен к 17 годам тюрьмы. Российская газета. 29.10.2020. URL: <https://rg.ru/2020/10/29/eks-prezident-iuzhnoj-korei-li-men-bak-prigovoren-k-17-godam-tiurmy.html> (дата обращения: 12.01.2021).

² Why South Korea's corruption scandal is nothing new. BBC. 24.11.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-38078039> (accessed: 12.01.2021).

Придя к власти, любой лидер по традиции часто выбирает сотрудников, используя не чисто политические, но клановые и семейные связи: из родственников, знакомых, тех, с кем ранее работал или жил по соседству в родной провинции или городе. Те, в свою очередь, используют близость к шефу для решения личных проблем. Тем не менее реально независимые СМИ и общественные организации, в отличие от диктаторского периода, расследуют и разоблачают нарушения, а независимые суды судят высших чиновников так же, как простых граждан, и выносят строгие приговоры.

Касаясь социально-экономического положения в РК накануне прихода к власти президента-левоцентриста Мун Чжэина, отечественные исследователи указывают на системные вызовы, стоящие перед южнокорейским обществом, в частности стремительное старение населения, высокий уровень безработицы, коррупцию. Став президентом, Мун Чжэин попытался решать экономические проблемы, ориентируясь на социально ориентированные и этатистские практики. Впрочем, по заключению авторов, «экономические эксперименты Мун Чжэина не только не помогли исправить структурные проблемы, стоящие перед южнокорейской экономикой, но и не смогли обеспечить рост» [Ibid: 125].

Анализируя внешнюю политику Мун Чжэина, исследователи отмечают, что в центр своего внешнеполитического курса президент поставил северокорейскую политику, стремясь помириться с Севером и выступить посредником в решении ядерной проблемы Корейского полуострова. Однако этот подход оказался ошибкой с точки зрения внутренней политики, так как «Мун Чжэин поставил свою политическую судьбу в зависимость от воли импульсивного соседа и не менее импульсивного патрона» [Ibid: 121]. Последовавшее за оптимизмом разочарование на северокорейском направлении может служить уроком последующим президентам, свидетельствуя об отсутствии у Южной Кореи рычагов влияния на КНДР и США и ограниченных возможностях Сеула играть самостоя-

тельную роль в корейских делах. К причинам провала курса Мун Чжэина в отношении Северной Кореи исследователи относят позицию американского «глубинного государства», которое «совершенно не собиралось прекращать политику давления и допускать, чтобы союзник действовал иначе», а также «недостаток решительности Сеула» [Ibid: 135].

Критика нерешительности РК здесь представляется несколько необоснованной и отражающей скорее пожелания авторов, чем реальную ситуацию. Исследователям, хотелось бы, чтобы Сеул проявлял большую смелость в развитии отношений с Пхеньяном, несмотря на негативную реакцию Вашингтона. В какой-то степени Сеулу удается сохранить внешнеполитическую автономию. Достаточно сказать, что РК, в отличие, например, от Японии, не присоединилась к антироссийским санкциям. Тем не менее у этой автономии есть пределы. Формально РК находится в состоянии войны с Севером, заключено лишь перемирие. КНДР представляет вполне реальную угрозу безопасности и даже самому существованию Южной Кореи, которую один раз её войска чуть не захватили полностью. Если сегодня повторное нападение вряд ли возможно, то скорее не потому, что в Пхеньяне этого не хотят, а из-за того, что там понимают, что будут немедленно уничтожены военной машиной США. Таким образом, США гарантируют само существование и безопасность Южной Кореи, и ожидать, что какое-либо правительство в Сеуле пойдёт на серьёзное ухудшение отношений с Вашингтоном ради довольно эфемерной цели завоевания доверия Пхеньяна, едва ли реалистично.

Подчёркивая, что главной опорой внешней политики Республики Корея остаются Соединённые Штаты, исследователи указывают и на расхождения в интересах союзников. Особенно это стало очевидно после прихода к власти в США Д. Трампа. Южнокорейцев беспокоила и судьба торговых соглашений, и перспективы передачи им командования южнокорейскими войсками в военное время, и вопрос о рас-

пределении расходов на содержание американского контингента, и конфронтационная политика в отношении КНДР (до 2018 г.) и Китая. Авторы отмечают, что «для Сеула как никогда остро встает проблема выбора между ключевым военно-политическим союзником и важнейшим экономическим партнером», каковым является Китай [Ibid: 137].

Вместе с тем и этот выбор представляется не вполне реалистичным. Китай действительно считается ведущим торговым партнером Южной Кореи, хотя США – второй по значению, но этот фактор не является главным для отношений Сеула с Вашингтоном и Пекином. Соединённые Штаты – союзник и гарант безопасности, поэтому стремление Сеула получить материальные выгоды от торгово-экономического сотрудничества с Пекином имеет свои границы. Развитие связей может происходить только в тех формах и до того уровня, пока оно не подрывает союза с США и тем самым безопасность Южной Кореи.

Стремление Пекина надавить на Сеул, выразившееся в гневных окриках в ныне популярном в Пекине стиле «дипломатии боевых волков», принятие экономических санкций против Южной Кореи имеют обратный эффект. Согласно опросам, популярность Китая в Южной Корее в последние несколько лет резко упала, а США – выросла. По данным *Pew Research*, если в 2002 г. количество опрошенных, позитивно относящихся к Китаю, было 66%, а негативно – 31%, то в 2020 г. ситуация кардинально изменилась – первых стало всего 24%, а вторых – 75%³. В 2019 г. 82% опрошенных жителей Южной Кореи назвали США лидером мировой экономики и только 12% – Китай, хотя за несколько лет до этого их количество почти сравнялось⁴. Вряд ли в этой обстановке стоит ожидать,

что Сеул повернётся в своём внешнеполитическом курсе к КНР, тем более за счёт связей с Соединёнными Штатами – скорее наблюдается обратное.

К сожалению, в книге практически обходится стороной «новая северная политика» Сеула, непосредственно затрагивающая Россию. За рамками исследования остаётся дипломатическая активность РК в странах Центральной Азии. Говоря об индийском векторе «новой южной политики», исследователи ограничиваются констатацией того, что «по сочетанию торжественности и политической бесплодности курс на развитие южнокорейско-индийских связей перекликается с «новой северной политикой»» [Ibid: 144]. Подводя итоги первой половины президентства Мун Чжэина, они отмечают, что перед южнокорейской экономикой по-прежнему стоят структурные проблемы, которые не решить хозяйственным экспериментом. При этом администрация Мун Чжэина «не стремится примирить левых и правых, выстроить гармоничную систему политического общения». В результате сохраняются все старые проблемы: «ожесточённая борьба двух лагерей, интриги и взаимные обвинения, часто препятствующие достижению стратегических целей» [Ibid: 145].

3

Анализ межкорейских отношений показывает, что у напряжённости на полуострове есть два взаимосвязанных измерения: интернационализированное (ядерная проблема) и внутреннее (разделение единой нации на два отдельных государства в течение нескольких десятилетий), влияние которых друг на друга неоднозначно: «Отказ Пхеньяна от ядерных разработок сам по себе не прекратит противостояния между Севером и Югом. В то же время

³ *Silver L., Delvin K., Huang C.* Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries. Pew Research Center. 06.10.2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/> (accessed: 12.01.2021).

⁴ *Cha J.* People in Asia-Pacific regard the U.S. more favorably than China, but Trump gets negative marks. 25.02.2020. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/25/people-in-asia-pacific-regard-the-u-s-more-favorably-than-china-but-trump-gets-negative-marks/> (accessed: 12.01.2021).

межкорейская нормализация представляет собой непреложное условие решения ядерной проблемы, поскольку ракетно-ядерная программа КНДР – прямое производное многолетнего противостояния между Северной и Южной Кореей» [Ibid: 146].

Это замечание авторов важно для понимания проблем межкорейских отношений. Из него можно сделать вывод об ошибочности любой северокорейской политики Сеула, обуславливающей развитие межкорейских связей денуклеаризацией КНДР и отвергающей сотрудничество до тех пор, пока этого не произойдёт. На основе представленного в книге фактического материала авторы приходят к выводу о бесперспективности конфронтационного курса южнокорейских консерваторов, который привёл к полнейшей деградации межкорейских отношений и прекращению всякого рода двустороннего сотрудничества в 2016 году [Ibid: 167].

Анализируя июньский кризис 2020 года, авторы отмечают, что реакция Пхеньяна на отправку южнокорейскими правозащитниками листовок на территорию КНДР «была куда более жёсткой и далекоидущей, чем мог предполагать такой эпизод, что выдавало созревшее решение Пхеньяна вновь перейти к нажимным методам и отказу от диалога» [Ibid: 179]. Они считают, что примирение двух Корей и выработка «формулы мирного сосуществования» могут произойти не ранее, чем через 10–15 лет, пока «по обе стороны ДМЗ не останется ни одного лидера, лично пережившего травму Корейской войны» [Ibid: 182]. Характерно, что речь идёт именно о позитивном мирном сосуществовании, а не объединении Севера и Юга Кореи: отмечается, что пока нет оснований ожидать воссоединения двух государств в сколь-либо обозримой перспективе.

В разделе, посвящённом ракетно-ядерной проблеме Корейского полуострова и усилиям её политико-дипломатического урегулирования, исследователи даже с некоторой долей симпатии показывают, как КНДР последовательно совершенствовала свой ракетно-ядерный потенциал и стойко

выдерживала связанное с этим нарастание международного давления и изоляции. Выражая понимание позиции Пхеньяна, они отмечают, что «ядерная карта» «не только является “сдерживателем”, но и обеспечивает заинтересованность партнёров (как противников режима, так и поддерживающих его Китая и России) в стабильности в де-факто ядерном государстве во избежание хаоса. Ядерная программа выдвигает КНДР в число немногих самостоятельных субъектов международных отношений, работая на престиж северокорейских вождей» [Ibid: 183]. Далее авторы приходят к неизбежному, по их словам, выводу, что «КНДР будет держаться за ядерное оружие до последнего – во всяком случае, до маловероятного момента, пока не будет полностью уверена в отсутствии враждебных намерений со стороны своих противников и сможет обоснованно рассчитывать на получение действенной помощи развитую страны. В скором будущем ожидать такого точно не приходится» [Ibid: 184].

По мнению исследователей, «значительная часть вины за тупик лежит на США и их союзниках» [Ibid: 202]. Они указывают на такие ошибки предыдущих американских администраций, как ожидание «скорого краха КНДР, который естественным образом разрешил бы ядерную проблему», нажимной курс «стратегического терпения», сочетающий санкции и изоляцию, нацеленный прежде всего на ослабление режима. «Именно такая политика и спровоцировала погоню КНДР за ядерной бомбой», срыв выполнения договорённостей, достигнутых в ходе шестисторонних переговоров в 2005–2007 годах и, наконец, провал американо-северокорейских ядерных переговоров 2018–2019 годов и возврат Ким Ченына к конфронтационной линии в декабре 2019 г. [Ibid: 204]. Авторы также указывают на недоговороспособность США, в которой северокорейское руководство ещё больше убедили ливийские события 2011 года, а также выход США из иранской ядерной сделки в мае 2018 года.

Рассматривая события разрядки на Корейском полуострове 2018–2019 годов,

авторы книги неоднократно критикуют нажимной американский подход к решению ядерной проблемы, за проведение которого выступают сторонники «максимального давления», в частности американское «глубинное государство». Они отмечают бесперспективность стремления США получить «всё и сразу» без каких-либо уступок. Отечественные эксперты как будто пытаются вразумить американских ястребов, указывая на нелепость и неразумность их расчётов и представления ситуации вокруг ЯПКП: «они [ястребы] искренне убеждали всех, что до полной денуклеаризации говорить с КНДР вообще не о чем, будто бы не отдавая себе отчёт в том, что после денуклеаризации говорить с КНДР никому не будет интересно» [Ibid: 240]. В итоге, разочаровавшись в переговорах с США, Ким Чен Ин вернулся к самоизоляции, отказавшись от тактики взаимных уступок и сделав ставку на развитие экономического и военного потенциала страны собственными силами.

Одна из глав монографии посвящена шестистороннему формату, в рамках которого в 2003–2007 годах шли дипломатические переговоры по урегулированию ядерной проблемы. Авторы убеждены, что шестисторонние переговоры «не только являются рецептом политико-дипломатического урегулирования проблем безопасности на Корейском полуострове», но и могут стать основой для формирования системы коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии [Ibid: 259]. Интересно замечание о том, что шестисторонние переговоры – «слишком состоявшийся» институт, ставший из-за своего структурного совершенства и эффективности ненужным и неудобным для целого ряда участников» [Ibid: 258]. По тем или иным причинам и Вашингтон, и Токио, и Сеул, и Пхеньян «на данный момент, похоже, устраивает определённый градус конфронтации, как им кажется – контролируемой» [Ibid: 257]. В частности, США придерживаются стратегии «управляемого хаоса» на Корейском полуострове с целью оказания давления на Китай.

4

А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая и И.В. Дьячков подробно прослеживают эволюцию позиции России по ядерному вопросу, подкрепляя свой анализ многочисленными цитатами из заявлений и комментариев российских официальных лиц. Исследователи критикуют первоначальный подход Москвы за «реактивность», заключающийся в действиях по «привычному сценарию» [Ibid: 284], в частности поддержку согласованных США с Китаем резолюций Совета Безопасности ООН, и призывают стороны искать политический путь урегулирования ядерной проблемы и других вопросов в Северо-Восточной Азии на многосторонней основе.

Касаясь событий 2017 года, учёные пишут, что «ситуация на полуострове продолжала развиваться по конфронтационной спирали, оставляя Россию в качестве наблюдателя» [Ibid: 282]. Они критически оценивают поддержку Россией американо-китайского проекта «драконовской» резолюции № 2397 от 22 декабря 2017 года, когда «российский МИД был просто поставлен перед фактом», хотя проект резолюции «явно расходился с видением Кремля и конкретными российскими интересами». Отечественные специалисты заключают, что «скрепя сердце Москва выступила солидарно с Пекином» [Ibid: 290].

Аналогично, анализируя развитие ситуации после начала разрядки на Корейском полуострове в 2018 году, авторы пишут, что «события разворачивались лавинообразно, отодвигая Россию на второй план» [Ibid: 290], но только «накопленный актив связей с КНДР позволил [России] всё же включиться в разворачивающиеся процессы» [Ibid: 291]. «В течение весны 2018 г. происходило налаживание сначала межкорейских, затем северо-корейско-китайских и северо-корейско-американских контактов, в том числе на высшем уровне» [Ibid: 293].

В условиях вновь наступившего тупика в решении ядерной проблемы «всё более явными стали расхождения между Россией и США по поводу дальнейшей линии корейского урегулирования. Россия продолжала настаивать на том, что решение долж-

но быть компромиссным, комплексным и учитывать законные интересы всех партнёров. Коалиция западных держав во главе с США продолжала политику санкций и давления, дальнейшую изоляцию КНДР, хотя вроде бы уже стало ясно, что для прекращения и тем более поворота вспять ракетно-ядерной программы КНДР такая линия абсолютно неэффективна» [Ibid: 298].

Интересны замечания относительно дуализма политической линии России по отношению к корейскому урегулированию. «Речь идёт о сочетании попыток, с одной стороны, не противоречить западному курсу на давление и изоляцию КНДР, а с другой – стремиться к компромиссному дипломатическому решению. Такое решение предполагает учёт законных интересов всех участников, включая КНДР, что неприемлемо для Запада. Так что на деле дипломатия сводится к лавированию, продиктованному желанием поддерживать ровные отношения со всеми участниками долговременного конфликта, несмотря на их непримиримые противоречия между собой, и предотвратить обострение» [Ibid: 299]. Учёные утверждают, что решение корейской проблемы, допускающее в том числе исчезновение КНДР как государства, «явно не отвечает интересам России», а отвечает лишь интересам США и их союзников, но не приводят аргументов в обоснование этого тезиса. В итоге они обвиняют Москву в том, что она «пытается создать видимость единомыслия и идёт на компромиссы иной раз даже по принципиальным вопросам», чтобы «не испортить отношения со странами Запада и международными организациями, где эти страны доминируют» [Ibid: 300], снова не указывая, что это за вопросы, которые они считают принципиальными.

В целом авторы критически оценивают участие России в санкциях против КНДР, считая её политику в данном вопросе «неоправданной ни с точки зрения политической целесообразности, ни с точки зрения этики» [Ibid: 300]. Они также отмечают, что «для США Корейский полуостров – своего рода полигон испытаний методов санкци-

онной войны, а объектом такой же войны является и Россия. Таким образом, недопущение обкатки подобных технологий “в поле” связано с национальными интересами самой России» [Ibid: 303]. Кроме того, с точки зрения авторов, санкции контрпродуктивны в решении ядерной проблемы – более того, они «фактически укрепляют политический режим в КНДР и внутривнутриполитическую стабильность за счет оправдания “закручивания гаек”», а также способствуют формированию «новых подпольных цепочек поставок и сетевых структур в мировом масштабе, которые могут самостоятельно развиваться и без связи с КНДР» [Ibid: 309]. Анализируя динамику российско-северокорейских связей с 2008 года, которые пережили как периоды улучшения, так и этапы кризисов, авторы объясняют нормализацию отношений тем, что дефицит контактов невыгоден обеим сторонам [Ibid: 319].

Рубежным моментом для российско-северокорейских контактов стал 2014 год: несмотря на то что «причины для недовольства Москвы акциями КНДР сохранялись, российский подход к этим событиям изменился» [Ibid: 330]. Россия стала более сочувственно относиться к позиции КНДР. В результате, несмотря на ухудшение отношений с КНДР в 2016–2017 годах из-за активизации последней ракетно-ядерных испытаний, Москва старалась «сбалансировать свои отношения с обеими сторонами конфликта, не возлагая вину полностью на КНДР» [Ibid: 335]. Они также пишут: «Ирония состояла в том, что растущая турбулентность в мире после победы на выборах в США президента Д. Трампа, нестабильность в западном лагере, в том числе в ЕС и “Большой семёрке”, напряжённость между “единственной сверхдержавой” и иными центрами силы, включая Китай, а также беспрецедентная враждебность Запада по отношению к России фактически подталкивали Россию и КНДР друг к другу» [Ibid: 336–337]. Более того, разрядка 2018 г. ещё раз подтвердила «важность для России поддержания хороших отношений с руководством КНДР» [Ibid: 342]. В целом

сдвиги в российско-северокорейских связях, последовавшие за апрельским саммитом в апреле 2018 года, упрочили роль России в урегулировании и обеспечили Ким Ченыну «дополнительный источник поддержки в своем диалоге с противниками», чем «мало кто был доволен» [Ibid: 349].

Оценки учёных российской политики по ядерной проблеме представляются крайне неоднозначными. По сути, они предлагают отказаться от поддержки международных санкций, по крайней мере от значительной их части, и сдвинуться в сторону большего содействия КНДР. При этом они не объясняют, какие именно цели должен преследовать этот сдвиг. Официально целью присоединения России к международным санкциям против КНДР считается денуклеаризация Корейского полуострова, то есть отказ Пхеньяна от ядерного оружия. Эта цель провозглашена, в частности, в принятой в 2016 г. Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой указано, что «Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать его денуклеаризации...»⁵. 15 мая 2017 г. во время визита в Пекин В.В. Путин подтвердил, что «мы категорически против расширения клуба ядерных держав, в том числе за счёт Корейского полуострова, за счёт Северной Кореи... Мы против и считаем это контрпродуктивным, вредным и опасным»⁶. Даже после ухудшения отношений с США данный вопрос с повестки дня российской дипломатии не снимается.

Достижение этой цели с 2017 г. не только не приблизилось, но даже отдалилось. Со времени введения против Пхеньяна первых санкций позиция её руководства стала ещё более жесткой: КНДР объявила себя ядерной державой и от этого статуса отказываться не собирается. В этих условиях смягчение существующих ограничений

может означать признание того, что Россия не только более не считает эту цель достижимой, но и хотела бы поощрить Северную Корею за её отказ выполнять требования международного сообщества.

Предположим, что Москва этого и хочет, пусть и не признавая такую цель открыто. С 2014 г. США вступили в непосредственную конфронтацию с Россией, а в 2016 г. — с Китаем, и роль КНДР как антиамериканской силы для Москвы и Пекина возросла. Тем не менее стоит ли весьма эфемерная поддержка со стороны КНДР фактического признания провала всего курса России и международного сообщества на денуклеаризацию Корейского полуострова? Или отказа КНДР от ядерного оружия предлагается достигнуть другими средствами? Упования на шестисторонние переговоры вряд ли реалистичны, потому что от них отказываются не только Вашингтон и его союзники, но и Пхеньян. Как признают сами авторы, «КНДР пока не настроена обсуждать ключевые вопросы ни с одной из сторон, кроме США» [Ibid: 251]. Тем самым эта позиция снижает роль России в урегулировании, а другого пути авторы не намечают.

Возможно, исследователи полагают, что стратегия нераспространения ядерного оружия устарела как таковая. Сторонники таких взглядов есть как в России, так и в США. В опубликованном в 2019 г. докладе российских экспертов «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности» фактически содержится предложение официально признать все страны, де-факто обладающие таким оружием, в том числе Израиль и КНДР, ядерными, и привлекать их к «концептуально-стратегическим диалогам» с существующими ядерными державами [Карганов, Суслов 2019: 49]. Это будет означать признание ядерного статуса КНДР, что повлечёт за собой цепную реакцию. Напри-

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). МИД России. Официальный сайт. 01.12.2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 12.01.2021).

⁶ Путин В.В. Ответы на вопросы журналистов. Президент России. Официальный сайт. 15.05.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54499> (дата обращения: 12.01.2021).

мер, в США авторитетные эксперты уже всерьёз выдвигают предложения разрешить разработку собственного ядерного оружия Южной Корее и Японии в качестве средства сдерживания возможного ядерного нападения КНДР [Badow 2016].

Укрепит ли такое развитие событий безопасность России? На наш взгляд, это крайне сомнительно. Не следует забывать, что КНДР – ближайшее к России государство, обладающее ядерным оружием. Его испытания проводятся в самой северной части Корейского полуострова, от которой рукой подать до Владивостока. Не говоря уж о военной операции, любая технологическая авария сразу же поставит под угрозу его шестисоттысячное население. В июле 2015 г. в Приморском крае был переработан план эвакуации населения на случай войны в безопасный район, представляющий собой «территорию, расположенную вне зон возможных разрушений, возможного радиационного загрязнения, возможного химического заражения...» [Басаргин 2015: 55].

Кроме того, увеличение числа ядерных держав явно противоречит интересам России тем, что снижает её вес в мире. Сегодня экономика России по номинальному ВВП – лишь 11-я в мире, но статус ведущей ядерной державы делает её второй после США и одной из пяти официально признанных ядерных держав (или одной из семи, если считать де-факто признанными ядерными государствами Индию и Пакистан). Чем больше государств будут получать ядерное оружие, тем больше девальвируется относительный статус России в мировой политике. Таким образом, борьба за нераспространение ядерного оружия в целом и его ликвидацию в Северной Корее в частности должна остаться приоритетной задачей российской внешней политики, и хотелось бы получить от авторов ответ, каким образом можно добиться этой цели, если поощрять Пхеньян за отказ от денуклеаризации смягчением санкций.

Ссылки исследователей на этику также не представляются достаточно обоснованными. От исчезновения северокорейского режима, будь то под международным дав-

лением или по внутренним причинам, только выиграют как корейский народ, так и его соседи. Объединённая Корея будет гораздо более крупной и, следовательно, независимой страной, так как исчезнет главная угроза её безопасности, и союз с США уже не будет иметь такого значения (хотя, возможно, и будет сохранён из-за соседства с Китаем). Россия сможет спокойно, не опасаясь ядерных катастроф, развивать с ней торгово-экономическое сотрудничество, как сейчас она это успешно делает с Южной Кореей – одним из главных своих азиатских партнёров. Это будет важно как само по себе, так и с точки зрения необходимости диверсификации отношений сотрудничества в Восточной Азии, с тем чтобы уйти от чрезмерной экономической зависимости от мощного Китая. Если положить всё это на одну чашу весов, а на другую – стремление проводить внешнеполитический курс по иррациональному советскому принципу «назло маме отморожу уши», то первая явно перетянет.

Учёные отмечают, что, несмотря на сложность и турбулентность политических отношений между Россией и КНДР в 2008–2017 годах, между странами продолжались развиваться культурные и гуманитарные связи. Любопытно замечание о том, что «из всех стран, ранее входивших в “социалистический лагерь”, КНДР оказалась наиболее восприимчивой к российской “мягкой силе”» [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 328]. Тут с ними нельзя не согласиться. Конечно, хотелось бы, чтобы к российской «мягкой силе» оказался восприимчив кто-то ещё.

Обращаясь к российско-южнокорейским отношениям, исследователи указывают на заинтересованность России в развитии в большей мере экономических связей с Южной Кореей в силу «ограниченности суверенитета» последней [Ibid: 414]. Что касается самого Сеула, то «главный фактор южнокорейского политического интереса к Москве – желание использовать её связи с Пхеньяном как инструмент влияния на КНДР» [Ibid: 409]. Авторы монографии заключают, что «российско-южнокорей-

ское сотрудничество отвечает взаимным интересам и в отдельных аспектах добивается существенных результатов, но для обеих стран развитие отношений не является приоритетной задачей, а границы взаимодействия определены конфигурацией связей с другими, более важными партнёрами». В то же время в целом позитивно оцениваются перспективы укрепления контактов между Россией и Республикой Корея в силу «сочетания относительной “беспроblemности”, определённого накопленного капитала отношений и потенциала для их развития», хотя и отмечается, что цели сторон не всегда совместимы, а «сравнительно низкая экономическая взаимозависимость и военно-политические факторы могут наложить ограничения на дальнейшее развитие связей» [Ibid: 412–413].

Авторы считают «высокий уровень политических отношений как с Югом, так и с Севером» важным для России дипломатическим активом «в масштабах не только Корейского полуострова, но и Северо-Восточной Азии в целом», поэтому они предостерегают от «перекося в ту или иную сторону», имевших место в советские годы и в начале 1990-х годов, подчёркивая «необходимость поддержания этого уровня и в будущем» [Ibid: 413].

Авторы монографии формулируют заключение о том, что если ставить задачу урегулирования в Корее, то единственно возможный путь — «целенаправленный поиск компромисса и баланса интересов», однако, констатируют они, ни одна из сторон особо не стремится к этому. Поэтому

сложившаяся в регионе ситуация «ни мира, ни войны», своеобразная «конфронтационная стабильность», является долгосрочной и, «возможно, наилучшим среди плохих сценариев» [Ibid: 432].

* * *

Корейская проблематика крайне важна для России по многим причинам. Оба корейских государства — соседи России, с которыми необходимо развивать добрососедское сотрудничество, они — влиятельные игроки в регионе Северо-Восточной Азии, который важен России как с геополитической точки зрения, так и для решения ее стратегической задачи по экономическому развитию её восточных регионов. Наконец, ядерная проблема Корейского полуострова — один из «горячих» вопросов мировой политики, в которой Россия играет значительную роль. Поэтому расширение исследований современной Кореи имеет для нашей страны огромное теоретическое и практическое значение.

Книга А.В. Торкунова, Г.Д. Толораи и И.В. Дьячкова вносит в это дело значительный вклад. Она — видное достижение российского корееведения и регионоведения в целом. Как и любое серьёзное исследование, она способна вызывать дискуссии и возражения и в том числе благодаря этому, безусловно, станет настольным пособием российских корееведов, специалистов по Восточной Азии и всех, кто интересуется современной жизнью в двух корейских государствах, их экономикой, культурой, внешней и внутренней политикой.

Список литературы

- Басаргин В.Д. Актуальные вопросы эвакуации населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы в системе гражданской обороны Приморского края // Совершенствование гражданской обороны в Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания с руководителями федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по проблемам гражданской обороны и защиты населения и XI Научно-практической конференции «Совершенствование гражданской обороны в Российской Федерации». М.: ДГО МЧС России, ФКУ ЦСИ ГЗ МЧС России, ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. С. 53–55. URL: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/sovershenstvovanie_grazhdanskoj_oborony.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
- Караганов С.А., Суслов Д.В. Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности: Доклад. М.: НИУ ВШЭ. 55 с. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf (дата обращения: 21.01.2021).

- Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл. Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 544 с.
- Торкунов А.В., Топорая Г.Д., Дьячков И.В.* Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). М.: Просвещение, 2021. 448 с.
- Armstrong Ch.K., Rozman G., Kim S.S.* (eds) Korea at the Center: Dynamics of Regionalism in Northeast Asia. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2006. 344 p.
- Bandow D.* Let Them Make Nukes: The Case for “Friendly” Proliferation. Foreign Affairs. 26.07.2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2016-07-26/let-them-make-nukes> (accessed: 21.01.2021).
- Cha V.* The Impossible State North Korea, Past and Future. New York: Ecco, 2013. 560 p.
- Jeh Sung-hoon, Lee Hye-jung, Kim Jae-kwan.* Sinhanbandochaje silhyeon-eul wihan mi-jung-leoui segyejeonlyag yeongu [A study on the Grand Strategies of the US, China, and Russia for the Realization of “New Korean Peninsula Regime”]. Korea Institute for International Economic Policy, 30.12.2019. 256 p. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&ntId=206474&searchIssue=&searchWrt=&pageIndex=12 (дата обращения: 12.01.2021).
- Park Byung-in.* Leosiaui dongjin jeonlyaggwa daehanbando jeongchaeg yeongu: ukeulaina satae ihu, gugje jeonlyaghwangyeong-ui byeonhwaleul baegyeong-eulo [Study on Russia’s Eastward Strategy and Policy toward the Korean Peninsula: With Change in the Strategic Environment since the Ukrainian Crisis as the Background]. Segyejeyogyegyeongunonchong [Journal of International Area Studies]. Vol. 33. No. 3. P. 127–146.
- Tan Hongmei.* Chaoxian bandao bainian guanxi yanhua yinsu yanjiu [The Study of the Factors Influencing the Evolution of North-South Relations on the Korean Peninsula]. Changchun: Jilin University Press, 2015.

KOREA IN THE EARLY 21ST CENTURY AND RUSSIA’S INTERESTS

ALEXANDER LUKIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

HSE University, Moscow, 101000, Russia

OKSANA PUGACHEVA

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Abstract

The article is a response to a new, pioneering book *Modern Korea. Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)* written by a group of leading Russian experts on Korea from MGIMO University: Anatoly Torkunov, Georgy Toloraya, and Ilya Dyachkov. The book is a valuable addition to the existing literature and a product of a unique approach to modern Korean studies conducted at MGIMO. The article examines and develops the comprehensive analysis provided by MGIMO professors, point out pressing issues on the Korean Peninsula and assess Russia’s potential role in solving them. The fact that the goal of denuclearizing the Korean Peninsula based on Pyongyang’s rejection of nuclear weapons not only has not been achieved, but became even more distant than before, leads us to questioning the logic behind the authors’ recommendation for Russia to withdraw its support from the international system of sanctions against Pyongyang and to move closer to North Korea. We argue that easing the sanctions may mean recognizing that Russia does not believe in this goal and wishes to encourage North Korea’s refusal to comply with the demands of the international community. Moreover, such an approach could be perceived as evidence of Russia’s support of some new academic theories which claim that the very system of non-proliferation has become outdated and can even be abolished altogether. At the same time, this position

would reduce the role of Russia in the Korean settlement, which would inevitably have a negative impact on DPRK's renunciation of nuclear weapons in the foreseeable future. The article argues that such views, especially that the non-proliferation strategy is outdated, come into a direct contradiction with Russia's interests. The recognition of DPRK's nuclear status may spark a chain reaction in the quest for nuclear weapons in the region which in turn would create a serious security threat for Russia's eastern regions. In addition, an increase in the number of nuclear states would devalue Russia's status as a nuclear power, thus, the policy of nonproliferation of nuclear weapons should remain a priority of Russia's foreign policy. Overall, we conclude that Moscow's policy towards the Korean peninsula should be based on careful evaluation of the current international situation as well as Russia's interests, and not on outdated and often counterproductive Soviet tradition.

Keywords:

Korean Peninsula; DPRK; Republic of Korea; nuclear and missile problem of the Korean Peninsula; Russia; Russia – North Korea relations; Russia – South Korea relations; USA.

References

- Armstrong Ch.K., Rozman G., Kim S.S. (eds) (2006). *Korea at the Center: Dynamics of Regionalism in Northeast Asia*. Armonk, NY: M.E. Sharpe. 344 p.
- Bandow D. (2016). Let Them Make Nukes: The Case for "Friendly" Proliferation. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2016-07-26/let-them-make-nukes> (accessed: 21.01.2021).
- Basargin V.D. (2015). *Aktualnye voprosy evakuatsii naseleniia, material'nykh i kulturnykh tsennosti v bezopasnye raiony v sisteme grazhdanskoi oborony Primorskogo kraia / Sovershenstvovanie grazhdanskoi oborony v Rossijskoi Federatsii. Materialy Vserossiiskogo soveshchaniia s rukovoditeliami federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti i organov ispolnitel'noi vlasti sub'ektov Rossijskoi Federatsii po problemam grazhdanskoi oborony i zashchity naseleniia i XI Nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sovershenstvovanie grazhdanskoi oborony v Rossijskoi Federatsii"* [Topical Issues of Evacuating the Population, Material and Cultural Heritage Objects to Safe Areas in the Civil Protection System of Primorsky Krai / Improving Civil Defense in the Russian Federation. Materials of the All-Russian Meeting with the Heads of Federal Executive Bodies and Executive Bodies of the Constituent Entities of the Russian Federation on the Problems of Civil Defense and Protection of the Population and the XI Scientific-Practical Conference "Improving Civil Defense in the Russian Federation"]. Moscow: DGO MCHS Rossii Publishers; FKU TSSI GZ MCHS Rossii Publishers; FGBU VNII GOCHS (FTS) Publishers. P. 53–55. URL: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/sovershenstvovanie_grazhdanskoi_oborony.pdf (accessed: 12.01.2021).
- Cha V. (2013). *The Impossible State North Korea, Past and Future*. New York: Ecco. 560 p.
- Jeh Sung-hoon, Lee Hye-jung, Kim Jae-kwan. (2019). *Sinhanbandacheje silhyeon-eul wihan mi-jung-leoui segyejeonlyag yeongu* [A study on the Grand Strategies of the US, China, and Russia for the Realization of "New Korean Peninsula Regime"]. Korea Institute for International Economic Policy. 256 p. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsld=search_report&ntld=206474&searchIssue=&searchWrt=&pageIndex=12 (accessed: 12.01.2021).
- Karaganov S.A., Suslov D.V. (2019). *Novoe ponimanie i puti ukrepleniia mnogostoronnei strategicheskoi stabil'nosti* [The New Understanding and Ways to Strengthen Multilateral Strategic Stability]. Report. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 150 p. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf (accessed: 21.01.2021).
- Park Byung-in. Leosiaui dongjin jeonlyaggwa daehanbando jeongchaeg yeongu: ukeulaina satae ihu, gugje jeonlyaghwangyeong-ui byeonhwaleul baegyeong-eulo [Study on Russia's Eastward Strategy and Policy toward the Korean Peninsula: With Change in the Strategic Environment since the Ukrainian Crisis as the Background]. *Segyejyeyogyangunonchong* [Journal of International Area Studies]. Vol. 33. No. 3: 127–146.
- Tan Hongmei. (2015). *Chaoxian bandao bainian guanxi yanhua yinsu yanjiu* [The Study of the Factors Influencing the Evolution of North-South Relations on the Korean Peninsula]. Changchun: Jilin University Press.
- Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.F. (2008). *Koreiskii poluostrov: metamorfozy poslevoennoi istorii* [Korean Peninsula: Metamorphoses of the Post-War History]. Moscow: OLMA Media Group Publishers. 544 p.
- Torkunov A.V., Toloraya G.D., Dyachkov I.V. (2021) *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)* [Modern Korea: Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)]. Moscow: Prosveshchenie Publishers, 2021. 448 p.

ГЛОБАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

Улуныян А.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. 2-е изд. Москва: URSS, 2020. 704 с.

Первая мировая война обрушила миропорядок, существовавший в относительно стабильной форме на протяжении нескольких столетий. К «старым» европейским и ближневосточным империям – Османской, Испанской и Британской – постепенно добавлялись новые игроки – Российская, Австро-Венгерская, Германская. Противоречия между ними вылились в итоге в глобальный конфликт 1914–1918 годов, исход которого в корне изменил довоенный status quo. Испанская империя пережила закат могущества ещё в конце XIX века. Российская же, Германская, Австро-Венгерская и Османская империи претерпели коренные изменения именно в результате Первой мировой войны. Российская империя сумела восстановиться в виде СССР. Германия пошла по пути восстановления статуса и могущества в 1930-х годах, что привело к ещё одной мировой войне. Османская и Австро-Венгерская империи распались, а на их месте образовалось несколько национальных государств. Лишь Британская империя сумела сохраниться, просуществовав в относительно неизменном виде до середины XX века. Однако в 1918 г. ситуация в мире выглядела непредсказуемо. Одним из факторов, определявших международную по-

вестку дня в 1917–1922 годах, стала борьба за преобладание в Русском (Западном) Туркестане. Она выступила одной из фаз «Большой игры» – противостояния между Россией и Британией в Центральной Азии. Для Британской империи эта борьба имела принципиальное значение с точки зрения сохранения позиций в Южной Азии. Именно этот сюжет стоит в центре внимания нового монографического исследования Артёма Акоповича Улуныяна «Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство».

А.А. Улуныян – автор ряда знаковых исследований международных процессов на Балканах, Ближнем Востоке, истории разведки XX века. Новая монография, с одной стороны, основана на его многолетнем научном опыте [Улуныян 1997; 2001; 2002; Сергеев, Улуныян 1999; 2003 и др.], а с другой – привлекает значительный объём нового материала. Рецензируемое исследование реконструирует период распада мировых империй и их соперничество за преобладание в Русском Туркестане, однако эта реконструкция укоренена в более широком контексте развития внутриаполитических и международных отношений фактически на всей территории Евразии – от главных

европейских столиц, определявших повестку дня, до Кашгара, Пекина и Токио.

Шестнадцать глав монографии детально восстанавливают перипетии борьбы в регионе между Россией (Российской империей, РСФСР, СССР), Великобританией, Османской империей (Турцией), Германией, Афганистаном. Свои основные цели автор сформулировал в вступительном разделе (с. 10–14): акцентировать внимание на истории деятельности британского разведывательного сообщества и его влияния на формирование внешнеполитического курса, оценить реальную степень осведомлённости британской разведки о событиях в Туркестане в 1917–1922 годах.

История исследований российско-британского противостояния в Туркестане насчитывает не один десяток лет; ежегодно библиография Большой игры пополняется десятками работ, но монографию А.А. Улуяна можно с полным основанием назвать новаторской. При возможно полном учёте исследовательской литературы автор сделал акцент на работе с первоисточниками как из российских архивов, так и из архивов Великобритании (в основном *The National Archives*). Нередки случаи, когда исследования значительного объёма концентрируются в большей степени на описательной стороне вопроса, превращаясь в «хронику событий». В других случаях авторы по тем или иным причинам в большей степени стремятся воспроизвести в оригинале первоисточники, уделяя их анализу меньшее внимание (см. разделы «Опубликованные архивные материалы» и «Публикации отдельных документов» на с. 673–675).

Исследование А.А. Улуяна представляет собой иной случай. Выстраивание длинной цепочки документов и описание тех или иных событий не является самоцелью. Книга последовательно ведёт читателя к вполне определённым выводам, точность которого может быть проверена на материале каждой главы: мир в 1917–1922 годах переживал период глобальной неопределённости. Основные мировые игроки были плохо осведомлены о происходившем

в Центральной Азии, они действовали зачастую наугад, ориентируясь на сведения, приходившие с сильным опозданием, достоверность которых далеко не всегда могла быть подтверждена. В межгосударственных отношениях доминировала подозрительность, которая была основана не только на несовпадении интересов, но и на отсутствии надёжных каналов коммуникации и информирования. В этой связи попытки формирования союзов немедленно оборачивались крахом. Результаты развития международных процессов в Центральной Азии в целом и в Русском Туркестане в частности определялись происходившим непосредственно на огромных пространствах от Южной Сибири до Северо-Западной России, от Балкан до Кашгара, и формирование надёжной системы сбора данных было одним из главных факторов, их определявших. Противоречия и неопределённость на международной арене осложнялись теми же процессами внутри самих государств, прежде всего в бывшей Российской и Османской империях и в Афганистане, претендовавшем на роль основного регионального центра силы. Отсутствие ясности в оценке статус-кво не давало крупным игрокам возможности принимать перспективные решения. Позволив РСФСР (СССР) восстановить влияние в прежних среднеазиатских владениях Российской империи и убедившись, что за прежде очерченные рубежи Москва выходить не собирается, Британская империя предпочла «синицу в руке» — сохранение прежнего положения дел. Она также несколько потеряла интерес к Туркестану как к плацдарму предполагаемой антибританской агрессии — российской (советской) ли, российско-афганской, афганско-турецкой или иной.

Попытка рассмотреть материал исследования более компактно представлялась бы едва ли оправданной. В книге и без того документы не воспроизводятся полностью, сноски кратки. Определённо, книга нуждается даже в некотором расширении объёма при сохранении той источниковой базы, которая была положена в её основу. Совер-

шенно необходимы указатели – имён и основных событий. Автор задействовал значительный набор источников. Его по понятным причинам нельзя назвать исчерпывающим, так как ещё многие национальные и региональные архивные собрания содержат большое количество документов, которые могли бы расширить наши представления о событиях в Центральной Азии в целом и в Русском Туркестане в 1917–1922 годах.

В этой связи подготовка следующего издания книги выглядит неизбежной. В частности, значительное количество документов по теме исследования содержит собрание Национальных архивов Индии. Многие из них уже доступны на портале *Abhilekh-patal*. Можно было бы обратить внимание на следующие подборки документов Министерства внутренних дел Британской Индии: “Defensive Measures Proposed for Dealing with Bolshevism” (декабрь 1919); “Defensive Measures Proposed Against Bolshevism. Appointment of a Special Officer in each Province to Deal with Bolshevik Propaganda” (февраль 1920), “Recovery of the Value of Russian Rouble Notes” (1921) и на целый ряд других документов, в которых раскрываются действия британской разведки и правительства в отношении Хивинского ханства, Бухарского эмирата, Афганистана, трактуются более общие вопросы реализации внешнеполитического курса.

Структура книги представляется в высшей степени удачной. Значительный текст разделён на главы приблизительно равного объёма, которые, в свою очередь, делятся на почти равные разделы. Возможно, следует присмотреться к соответствию названий фактическому содержанию. Раздел 15.1 «Реформы британского разведывательного сообщества и афгано-туркестан-

ские ожидания британского правительства» не содержит фактического материала о преобразованиях британской разведки, а глава 16 «Туркестан: из антибританского плацдарма в антибольшевистскую базу» в наименьшей степени излагает материал о превращении Туркестана в элемент антибольшевистской политики. Данная глава фактически венчает всё исследование. Она демонстрирует то, как создание СССР заставило Британскую империю считаться уже не с плацдармом в непосредственной близости от своих границ, а с новой могущественной империей.

Дальнейшая работа с материалом по истории российско- (советско)-британского противостояния в Центральной Азии, как представляется, поставит вопрос и об издании «Туркестанского плацдарма» на английском языке. Материалы российских архивных собраний представляют собой не меньший интерес для англоязычных исследователей и широкого круга читателей, чем данные источников из архивов Великобритании и Индии. Желательно также обратить внимание на архивы Ташкента и Бишкека.

Монография А.А. Улуняна «Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство», несомненно, составляет важнейшее звено в цепи исследований международных процессов первой четверти XX века. Рецензируемая книга не только подводит итоги, но и обозначает перспективы научного поиска по истории Первой мировой войны и межвоенного периода, истории Центральной Азии, межгосударственных отношений, теории международных процессов.

Михаил Бухарин
доктор исторических наук

Список литературы

- Сергеев Е.Ю., Улунян А.А. Военные агенты Российской империи в Европе, 1900–1914 г. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. 419 с.
- Сергеев Е.Ю., Улунян А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М.: Реалити-пресс, 2003. 480 с.

- Улунян А.А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж. 1919–1938 гг. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1997. 219 с.
- Улунян А.А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М.: Российские вести, 2001. 283 с.
- Улунян А.А. Балказия и Россия. Структура угроз национальной безопасности Российской империи на Балканах, в Центральной и Передней Азии в представлениях российской военной и гражданской бюрократии (1900–1914 гг.). М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. 321 с.

References

- Sergeev E.Yu., Ulunyan A.A. (1999). *Voennye agenty Rossijskoj imperii v Evrope, 1900–1914 gg* [Military Agents of the Russian Empire in Europe, 1900–1914]. Moscow: Institut vseobshchej istorii RAN. 419 p.
- Sergeev E.Yu., Ulunyan A.A. (2003). *Ne podlezhit oglasheniyu. Voennye agenty Rossijskoj imperii v Evrope i na Balkanakh. 1900–1914* [Not Subject to Announcement. Military Agents of the Russian Empire in Europe and the Balkans. 1900–1914]. M.: Realiti-press. 480 p.
- Ulunyan A.A. (1997). *Komintern i geopolitika: Balkanskij rubezh. 1919–1938 gg.* [Comintern and Geopolitics: Balkan Frontier. 1919–1938]. Moscow: Institut vseobshchej istorii RAN. 219 p.
- Ulunyan A.A. (2001). *Balkany: goryachij mir holodnoj vojny. Gretsija i Turtsiya mezhdum Zapadom i Vostokom. 1945–1960 gg.* [Balkans: the Hot World of the Cold War. Greece and Turkey Between the West and the East. 1945–1960]. Moscow: Rossijskie vesti. 283 p.
- Ulunyan A.A. (2002). *Balkaziya i Rossiya. Struktura ugroz nacionalnoj bezopasnosti Rossijskoj imperii na Balkanah, v Central'noj i Perednej Azii v predstavleniyakh rossijskoj voennoj i grazhdanskoj byurokratii (1900–1914 gg.)* [Balkasia and Russia. The Structure of Threats to the National Security of the Russian Empire in the Balkans, Central and Front Asia in the Representations of the Russian Military and Civil Bureaucracy (1900–1914)]. Moscow: Institut vseobshchej istorii RAN. 321 p.

ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЕДОМСТВ

Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 356 p.

Манор И. Цифровизация общественной дипломатии. Чам, Швейцария: Палгрейв Макмиллан, 2019. 356 с.

Государственные органы в сфере внешних сношений находятся в постоянном поиске новых подходов и инструментов при обеспечении национальных интересов. Трансформация мировой политической организации усиливает роль публичной дипломатии, направленной на формирование имиджа государства за рубежом. В отличие от периода «холодной войны», новая публичная дипломатия ориентируется на концепцию «мягкой силы». Отказываясь от монолога, она вступает в диалог с обществами других стран, включается в конкуренцию за внимание третьих сторон [Публичная дипломатия 2017]. Глобальный феномен использования интернет-технологий в дипломатии сопровождается возрастающим академическим интересом к «цифровой дипломатии». Исследователи стремятся оценить практику внедрения цифровых процессов в деятельность посольств, дипломатов, ведомств и мировых политических лидеров [Melissen 2005; Gurgu 2016; Mirmohammad Sadeghi 2019], подчёркивают необходимость осознания государственными властями и местными сообществами возрастающего потенциала информационно-коммуникационных технологий в интерактивном общении с аудиторией и поиске точек взаимодействия в принятии политических решений [Kowalik 2019].

Цифровизация оказывает значительное влияние на внешнюю политику: формы её реализации и структуру на каждом из уровней дипломатической деятельности. В современном научном дискурсе существуют различные подходы к оценке данных процессов: *парадигмальный*, при котором публичная дипломатия изучается с позиций основных научных школ в области международных отношений [Казаков 2016]; *структурно-функциональный*, когда публичная дипломатия исследуется на уровне группы, сообщества, института или организации [Vromen 2017]; *системный*, определяющий целевую направленность публичной дипломатии [Harreg 2013]. Автор рецензируемой монографии придерживается интегративного подхода, обращаясь как к структурно-функциональной составляющей публичной дипломатии, так и к целевому характеру её использования.

В своей книге Илан Манор представляет результаты исследовательского проекта, посвящённого широкому спектру вопросов использования министерствами иностранных дел цифровой дипломатии и интернет-платформ: от анализа контента, размещаемого ведомствами в медиaprостранстве (социальных сетях *Twitter* и *Facebook*), до методов соотнесения интернет-сообщений с разными группами и аудиториями цифрового пространства.

Большое внимание уделено анализу вызовов и возможностей коммуникационных технологий публичной дипломатии, поведению международных политических субъектов в сфере цифрового взаимодействия. Одна из задач исследования И. Манора — показать, как нормы, ценности и логика интернет-среды распространились на деятельность внешнеполитических ведомств.

Цифровые технологии создали новое глобальное медиаполе, характеризующееся непрерывными потоками информации, которые не ограничены пространством, временем и национальными границами. Как всё это может повлиять на практики дипломатии? На этот вопрос и пытается ответить автор, опираясь на более чем десятилетние наблюдения, эмпирические данные и контент-анализ.

В первой и второй главах рассматриваются ключевые характеристики «цифрового общества» и «цифровой аудитории», а также вызовы, возникающие перед дипломатическими структурами в киберпространстве. Манор считает, что ни один из предлагаемых исследователями терминов (виртуальная, сетевая, цифровая, публичная дипломатия 2.0 и др.) не отражает в полной мере влияние цифровых технологий на публичную дипломатию. Дипломатические учреждения не существуют в бинарном состоянии (в цифровом/нецифровом виде) и не могут быть разделены на тех, которые перевели в интернет свою деятельность, и тех, кто пока этого не сделал (с. 14). Автор предпочитает говорить о цифровизации публичной дипломатии, которую следует концептуализировать как долгосрочный процесс воздействия технологий на нормы, ценности, рабочие процедуры и структуры дипломатических учреждений (с. 15). Тем самым И. Манор предлагает новую концептуальную основу для изучения влияния цифровых технологий на публичную дипломатию.

Анализируя в главах 3 — 9 деятельность дипломатических ведомств, Манор демонстрирует, что цифровизация — это уникаль-

ный процесс, зависящий от множества организационных, национальных и глобальных факторов, который развивается разными темпами и в разных направлениях. Автор показывает, что развитие цифровых инструментов и технологий, с одной стороны, открывает новые перспективы перед работниками МИДов и консульских учреждений, а с другой — порождает новые вызовы.

Развитие информационно-коммуникативных технологий привело к утрате представителями внешнеполитических ведомств монополии на дипломатическое общение. Цифровые платформы превратились в арену противоборства многочисленных игроков, предлагающих свою трактовку мировых событий, конкурируя за внимание иностранных аудиторий. Цифровизация публичной дипломатии позволила широкому кругу действующих лиц (от террористических групп, таких как Исламское государство¹, и квазигосударств до международных дипломатических структур) участвовать в публичной дипломатии, укреплять отношения с общественностью и управлять своим имиджем. Современный мир демонстрирует множество примеров, когда правительственные и неправительственные субъекты борются за влияние в киберпространстве с помощью армии троллей и ботов. К примеру, Корпус Стражей Исламской Революции в Иране запустил 10 тыс. блогов для противодействия светским и религиозным организациям.

В гл. 3 и 4 монографии представлен обзор первых проектов цифрового взаимодействия между МИДа, дипломатами и общественностью. На многочисленных примерах (работа виртуального посольства Швеции в *Second Life*, запущенного в 2007 году, попытки Израиля остановить поток антисемитских высказываний в социальных сетях, использование Твиттера иранскими лидерами для рассказа о внешней политике своей страны, использование приложения для смартфонов и интернет-платформы Министерством иностран-

¹ Запрещенная в России террористическая группировка.

ных дел Индии) Манор демонстрирует усилия дипломатов по учёту в публичной дипломатии актуальных запросов аудиторией, с которой они стремятся взаимодействовать. Исследователь приходит к выводу, что, несмотря на желание использовать интернет-платформы для публичной дипломатии, дипломаты не были знакомы с их логикой. Потребовалось время, чтобы послы научились использовать социальные сети в качестве инструмента для анализа настроений зарубежной общественности и иностранной элиты, а пресс-атташе последовательно перешли от идеи простого цифрового присутствия к организации информационных кампаний как запланированных наборов мероприятий, проводимых в течение определённого периода времени для достижения измеримых целей.

Цифровизация публичной дипломатии предоставила дипломатам новые инструменты для управления имиджем и репутацией своей страны. Социальные сети в настоящее время позволяют создавать интернет-бренд нации (*iBrand*), который отмечает национальные достижения, рекламирует культуру страны и демонстрирует её ценности. В гл. 8 Манор приводит примеры *Selfie Diplomacy*, под которой автор понимает использование социальных сетей для управления национальным брендом. Исследователь подчёркивает, что, используя социальные медиа для самопрезентации, нация может создать дихотомию «мы и они» (“*us*” versus “*them*”) (с. 285). В данном контексте описаны два кейса: на основе анализа публикаций Государственного департамента в *Facebook* и *Twitter* автор показывает, как США пытались разрушить образ «жадной, корыстной, анти-мусульманской милитаристской империи», а Польша – восприятие её мировой ответственностью как пособницы Германии, причастной к зверствам Второй мировой войны.

В гл. 9 Манор рассматривает роль послов Великобритании, США, Швейцарии и Голландии в увеличении интернет-аудитории их посольств. Анализируя число

подписчиков в официальных аккаунтах этих государств в 30 странах, автор приходит к выводу, что число подписчиков у посольского работника даже среднего ранга больше, чем у аккаунта посольства, а послы вносят существенный вклад в цифровую связь своих ведомств, увеличивая и диверсифицируя цифровую аудиторию представительств. Нельзя не согласиться с автором в том, что дипломаты получили возможность в обход СМИ передавать новости и делиться информацией, привлекать целевые группы и влиять на восприятие зарубежной аудиторией мировых событий и политических игроков. При этом количество подписчиков/читателей аккаунтов не может служить главным критерием успеха публичной дипломатии: просмотр видеороликов или текстовых сообщений необязательно подразумевает согласие пользователей с передаваемой информацией и не гарантирует достижения намеченных внешнеполитических целей. Необходим не только сравнительный анализ присутствия субъектов публичной политики в киберпространстве (определение количества подписчиков и активных пользователей в сообществах и аккаунтах; поиск наиболее популярных политических и правительственных медиааккаунтов), но и выявление самой цитируемой информации; проведение количественного и контент-анализа постов в сообществах внешнеполитических ведомств в социальных сетях. С практической точки зрения важно понимать, какое место проекты по созданию положительного имиджа, ценностей и позиции того или иного государства занимают в среде лидеров общественного мнения. Влияет ли информация на население? Ареной противостояния каких общественно-политических сил становится цифровое пространство? Ответы на эти вопросы способен дать анализ «больших данных» – *BigData*. В этой связи одной из важнейших компетенций сотрудников внешнеполитических ведомств, отвечающих за цифровые коммуникации, выступают навыки работы с *BigData*, позволяющие диплома-

тическим ведомствам бороться с «информационными пузырями», «эхо-камерами», дезинформацией, злонамеренным и враждебным использованием информационных технологий в ущерб суверенитету государств, их территориальной целостности и политической независимости, международному миру и безопасности.

В чрезвычайно полезном и интересном исследовании на примере разнообразных кейсов И. Манор развивает сложную теорию цифровой политики, способствующую дискуссиям не только в области публичной и цифровой дипломатии, но и в теории международных отношений и внешней политики. Монография представляет несомненный интерес как для исследователей-

международников, так и для практиков в сфере государственного управления, занимающихся планированием и реализацией проектов публичной дипломатии. Исследование может служить образцом применения теоретических знаний в анализе практических действий правительства на международной арене и стимулировать дальнейшее изучение проблемы взаимосвязи публичной дипломатии и политики государства.

Гульнур Суфиянова
кандидат исторических наук

Екатерина Муслимова
кандидат исторических наук

Список литературы

- Казаков М.А., Макарова К.Е.* Публичная дипломатия и публичная экспертиза: основные подходы и взаимосвязи // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. №1 (1). С. 5–9.
- Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. 272 с.
- Gurgu E., Cociuban A.D.* The Role of Public Diplomacy in International Relations in Full Process of Globalization // *Annals of Spiru Haret University. Economic Series.* 2016. Vol. 16. No. 2. P. 125–141. DOI: 10.26458/16210
- Happer C., Philo G.* The Role of the Media in the Construction of Public Belief and Social Change // *Journal of Social and Political Psychology.* 2013. Vol. 1. No 1. P. 321–336. DOI: 10.5964/jssp.v1i1.96.
- Kowalik K.* Use of Information and Communication Technologies in Official Websites of Gminas. Are the Polish Rural and Urban-Rural Local Governments Prepared to Communicate with the Younger Generation – Digital Natives, Generation Y? // *Public Administration Issue.* 2019. Issue I (electronic edition). P. 140–154. DOI: 10.17323/1999-5431-2019-0-5-140-154.
- Melissen J.* The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // *The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations* / ed. by J. Melissen. Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2005. 245 p.
- Mirmohammad Sadeghi S.M., Hajimineh R.* The Role of Iran's «Soft Power» in Confronting Iranophobia // *MGIMO Review of International Relations.* 2019. Vol. 12. No. 4. P. 216–238. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-216-238.
- Vromen A.* Digital Citizenship and Political Engagement. The Challenge from Online Campaigning and Advocacy Organisations. London: Palgrave Macmillan, 2017. 278 p.

References

- Gurgu E., Cociuban A.D. (2016) The Role of Public Diplomacy in International Relations in Full Process of Globalization. *Annals of Spiru Haret University. Economic Series.* Vol. 16. № 2. P. 125–141. DOI: 10.26458/16210
- Happer C., Philo G. (2013) The Role of the Media in the Construction of Public Belief and Social Change. *Journal of Social and Political Psychology.* Vol. 1. №1. P. 321–336. DOI: 10.5964/jssp.v1i1.96.
- Kazakov M.A., Makarova K.E. (2016). Publichnaya diplomatiya i publichnaya ekspertiza: osnovnyye podhody i vzaimosvyazi [Public Diplomacy and Public Expertise: Key Approaches and Relationships]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences.* Vol. 1. №1. P. 5–9.

- Kowalik K. (2019). Use of Information and Communication Technologies in Official Websites of Gminas. Are the Polish Rural and Urban-Rural Local Governments Prepared to Communicate with the Younger Generation – Digital Natives, Generation Y? *Public Administration Issue*. Issue I (electronic edition). P. 140–154. DOI: 10.17323/1999-5431-2019-0-5-140-154.
- Lebedeva M.M. (ed.) (2017). *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika: Nauchnoe izdanie* [Public Diplomacy: Theory and Practice: Scientific Edition]. Moscow: Aspect Press. 272 p.
- Melissen J. (2005) *The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice*. In: *The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations* / ed. by J. Melissen. Hampshire; New York: Palgrave Macmillan. 245 p.
- Mirmohammad Sadeghi S.M., Hajimineh R. (2019) The Role of Iran's «Soft Power» in Confronting Iranophobia. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 12. №4. P. 216–238. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-216-238

Наши авторы

- Байков Андрей Анатольевич** – кандидат политических наук, доцент, директор Научно-образовательного форума по международным отношениям (НОФМО)
- Борзова Алла Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор Кафедры теории и истории международных отношений РУДН
- Бухарин Михаил Дмитриевич** – академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Войников Вадим Валентинович** – доктор юридических наук, профессор Кафедры европейского права МГИМО МИД России; профессор Кафедры европейского и международного права Балтийского федерального университета имени И. Канта
- Данилин Иван Владимирович** – кандидат политических наук, заведующий Отделом науки и инноваций Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН
- Лукин Александр Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России; руководитель Департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
- Мальцев Артём Михайлович** – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
- Мартынов Борис Фёдорович** – доктор политических наук, профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России
- Муслимова Екатерина Олеговна** – кандидат исторических наук, ассистент Кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета
- Некрасов Борис Игоревич** – аспирант Кафедры теории и истории международных отношений РУДН
- Пугачёва Оксана Сергеевна** – менеджер Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
- Ребро Ольга Игоревна** – эксперт Центра перспективных американских исследований ИМИ МГИМО МИД России
- Садаков Денис Андреевич** – кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета
- Суфиянова Гульнур Рафаэлевна** – кандидат исторических наук, доцент Кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета
- Сучков Максим Александрович** – кандидат политических наук, доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России
- Сушенцов Андрей Андреевич** – кандидат политических наук, директор Института международных исследований, МГИМО МИД России
- Энтина Екатерина Геннадьевна** – доктор политических наук, заместитель проректора по науке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Европы РАН
- Энтин Марк Львович** – доктор юридических наук, профессор, заведующий Кафедрой европейского права МГИМО МИД России; профессор Кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; ведущий эксперт Российского института стратегических исследований
- Юнгблуд Валерий Теодорович** – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета

Our authors

- Dr Andrey Baykov** – Executive Director, Academic and Educational Forum on International Relations, Visiting Professor, Henley Business School, University of Reading (UK)
- Prof. Alla Borzova** – Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University
- Prof. Dr Mikhail Bukharin** – Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Associate, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences
- Dr Ivan Danilin** – Head, Sector for Innovation Policies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Prof. Dr Mark Entin** – Chair, Department of European Law, MGIMO University; Professor, Department of Theory and History of International Relations, Boris Yeltsin Ural Federal University; Leading Expert, Russian Institute of Strategic Studies
- Prof. Dr Ekaterina Entina** – Deputy Vice Rector for Science, Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; Senior Researcher, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences
- Prof. Dr Alexander Lukin** – Director, Center for East Asian and SCO Studies, MGIMO University; Head, Department of International Relations, HSE University
- Mr Artem Maltsev** – Doctoral Candidate, HSE University
- Prof. Dr Boris Martynov** – Chair, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University
- Dr Ekaterina Muslimova** – Teaching Assistant, Department of Modern History and World Politics, University of Tyumen
- Mr Boris Nekrasov** – Doctoral Candidate, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University
- Ms Oksana Pugacheva** – Manager, International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, HSE University
- Mrs Olga Rebro** – Expert, Center of Advanced American Studies, Institute for International Studies, MGIMO University
- Denis Sadakov** – Associate Professor, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University
- Dr Maksim Suchkov** – Associate Professor, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University
- Dr Gulnur Sufiyanova** – Associate Professor, Department of Modern History and World Politics, University of Tyumen
- Dr Andrey Sushentsov** – Director, Institute for International Studies, Associate Professor, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University
- Prof. Dr Vadim Voynikov** – Professor, Department of European Law, MGIMO–University; Professor, International and European Law Department, Immanuel Kant Baltic Federal University
- Prof. Dr Valery Yungblud** – President, Vyatka State University

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

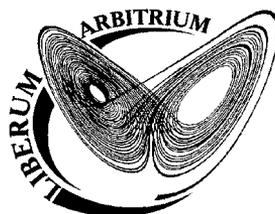
Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, поглощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

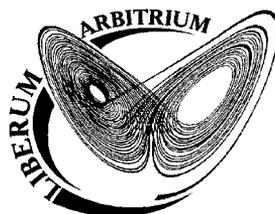
Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТЕМАТИКА РАНЕЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ

Том восемнадцатый. 2020	No 1	Национальные задачи и международный опыт
	No 2	Нормы и конструкты в поведении государств
	No 3	Сценарии соперничества и издержки конфликта
Том семнадцатый. 2019	No 1	Глобальные технологические развилки
	No 2	Международные отношения. К столетию дисциплины
	No 3	Экономический инструментарий политики
	No 4	Форма vs. содержание в международной политике
Том шестнадцатый. 2018	No 1	Стратегии мироуправления
	No 2	Соотношение мощи и власти в международной политике
	No 3	Динамика порядка и логика протеста
	No 4	Новое в решении извечных проблем
Том пятнадцатый. 2017	No 1	Вызовы изменений
	No 2	Эволюция субъектности в глобальной политике
	No 3	К 50-летию АСЕАН
	No 4	Опыт и идентичность
Том четырнадцатый. 2016	No 1	Динамика и инерция
	No 2	Конкуренция в мировой политике
	No 3	Военная сила и асимметрия мощи
	No 4	Вызовы всемирности
Том тринадцатый. 2015	No 1	История в политике и политика в истории
	No 2	Методы и наука
	No 3	Экономические трудности политической системы
	No 4	Ресурсы влияния и инструменты регулирования
Том двенадцатый. 2014	No 1-2	Глобальная политика и информационная война
	No 3	«Новые старые» правила мировой политики?
	No 4	Независимость и предел ответственности
Том одиннадцатый. 2013	No 1	Общество, дискурс, политика
	No 2	Сотрудничество и противоборство в мировой политике
	No 3-4	К 10-летию журнала «Международные процессы»
Том десятый. 2012	No 1	Идея и структура в миросистемной эволюции
	No 2	Среда международной безопасности
	No 3-4	Теория в условиях неопределённости
Том девятый. 2011	No 1	Неуверенная экономика и напряжённое общество
	No 2	Дробление пространства политики
	No 3	Источники глобальной опасности
Том восьмой. 2010	No 1	Политические измерения глобального пространства
	No 2	Конфликт и право
	No 3	Социальная фаза глобального кризиса
Том седьмой. 2009	No 1	Контурсы мирового беспорядка
	No 2	Запрос на перемены
	No 3	Политическая демократия и мировое государство
Том шестой. 2008	No 1	Цикл расхождений в мировой системе
	No 2	Кризис и перспектива
	No 3	Сила и иерархия в мировой политике
Том пятый. 2007	No 1	Контроль и влияние в мировой политике
	No 2	Сопредельные пространства в мировой политике
	No 3	Интеграция и национальный интерес
Том четвёртый. 2006	No 1	Единство и разнородность
	No 2	Хронические конфликты в мировой политике
	No 3	Глобальная конкуренция в мировом государстве
Том третий. 2005	No 1	Регулирование и саморегулирование в мировой политике
	No 2	Антропология мировой политики
	No 3	Нефть и безопасность
Том второй. 2004	No 1	Философия международных отношений
	No 2	Лидерство и контрлидерство
	No 3	Свобода и несвобода
Том первый. 2003	No 1	Порядок и право
	No 2	Мир и война
	No 3	Пространство мира и международная безопасность

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля – только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подготавливаемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы – должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-дных русскоязычных конструкций и идиом.

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / *IFRI. Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo I sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).

Издательство

АСПЕКТ ПРЕСС

Учебная литература для вузов

**Новый
интернет-магазин**

shop.aspectpress.ru

